ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Саркисян Жаклин Меружановна

МЕХАНИЗМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЯМИ ГЛОБАЛЬНЫХ ШОКОВ В МОДЕРНИЗИРУЕМЫХ ЭКОНОМИКАХ

(на примере развивающихся стран)

Специальность 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (менеджмент)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени доктора экономических наук

Научный консультант:
д.э.н., профессор
Степнов Игорь Михайлович

Москва, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА 1. ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ И ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИСТЕМ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ 19

1.1. Модернизация как необходимое условие развития национальных хозяйственных систем 19

1.2. Противоречия и проблемы сбалансированности национальных интересов и глобализации в экономической политике 38

1.3. Направления модернизации различных национальных экономик в условиях технологического скачка 54

1.4. Совокупное влияние глобально-ориентированной модернизации национальных хозяйственных систем на деятельность международных и национальных компаний 72

ГЛАВА 2. ГЛОБАЛЬНЫЕ ШОКИ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ МОДЕРНИЗИРУЕМЫХ ЭКОНОМИК 84

2.1. Шоки в контексте сущности и представлений о развитии макроэкономических систем под влиянием глобальных процессов 84

2.2. Типология глобальных шоков с учетом неоднородности их возникновения и проявления 93

2.3. Измерение влияния рисков экономических и неэкономических шоков на экономику и корпорации в развивающихся странах 104

2.3.1. Риски глобальной нестабильности 109

2.3.2. Риски приоритета национальных интересов 115

2.3.3. Риски неравномерности экономического развития 117

2.3.4. Риски торговли и конкуренции 128

2.3.5. Экологические риски 136

2.3.6. Демографические риски 143

2.3.7. Социальные риски 148

2.3.8. Технологические риски 154

2.3.9. Риски цифровизации 159

2.3.10. Риски цифровых финансов 163

ГЛАВА 3. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВА И КОРПОРАЦИЙ В ПРЕОДОЛЕНИИ ПОСЛЕДСТВИЙ ШОКОВ 168

3.1. Методологический подход к идентификации последствий глобальных шоков и их влияния на экономику стран и корпораций 168

3.2. Структурные изменения в экономике как реакция на глобальные шоки: роль государства и стратегии бизнеса 181

3.3. Учет последствий трансформаций национальных экономик в моделях риск-менеджмента корпораций 198

3.4. Адаптация антишокового регулирования к национальным решениям по стабилизации и восстановлению экономики 211

ГЛАВА 4. РАЗВИТИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ, КОМПЕНСИРУЮЩИХ ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ШОКОВ В УПРАВЛЕНИИ МОДЕРНИЗИРУЕМЫМИ ЭКОНОМИКАМИ (на примере Российской Федерации) 223

4.1. Развитие механизма стратегического управления в рамках сквозной государственной стратегии развития 223

4.2. Угрозы и возможности стратегии следования глобальным технологическим трендам 236

4.3. Функциональные аспекты оптимизации системы государственного управления в условиях модернизации 250

4.3.1. Баланс ключевых показателей и целей национальной стратегии в управлении государственными корпорациями 250

4.3.2. Экономические последствия политики ограничений и запретов на уровне национальных и глобальных решений 257

4.3.3. Компенсирующий механизм налоговой политики 264

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 270

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ 277

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Кризисы и шоки в существующей экономической модели и практике капитализма являются постоянным явлением. Классические взгляды отводят деловым циклам («оживление – рост – падение – кризис») роль преодоления кризисов капитализма (в отличие от позиции К. Маркса, считавшего, что кризисы ведут к гибели капитализма) и утверждают, что именно цикличность, также как и с накопленным кризисом (например, «мыльными пузырями»), является лучшим выходом из ситуации, вызванной шоком, возникшим по экономическим или неэкономическим причинам. Однако экономическая политика развитых и развивающихся стран должна отличаться при выходе из шокового состояния в силу различного объема имеющих резервов и в силу ограниченности стабилизационных инструментов по выходу из кризиса. Последнее особенно заметно проявляется в условиях глобальных шоков, хотя также проявляется и при локальных шоках (например, миграция в Европу). У развивающихся стран может не хватить времени на ожидание нового циклического подъема (в силу ограниченности ресурсов) или инструменты, применимые для развитых экономик, могут содержать угрозы для развивающихся стран (так, инфляция может создать основу экономического роста и является ожидаемым спасением в развитых странах, но в развивающихся странах она может оказаться причиной нового экономического шока).

Следует также отметить, что большинство современных развивающихся стран осуществляют опережающую или догоняющую модернизацию экономики в целях обеспечения экономического роста соизмеримого с ростом глобального валового продукта. Это приводит к тому, что воздействие внешних шоков на экономику стран, оказывается еще более сильным в связи с дефицитом ресурсов. Отказ от модернизации экономики немыслим для таких стран, что требует поиска специальных

механизмов сопротивления шокам. Отметим, что нарастающие в последние два-три года тенденции протекционизма следует относить именно к защите собственных экономик, чем к национальным амбициям таких стран. Развивающие страны вынуждены использовать дополнительные ресурсы и инструменты для выживания после шока. Эти механизмы должны иметь гармонизированный характер.

Несомненно, для того чтобы оценивать воздействие глобальных шоков, надо понимать природу их возникновения и механизмы передачи внутри экономики (не только в финансовом аспекте, но и в отраслевом разрезе). Например, в России отраслевой разрез соответствует национальным целям, что приводит к необходимости учета влияния шоков на экономику не только в целом, но и с учетом отраслевых особенностей, что требует статистического исследования и в отраслевом масштабе (как минимум, отраслевых лидеров). Классификация шоков при этом должна обеспечить понимание общей картины рисков.

Также следует обратить на две ключевые фазы: это «удержание» экономики в момент шока (что направлено более социальные цели) и обеспечение более быстрого выхода из кризиса (опережение в циклическом развитии). Особую опасность приобретает К-модель выхода из кризиса, в которой отрасли ведут себя неравномерно. Если на первой фазе основной угрозой является разрушение глобальных цепочек стоимости, то на второй фазе основной угрозой является недостаточность взаимодействия корпораций и государства.

В связи с этим экономическая политика развивающихся экономик должна обеспечить сотрудничество государства и корпораций по выходу из кризиса. Предлагаемые механизмы могут быть выстроены на микро и макро уровнях, но должны действовать как гармонизированные проявления общей политики. Таким образом, существует объективная необходимость и подтвержденная актуальность развития механизмов стратегического

управления экономикой и формирование новой инфраструктуры для возможности более эффективного стратегирования.

Степень разработанности проблемы

Глобальные (внешние) шоки и их влияние на темпы экономического роста стран и деятельность корпораций является достаточно новаторским направлением в экономических исследованиях, присутствуя как объект исследования в статьях зарубежных и ведущих российских ученых (Р. Солоу, Р. Фриш, Е. Слуцкий, Р. Лукас, Ф. Кюдланд, Э. Прескотт, Т. Кехо, Т. Сван, П. Ромер, Х. Мински, О.Ж. Бланшар, В.А. Мау, А.А. Аузан, С.А. Лукьянов, В.М, Аньшин, З.А. Пилипенко и др.).

Отталкиваясь от классификаций стран по экономическому развитию, предложенных ООН, МВФ и Всемирным банком, следует выделить большой массив научных работ, рассматривающих сущность, типы и особенности модернизации, а также особенности прорывного и догоняющего развития в разных странах, начиная с идентификации модернизации как экономического явления с 50-60-х гг. XX в. и представленных в работах Ш. Эйзенштадта, А. Тоффлера, А. Гидденса, У. Бека, Д. Белла, И. Валлерстайна, П. Холла, Д. Соскиса, Ж.-Ф. Лиотара, А. Агиляра, Р. Инглхарда, Т. Дус-Сантус, Р.М. Марини, К. Вельцеля, Р. Пребиша, П. Барана, Й. Драхокупил, В. Попова, К. Джомо, М. МакМиллана, Д. Лернера, Д. Роддрика, Э. вон Вайзсакера, И. Вердузко-Галло, Дж. Сачса, К. Гирц, Э. Уорнера, М. Ландесманна, Р. Столлиенгера, С. Хантингтона, Ж.Ф. Лиотар, Р. Аута, Х. Кана, У. Брауна, Л. Мартеля, Е.Г. Ясина и др.).

Вопросы влияния глобализации и мирового научно-технологического развития на страны и корпорации стали предметом исследования в трудах работах российских (С.Б. Авдашева, В.Л. Иноземцев, С.П. Глинкина, Ю.А. Ковальчук, Р.М. Нуреев, Р.О. Очкин, Т.А. Малова, Я.И. Миркин, Н.В. Смородинская, М.Д. Симонова, И.М. Степнов и др.) и иностранных ученых (К. Шваб, Д. Акемоглу, П. Рестрепо, К. Кранч, Г. Грув, Л. Пателли, Л.М. Викторавич, М. ванн Эссен, С. Сассен, Дж. Паули и др.).

Однако, в работах по данной тематике не нашли в полной мере отражения вопросы, связанные с развитием стратегического управления последствиями глобальных шоков в экономических политиках стран, а также оценкой влияния последствий модернизации систем макроуровня на деятельность компаний, осуществляющих свою деятельность на национальных и мировых рынках, недостаточно разработаны механизмы риск-менеджмента таких компаний при учете национальных политик в соответствии с трендами нового технологического уклада. Также, несмотря на большое количество теоретических и практических исследований, проведенных российскими и зарубежными учеными, проблема развития механизмов стратегического управления в условиях влияния глобальных шоков и нарастания рисков интернационализации бизнеса по-прежнему остается одной из самых существенных в силу появления факторов неопределенности нового качества и влияния на деятельность корпораций, включая их неэкономическую природу, а также синтез технологических, геополитических, экономических, социальных и др. составляющих элементов внешней среды. Глубина и масштабность проблем, их актуальность и возрастающая практическая значимость определили выбор темы, объекта и предмета исследования, а также цель и задачи диссертационной работы.

В качестве теоретической базы данного исследования автор опирался на труды отечественных и зарубежных ученых в области менеджмента, стратегического управления, государственного управления, планирования и прогнозирования, диагностики состояния и динамики развитии экономических систем.

В качестве **методологической основы** исследования использованы фундаментальные концепции, представленные в трудах классиков экономической теории и публикациях современных ученых по проблемам менеджмента, государственного и стратегического управления. В диссертационной работе использовались статистические и аналитические

материалы, тематические материалы периодических изданий, материалы информационных сайтов, а также данные, полученные в процессе научно-практической работы автора. Для решения поставленных задач в работе применялись общие теоретические методы: анализ и синтез, абстрагирование, формализация; экономико-математические методы, методы экономического анализа, статистические методы, метод экспертных оценок, а также методы теории управления: моделирование экономических процессов, системный, процессный и ситуационный анализ; применялись методы эмпирических исследований: наблюдение, описание, измерение, сценарный подход.

Информационная и статистическая база исследования. В работе использованы статистические и аналитические данные Всемирного банка, Международного валютного фонда, ООН, ОЭСР, Росстата, Аналитического центра при Правительстве РФ РБК, PwC и др. В диссертации проведен ретроспективный анализ макроэкономических показателей (развитые и развивающиеся страны, страны с переходной и модернизируемой экономикой), технологических трендов в разрезе стран и отраслей (прогрессивные, высокие технологии, включая развитие цифровых технологий), результатов деятельности зарубежных российских компаний (на основе открытых корпоративных данных и финансовой отчетности), отражающих влияние аспектов модернизационных процессов на функционирование компаний за период не менее 10 лет.

Цель диссертационного исследования – развитие методологии стратегического управления последствиями глобальных шоков экономического и неэкономического происхождения в экономиках, испытывающих в большей массе негативное влияние этих шоков на макроэкономическую динамику и социально-экономическое развитие в целом.

Указанная цель диктует следующие задачи:

- на основе анализа теорий и концепций модернизации систематизировать подходы к выбору направлений модернизационного пути развития стран;

- установить исторически подтвержденную направленность процессов преодоления глобальных шоков и обеспечения устойчивости функционирования экономики;

- выделить типовые признаки глобального шока с учетом разнообразия источников его происхождения;

- разработать классификацию глобальных шоков для последующего выбора инструментария регулирования и экономической политики в рамках совершенствования стратегического управления последствиями глобальных шоков;

- доказать вариативность динамики преодоления последствий глобальных шоков при возможности реализации обновленных механизмов антишокового регулирования;

- предложить систему стратегического управления в рамках разработки и реализации сквозной государственной стратегии развития в модернизируемой экономике для решения задач противодействия внешним шокам и содействия достижению национальным приоритетам;

- раскрыть взаимосвязь государственного и корпоративного управления в период противостояния последствиям глобальных шоков и сохранения устойчивости экономических систем;

- предложить инструментарий развития риск-менеджмента в компаниях с учетом реакции на кризисные меры в рамках стратегического управления последствиями глобальных шоков;

- определить стратегические подходы, компенсирующие влияние глобальных шоков в управлении модернизируемыми экономиками, и предложить рекомендации по внедрению разработанных механизмов стратегического управления.

Объектом исследования являются экономические системы, реализующие стратегии модернизации национальных хозяйственных систем в условиях глобализации экономических процессов и реакции на внешние шоки.

Предметом исследования является организационно-экономические, управленческие и другие отношения, возникающие в процессах стратегического управления последствиями внешних шоков в социально-экономических системах (государство, корпорации) и оказывающие влияние на их функционирование в текущих экономических условиях.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в развитии механизмов взаимосогласованного между государством и корпорациями стратегического управления последствиями глобальных шоков в модернизируемых экономиках, как наиболее чувствительных к внешним воздействиям, при одновременной реализации программ модернизации и поиске ответа на глобальные вызовы, требующим адаптации системы управления в рамках национальных решений по обеспечению устойчивости экономики.

Положения, выносимые на защиту:

- теоретически обобщены и систематизированы концептуальные подходы к выбору направлений модернизационного пути развития экономик, обусловленные различием экономических, технологических, экологических, культурных и социальных факторов, верифицированные в части преимуществ и ограничений траектории догоняющего развития, ориентации на экспорт сырьевых ресурсов и обосновании выбора прорывных технологий, обеспечивающие новое конкурентное преимущество в глобальном мире;

- обосновано в целях проводимого исследования, что модернизируемые экономики в современных условиях обязаны учитывать опыт преодоления глобальных шоков прошлого, должны включать реакцию на последствия глобальных шоков в настоящем и обеспечивать

устойчивость в будущем, что позволило сформулировать цели корректировки программ модернизации по учету влияния глобальных шоков;

- выделены типовые признаки глобального шока, позволяющие установить устойчивую корреляцию с динамикой развития макроэкономических систем и подтвердить существующую связь между действием глобального шока и его влиянием на деловой цикл в конкретной стране с учетом временем возникновения кризиса и его силой;

- предложена типология глобальных шоков, включающая выделение типов по следующим классификационным признакам (источнику возникновения, причине источника шока экономического и неэкономического происхождения, динамике фундаментальных факторов, оказывающих влияние на возникновение шока, продолжительности действия шока, степени влияния шока на регионы и отрасли экономики, влиянию на структурные сдвиги в экономике), что позволило выбрать соответствующий установленным типам инструментарий антикризисного регулирования и экономической политики в рамках совершенствования стратегического управления последствиями глобальных шоков, включая компенсирование колебаний делового цикла, вызванных этими шоками;

- установлена вариативность динамики преодоления последствий глобальных шоков в совокупности с выбором пяти траекторий реагирования на их проникновение в экономических системах (благоприятной, негативной, нейтральной, реактивной, проактивной), что позволило обосновать целесообразность выделения для восстановления устойчивости экономических систем (страны, компаний) обновленных механизмов антишокового регулирования в части оперативных и стратегических механизмов управления последствиями с учетом их разнонаправленного характера, включая распространение процессов восстановления по скорости и амплитуде;

- обоснована возможность обеспечения развития экономических систем, противопоставляющих в момент воздействия рыночным внешним шокам внутреннюю сбалансированную систему стратегически выверенных решений планового характера, что подтверждает возможность осуществления начала модернизационных преобразований в момент начала восстановления делового цикла;

- подтверждена взаимосвязь государственного и корпоративного управления в период противостояния последствиям глобальных шоков и обосновано понимание системы управления последствиями глобальных шоков как совокупности механизмов управления с учетом оценки рисков их проявлений и возможных принимаемых траекторий реагирования на их распространение, что позволяет реализовать процессы восстановления, опирающиеся на экономическое сотрудничество и создающие потенциал устойчивости к глобальным шокам;

- обоснована необходимость реализации стратегически ориентированных инструментов в текущем управлении («менеджмента для будущего») в условиях распространения постиндустриальной модернизации в мире, что позволяет интегрировать методологию сценарного и матричного подходов в единый подход к прогнозированию устойчивости экономических систем с учетом реакции на кризисные меры в рамках стратегического управления последствиями глобальных шоков;

- методологически обосновано и практически аргументировано применение стратегических подходов на примере оптимизации государственного управления в Российской Федерации и его функциональных аспектов, обеспечивающих решение таких задач как балансирование интересов государства и корпораций, адекватного противодействия политике ограничений и запретов, формирования налогового компенсирующего инструментария, что позволило сформировать целостное представление о преимуществах предложенных стратегических механизмов к внешним вызовам.

Теоретическая значимость работы. Теоретическая значимость исследования заключается в развитии методологии стратегического управления в макроэкономических системах в условиях преодоления последствий шокового воздействия непрогнозируемых ситуаций, включая кризисные события экономического и неэкономического происхождения. Полученные научные результаты обобщают, конкретизируют и дополняют современные представления о процессах модернизации национальных экономик, рисках современного этапа развития мировой экономики и отраслевых рынков, а также их влияние на функционирование и управление корпорациями в разных условиях глобализации и деглобализации.

Практическая значимость работы определена применением разработанных подходов к стратегическому управлению в рамках государственного антишокового регулирования, реализации всех видов политик (экономической, промышленной, инвестиционной, фискальной и др.) с целью противодействия негативным последствиям влияния глобальных шоков в развивающихся экономиках. Практическая ценность результатов исследования заключается в прикладной ориентации положений для разработки методов государственного антикризисного управления и технологий риск-менеджмента и управления последствиями проявлений неблагоприятных факторов функционирования компаний развивающихся стран и транснациональных корпораций с учетом достижения устойчивого развития. Полученные самостоятельные научные результаты обобщают, конкретизируют и дополняют положения стратегического государственного управления в части разработки инструментария для подготовки и реализации обоснованных управленческих решений, антишокового регулирования, а также использоваться в качестве методических рекомендаций отраслевыми министерствами. Материалы диссертации могут быть использованы при преподавании таких дисциплин, как «Менеджмент», «Стратегический

менеджмент», «Экономическая история», «Корпоративные стратегии», «Управление рисками» и др.

Апробация результатов исследования Основополагающие выводы автора объединены в докладах на международных научно-практических конференциях: «Теория и практика инновационной деятельности в эпоху информатизации» (МГИМО-Одинцово, 2018 г.), «Управление инновационными и инвестиционными процессами и изменениями в условиях цифровой экономики» (Санкт-Петербургский государственный экономически университет, 2020 г.), «Цифровая экономика: создание информационного общества, формирование и усиление роли России на мировой арене» (Институт проблем рынка РАН, 2020 г.).

По теме диссертационного исследования опубликованы научные работы общим объемом 16,3 печатных листов, в том числе 3 статьи (главы в научных монографиях) в изданиях, индексированных в базах данных Scopus/Web of Science, и 19 статей в ведущих рецензируемых научных журналах из перечня ВАК. Структура диссертационной работы сформирована в соответствии с поставленными задачами.

Диссертация включает: введение, четыре главы основной части, заключение, список использованных источников, приложение. Основной текст диссертационной работы изложен на 310 страницах, включает в себя 10 таблиц и 48 рисунков. Список использованных источников содержит 330 наименований.

Список публикаций автора

Статьи в журналах и других изданиях, индексированных в международных базах данных:

1. Sarkisyan Zh. Risks of Modernizing National Economies in the Conditions of the Technological Leap (Chapter 14). In: Technology and Business Strategy: Digital Uncertainty and Digital Solutions. Palgrave Macmillan, 2021. Pp. 195-210. DOI: 10.1007/978-3-030-63974-7_14.

2. Sarkisyan Zh., Tikhonova M. Managing for the Future: Crisis Management under Post-Industrial Modernization (Chapter 3). In: Post-Industrial Society: The Choice between Innovation and Tradition. Palgrave Macmillan, 2021. Pp. 31-42. DOI: 10.1007/978-3-030-59739-9_3.
3. Sarkisyan Zh., Tikhonova M. Individualization of Approaches in Scenarios of Survival and Development for Companies in the Digital Environment (Chapter 8). In: Technology and Business Strategy: Digital Uncertainty and Digital Solutions. Palgrave Macmillan, 2021. Pp. 113-126. DOI: 10.1007/978-3-030-63973-0_8.

Статьи в журналах, входящих в перечень ВАК:

1. Саркисян Ж.М. Торговые и экологические риски современных модернизируемых экономик: взаимосвязь и диспропорции // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право, 2021, № 1, с. 5-18. DOI: 10.26653/2076-4650-2021-1-01.
2. Саркисян Ж.М. Исследование фундаментальных представлений о развитии национальных экономик на основе модернизации // Научное обозрение: теория и практика, 2021, № 2, с. 107-117.
3. Саркисян Ж.М. Шоки в экономике: сущность, происхождение и глобальная динамика // Страховое право, 2021, № 1, с. 5-15.
4. Саркисян Ж.М. Приоритетность национальных интересов стран с модернизируемой экономикой в условиях межстрановой экономической дифференциации // Управление риском, 2021, № 1, с. 5-15.
5. Саркисян Ж.М. Тренды модернизации национальных экономик в условиях технологического прогресса // Финансовый бизнес, 2021, № 3, с. 5-15.
6. Саркисян Ж.М. Экономический взгляд на противоречия национальных интересов и глобального развития: сглаживание различий и опасность кризисов // Финансовая экономика, 2021, № 3, с. 5-15.

7. Саркисян Ж.М., Тихонова М.А. Антикризисные сценарные технологии управления малым бизнесом в период пандемии // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право, 2020, № 5, с. 42-51. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-5-04.
8. Саркисян Ж.М., Тихонова М.А. Влияние факторов экономической неопределенности на функционирование малого бизнеса // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право, 2020, № 6, с. 5-21. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-6-01. (1 / 0,5 п.л.);
9. Саркисян Ж.М. Типологизация глобальных шоков в экономике: происхождение, последствия и влияние на деловой цикл // Сегодня и завтра российской экономики, 2020, №101-102, с. 5-15. DOI: 10.26653/1993-4947-2020-101-102-01.
10. Саркисян Ж.М. Международные корпорации и модернизация национальных экономик: от противодействия неэквивалентному обмену к гибким стратегиям // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право, 2020, № 5, с. 107-117. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-5-09.
11. Саркисян Ж.М. Влияние глобальных процессов на измерение рисков модернизации экономик // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право, 2020, № 6, с. 30-40. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-6-03.
12. Саркисян Ж.М., Крутякова Ю.А. Динамика потребления свободного времени как блага в современной России // Актуальные проблемы социально-экономического развития России, 2019, № 4, с. 58-61.
13. Саркисян Ж.М. Современные миграционные тенденции во Франции // Экономика устойчивого развития, 2019, № 2 (38), с. 78-81.
14. Саркисян Ж.М. Внешнеэкономические связи Франции: современное состояние и перспективы // Экономика: вчера, сегодня, завтра, 2019, т. 9, № 4А, с. 35-46.
15. Саркисян Ж.М., Степанов А.А., Савина М.В. Коррупция как фактор демотивации инновационной деятельности // Управление

экономическими системами: электронный научный журнал, 2018, № 6, с. 29.

16. Саркисян Ж.М., Кумехов К.К., Черных А.В. Правовые аспекты механизма внедрения результатов научных исследований в экономике // Актуальные проблемы социально-экономического развития России, 2018, № 2, с. 45-55.
17. Саркисян Ж.М., Кумехов К.К. Нормативно-правовое регулирование и отражение в учете цифровых технологий как объектов нематериальных активов // Самоуправление, 2018, № S1, с. 93-96.
18. Саркисян Ж.М. Специфика конституционного урегулирования и контроля за институтом защиты прав и свобод человека и гражданина во Франции // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право», 2017, № 12, с. 141-144.
19. Саркисян Ж.М. Финансовый контроль в зарубежных странах и в РФ // Финансы, 2002, № 5, с. 66-69.

Монографии:

1. Саркисян Ж.М. и др. Цифровая экономика: социально-экономические и управленческие концепции : колл. монография; под ред. А.А. Степанова. – М.: Изд-во «Виктория+», 2018. – 186 с.
2. Саркисян Ж.М. и др. Инвестиции в инновационном процессе : колл. монография; под ред. М.Ю. Архиповой, В.Е. Афониной. – М.: КНОРУС, 2018. – 267 с.

Статьи в иных изданиях:

1. Саркисян Ж.М., Тихонова М.А. Антикризисные сценарии адаптации бизнеса к условиям цифровой экономики / Управление инновационными и инвестиционными процессами и изменениями в условиях цифровой экономики: Сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции «Управление инновационными и инвестиционными процессами и изменениями в условиях

цифровой экономики», г. Санкт-Петербург, 27-28.10.2020 г. СПб.: СПбГЭУ, 2020. – с. 213-218.

2. Саркисян Ж.М., Тихонова М.А. Реактивный поход к антикризисному управлению компаниями на этапе цифровой трансформации / Цифровая экономика: создание информационного общества, формирование и усиление роли России на мировой арене: Сборник материалов МНПК. М.: ИПР РАН, 2020. – с. 107-122.
3. Саркисян Ж.М., Савина М.В. Инновационные процессы и инновационная деятельность в информационном обществе: концепции и классификации / Теория и практика инновационной деятельности в эпоху информатизации. Сборник научных трудов; под общей редакцией В.И. Салыгина, А.А. Степанова, И.А. Гулиева, Ж.М. Саркисян. М.: Изд-во «Научный консультант, 2018. – с. 6-12.

ГЛАВА 1. ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ И ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИСТЕМ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

1.1. Модернизация как необходимое условие развития национальных хозяйственных систем

Изменения являются основной развития экономических систем любого уровня – государства как макроэкономической системы, региона как мезоэкономической системы, компании как микроэкономической системы. Даже глобальная экономическая система в своем развитии показывает влияние изменений, которые порождены или подсистемами внутри нее или вызваны объективными обстоятельствами, которые явились причинами или своеобразными катализаторами таких изменений, что привело глобальную систему к новому состоянию.

Системный подход является приоритетным научным инструментарием для оценки изменений, которые происходят в системах различного уровня, а также для идентификации факторов этих изменений. В своем исследовании мы изначально исходим из первичной посылки системного подхода и его идеолога А.А. Богданова[1] о том, что система это совокупность элементов, которые находятся во взаимосвязи между собой, и образовавшиеся на определенный момент времени устойчивые связи становятся подтверждением самого существования системы. В ходе внешнего влияния или внутренних возмущений, которые также могут быть следствием изменений внешней среды или окружения системы[2] или несоответствий элементов друг другу или определенным группам, когда начинают происходить разрушения устоявшихся связей. Тогда в системе начинают появляться новые взаимосвязи между элементами (взамен

[1] Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. М., 2003.
[2] Виноградов В.А., Гинзбург Е.Л. Система, ее актуализация и описание // Системные исследования: Ежегодник. М., 1972. С. 98.

разрушенных или обновленные связи, потому что появляются новые элементы в систем) – это ведет к формированию нового состояния системы, что свидетельствует о ее развитии (в соответствии с теорией развития Г. Гегеля[3]) и приобретении новых свойств (в системном подходе это получило название эмерджентность системы[4]), или даже разрушению изначально существовавшей системы и появлению принципиально новой системы.

Для экономических систем, которые, безусловно, обладают своими отличиями по сравнению с системами других объектов, мы в качестве отличительного признака предлагаем обратить внимание на ее целевую установку (ведь цель обеспечивает функционирование системы) – это повышение социально-экономического уровня развития системы. И переплетение факторов влияния внешней и внутренней среды экономической системы является особенно турбулентным и непрогнозируемым, что показала экономическая история становления государств как больших экономических систем и развитие индустриального производства, поскольку учитывает не имеющее приоритетного влияния совокупность экономических и неэкономических (что определяет взаимосвязи всех наук и относящихся к разным направлениям существования систем – физических, технических, химических, биологических, природных, юридических, психологических, культурных и т.п.), что привело к формированию особо направления не только в общей теории систем[5], но в и экономике – поиск сбалансированности и статистического и динамического равновесия в среде, который позволит сохранить устойчивость систем. Неизбежность влияния изменений, которые разнородны по качеству или амплитуде воздействия, является одним из

[3] Гегель Г.В.Ф. Наука логика: в 3-х т. Т.1. М.: Книга по Требованию, 2004.
[4] Лекторский В.А., Садовский В.Н. О принципах исследования систем // Вопросы философии, 1960, № 8, с. 67-79.
[5] Огурцов А.П. Тектология А.А. Богданова и идея коэволюции // Вопросы философии, 1995, № 8, с. 31-37.

основных постулатов теории систем, изложенных в работах Г. Спенсера[6], признававшего закономерности изменений, однако важным является и то, что источником и реализатором изменений в экономических системах является, в том числе человек, что подтверждает необходимость учета субъективизма при анализе изменений в экономических системах. Особенно это важно сейчас, когда в 21 веке происходят технологические изменения с беспрецедентной скоростью, но будущее экономических систем неопределенно в связи с оценкой большого числа рисков, сопровождающих эти изменения и как они влияют на функционирование подсистем в больших экономических системах.

Влияние именно технологического фактора как определяющего констатировано в теории экономических циклов Н. Кондратьева, который систематизировал траекторию развития экономической системы в виде последовательности длинных 50-летних экономических циклов[7]. Первый цикл был выявлен начиная с середины 18 века и был связан с первой промышленной революцией, что фактически способствовало становлению промышленного производства за счет появления и использования в производстве товаров машин и оборудования на паровом двигателе. Это способствовало, прежде всего, развитию тех стран, которые финансово были готовы осуществить значительные капиталовложения в формирование нового для того времени сектора экономики (справедливости ради, стоит отметить, что эти страны остались в лидерах и современной экономики – Великобритания, США, Германия, позже Российская империя).

Современные ученые-последователи теории длинных циклов свидетельствуют о формировании и повышательной стадии шестого цикла[8],[9],[10],[11],[12],[13],[14],[15] примерно с 2018-2020 гг. (или в трактовке концепции

---

[6] Локтионов М.В. А.А. Богданов как основоположник общей теории систем // Философия науки и техники, 2016, том 21, № 2, с. 80-96.

[7] Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: Экономика, 2002.

[8] Акаев А.А., Коротаев А.В. О начале фазы подъема шестой кондратьевской волны и проблемах глобального устойчивого роста // Век глобализации, 2019, №1, с. 3-17.

технологических укладов Д.С. Львова и С.Ю. Глазьева[16] – шестого технологического уклада[17], что также подчеркивает вклада именно технологических факторов в экономическое развитие), основанной на нано- и инфо-коммуникационных технологиях, которые уже существенно изменяют, прежде всего, сферу услуг, способствуют полной интеграции цифровых технологий в процессы производства, но также и проникают в общественную жизнь и государственное управление более агрессивно, но тем не менее обоснованно (если ранее такое можно было сказать об электричестве, то скорость проникновения интернета оказалась более высокой, что свидетельствует о нарастании технологического вклада и, одновременно, о сжимании продолжительности экономического цикла). Важным также является и то, что приверженцами теории цикличности были проведены межстрановые исследования технико-экономического развития – так, в частности С.Ю. Глазьев доказал сопоставимость развития временных этапов экономики СССР с экономикой других стран, что также дает возможность установить определенный тренд развития, но с разной

---

[9] Яковец Ю.В. Циклы Кондратьева: теория и история, настоящее и будущее // Кондратьевские волны, 2013, № 2, с. 23-30.

[10] Беликов А.Ю., Кузьмина З.С., Беликов И.А. К вопросу о прогнозировании наступления экономических кризисов // Управление финансовыми рисками, 2019, № 4, с. 274-288.

[11] Акаев А. А. Большие циклы конъюнктуры и инновационно-циклическая теория экономического развития Шумпетера-Кондратьева // Экономическая наука современной России, 2013, № 2, с. 7-29.

[12] Глазьев С.Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики. URL: https://glazev.ru/images/books/Современная теория длинных волн в развитии экономики.pdf.

[13] Пантин В. И., Айвазов А. Э. Циклы Кондратьева и эволюционные циклы мировой системы: обоснование и прогностический потенциал // Кондратьевские волны, 2012, № 1, с. 136-155.

[14] Затуливетер Ю.С. Новая синергия длинных волн Н.Д. Кондратьева / Возможные сценарии будущего России и мира: междисциплинарный дискурс: сборник научных трудов участников XI Международной Кондратьевской конференции. Под ред. В.М. Бондаренко. М.: Международный фонд Н. Кондратьева, 2020. – с. 169-183.

[15] Нуреев Р. М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М.: норма, 2008.

[16] Глазьев С.Ю., Львов Д.С., Фетисов Г.Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. М.: Наука, 1992.

[17] Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: Владар, 1993.

интенсивностью (например, это выражается в разных темпах прироста ВВП, промышленного производства, инвестиций в основной капитал, инфляцией и др. макроэкономическими показателями).

Учитывая, что деловые циклы наиболее ярко проявлялись именно на примере стран-экономических лидеров, то закономерно встал вопрос о понимании перехода из одного цикла в другой, так как начало следующего цикла всегда происходит из спада предыдущего. Известно, что цикличность традиционно воспринимается как естественный процесс капитализма и трансформации его производительных сил, однако кризисы, которые сопровождают экономические циклы, по мнению К. Маркса, могут стать причиной его упадка.

Также интересен подход лауреата Нобелевской премии 1972 г. С. Кузнеца[18], который предложил рассматривать «ритмы» - циклы продолжительностью 15-25 лет, вызываемые демографическими процессами: притоком и оттоком населения. Их можно считать частью кондратьевской волны, на которой происходит обновление капитала и колебание цен на недвижимость. Данный аспект особенно важен в отношении анализа процессов развития развивающихся стран, поскольку именно демографические аспекты становятся основной частью их экономической политики развития. Целью С. Кузнеца было создать общую теорию развития, способную объяснить как развитие западных стран, так и причины, тормозящие развитие стран «третьего мира». Прирост населения является отправной точкой роста, так как у страны появляются свободные трудовые ресурсы, которые можно использовать для увеличения производства на первых этапах, пока не сформирован достаточный капитал. Далее должно идти обучение. Без знаний невозможно добиться технической модернизации и повышения качества труда. Знания порождают инновации, которые приводят в движение экономический цикл. С. Кузнец был первым

[18] Kuznets S. Economic Growth of Nations. Total Output and Production Structure. Cambridge, 1971.

исследователем, показавшим необходимость адаптации страны к условиям экономического роста. Развитие требует перестройки экономических отношений, способа производства, структуры доходов, логистических процессов и капитальных вложений. Без этих преобразований невозможно обеспечить устойчивый экономический рост. Ну и наконец, развитие страны должно способствовать улучшению ее внешней торговли. В случае мировой изоляции или импортозависимой экономики экономический рост страны замедляется и приостанавливается, что видно на примере развивающихся стран. Таким образом, экономические преобразования должны приводить к улучшению конкурентоспособности страны в мировой торговой системе. Безусловно, концепция «ритмов» С. Кузнеца не давала ответов на многие вопросы экономики развития, но в ней впервые были проанализированы аспекты, вызывающие экономический рост страны. Кроме того, Кузнец сделал предположение, что экономический рост позволяет снизить неравенство в обществе и решить проблему бедности.

В любом случае цикличность происходит благодаря изменениям, генерируемым внутри и извне экономических систем, что дает им толчок развития – и траектории реализации этого толчка для реализации экономических систем стали восприниматься как процессы модернизации. Далее конкретизируем данное понятие, важное для осуществления данного диссертационного исследования.

Основоположник теории модернизации Ш. Эйзенштадт [19],[20] отмечал, что, несмотря на происхождение термина из сферы культуры и искусств (так называемый стиль «модерн»), модернизация как ничто точнее отражает именно процессы изменения в системах (в большей мере он был сориентирован в своих исследованиях на социальные, экономические и политические системы), которые могут иметь свои закономерности. Впоследствии применение модернизации как процесса изменений в сторону

[19] Eisenstadt S.N. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966.
[20] Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. – М.: Аспект Пресс, 1999.

совершенствования систем стало использоваться по отношению к техническим системам, что еще раз подтверждает тезис о вкладе технико-технологических факторов в развитие систем.

Экономические системы являются интеграторами большинства изменений, происходящих с человеком[21], поэтому исторически модернизация объясняется с позиции социологической теории развития. О. Конт[22], родоначальник социологии, для описания происходящих в обществе изменений, способствующих модернизации, использовал стадиальную систему, согласно которой в процессе развития общество проходит три стадии: 1) теологическая стадия (господство религии и мифологии, военизированный характер общества); 2) метафизическая стадия (постепенное разрушение традиционного общества, зарождение либерализма и демократии); 3) позитивная (научная) стадия (главенство науки во всех сферах жизни, появление промышленности и классового общества). Поэтому модернизация являлась, по его мнению, важным процессным движением к третьей позитивной стадии. Далее важность социально-экономических изменений в их взаимосвязи сформулировал М. Вебер, который стал фактически основателем социологической теории модернизации. Критикуя материалистический подход Маркса, М. Вебер считал, что нельзя объяснять процессы в обществе одной только экономикой и полагал, что социальные явления, мотивы людей и их традиции оказывают огромное влияние на экономическое развитие[23]. С позиции настоящего исследования также важно, что в своих работах М. Вебер связал появление капитализма в Англии и Нидерландах с протестантской религией, которая поощряла накопление богатств и занятие бизнесом. Ранее же истоки привычной для нас экономики можно заметить в

[21] Цветков В.А., Степнов И.М., Ковальчук Ю.А., Зоидов К.Х. Динамика развития экономических систем (монография). М.: Институт проблем рынка РАН, 2016. 380 с.
[22] Cours de philosophie positive / par Auguste Comte ; augmentée d'une préface par É. Littré. - 2-me éd., augm. d'une préf. par É. Littré et d'une table alphabétique des matières. Paris : J. B. Baillière, 1864.
[23] Вебер М. Протестанская этика и дух капитализма. М.: АСТ, 2020.

деятельности католических монастырей и церковных орденов. При этом отсталость Китая и Индии М. Вебер объяснял их религиозными культами, ограничивающими социальную мобильность и развитие человеческого потенциала. Впоследствии эти идеи поддерживал К. Ясперс[24], который также подчеркивал значительную роль религии и традиций в развитии общества, что может служить фундаментом модернизации экономических систем.

Фактически основоположниками классической теории модернизации в XX веке стали Т. Парсонс и Э. Шилз, которые и предложили разделение стран на два типа – развитые и отсталые. Различие между ними объясняется сложившейся социальной системой. В развитых странах общество более подвижное и демократичное, в то время как в отсталых его развитие тормозят устаревшие традиции, сословное деление в обществе и т.п.

Т. Парсонс[25] и Э. Шилз[26] считали, что все страны проходят одну и ту же последовательность стадий, приводящих их к развитому состоянию. Процесс перехода из отсталости они и называли модернизацией. Отсталые страны, по их мнению, должны были перенять опыт у развитых стран и перенести их традиции и культуру. При этом помощь развивающимся странам является основным долгом развитых стран – носителей цивилизации.

Теория Парсонса-Шилза долгое время имела популярность в западных научных кругах, но позднее она подверглась мощной критике со стороны последователей теории зависимого развития, которые доказали, что капитализм западного образца не может существовать в развивающихся странах в силу особенностей культурно-исторического развития. Следовательно, основным источником развития и фабулой модернизации представители классической теории модернизации видели модернизацию по

---

[24] Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994.
[25] Парсонс Т. Социальная система. М.: Академический проект, 2018.
[26] Parsons T., Shils E., Naegele K.D., Pitts J.R. Theories of society; foundations of modern sociological theory. New York: Free Press of Glencoe, 1961.

западному образцу, устранение сдерживающих прогресс общественных традиций, перестройку общества под новые цели. Это стало основой критики данной теории, прежде всего, в работах ученых - сторонников модернизации по разным моделям развития (т.е. не только западной модели) Ш. Эйзенштадт и С. Хантингтон.

Так, Ш. Эйзенштадт[27] в своей трактовке модернизации рассматривал множество модернов[28], сложившихся в разных государствах в силу социально-экономического развития. Ш. Эйзенштадт отказался противопоставлять традиционное и индустриальное обществу друг другу, говоря, что оба они являются разными вариантами развития. Основу его концепции составляет идея о «модернизации без вестернизации». Западный вариант экономического развития не является единственным возможным, и развивающиеся общества могут добиться прогресса без отказа от своих традиций и культуры.

Современная реальность, по мнению Ш. Эйзенштадта, создается именно совокупностью культур и их взаимодействием[29]. Он не выделял однородного развитого Запада, замечая, что экономические традиции США и европейских стран, несмотря на схожесть, все-таки различаются. То есть, уже как минимум можно выделить американскую модель рыночной экономики и европейскую. А примеры таких стран, как Япония, Китай и «азиатские тигры»[30] (Гонконг, Южная Корея, Тайвань и Сингапур)[31], показывают, что в процессе модернизации традиции проявляются удивительную стойкость и даже помогают этим государствам в их развитии, формируя совершенно особенную капиталистическую систему.

---

[27] Eisenstadt S. European Civilization in a Comparative Perspective: a Study in the Relations between Culture and Social Structure. Oslo, 1987.

[28] Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // Daedalus (The MIT Press), 2000, vol. 129, no. 1, pp. 1-29. URL: http://www.jstor.org/stable/20027613.

[29] Иванов А.В. "Множественные современности": диалектика единства и разнообразия в эпоху глобализации // Фундаментальные исследования, 2014, №6-3, с. 654-659.

[30] Ланьков А. Модернизация в Восточной Азии, 1945 – 2010. Публичные лекции в Политехническом музее, 4 февраля 2010 г. URL: https://polit.ru/article/2010/03/11/lankov/.

[31] Гильманова Д.Р. Феномен «азиатских тигров»: анализ современных тенденций экономического развития // Экономика и парадигма нового времени, 2019, №4, с. 10-17.

Также Ш. Эйзенштадт выделяет несколько мировых цивилизаций[32], связывая их с религиозными учениями: христианская (католическая, протестантская, православная), исламская, буддистская, конфуцианская, иудейская и другие. Он отмечает, что процесс развития этих цивилизаций на протяжении всей истории сопровождался революциями и социальными потрясениями – поэтому именно революция является движущейся силой модернизации. Таким образом, теория модернизации Ш. Эйзенштадта позволила обновить точку зрения на процесс модернизации, отделив ей от другого процесса – вестернизации. Это дало толчок к развитию и других концепций, которые получили название контрмодернизации, т.е. модернизации не по западному образцу.

Здесь мы можем выделить два направления продолжения исследований в области модернизации: цивилизационная модернизация (по Е. Ясину) и культурная модернизация (по С. Хантингтону).

Теория модернизации на основе специфики цивилизации, предложенная известным ученым, министром экономики РФ в 1994-1997 гг. Е.Г. Ясиным, была основана на поиске решения задач совершенствовании экономики России и увеличении темпов экономического роста (кстати, эти задачи обуславливают популярность теорий модернизации в России, способных показать путь дальнейшего развития страны, начиная с новой российской истории). Теория Е. Ясина[33] является логическим продолжением оригинальной теории модернизации Т. Парсонса и Э. Шилза, а также сторонников теорий контрмодернизации Ш. Эйзенштадт. Е. Ясин предлагает разделение мира на пять отдельных цивилизаций: европейскую (страны Европы, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия), восточноазиатскую (Япония, Китай, Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур и т.д.), южноазиатскую (Индия, Бангладеш), исламскую (мусульманские страны Северной Африки, Ближнего Востока и Южной Азии) и

[32] Eisenstadt S.N. The basic characteristics of modernization / Eisenstadt S.N. Modernization, protest and change. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1966.
[33] Модернизация экономики и общественное развитие. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.

латиноамериканскую (страны Южной Америки). Каждой цивилизации присущи свои социально-культурные и экономические особенности развития. При этом развитой Е. Ясин считал только европейскую цивилизацию. Все остальные находятся в состоянии перехода и трансформации экономики. Развивающиеся цивилизации характеризуются авторитарными политическими режимами, неконкурентным рынком, традиционализмом, бедностью и необразованностью населения.

При этом последователь Ш. Эйзенштадта - С. Хантингтон не исключал возможностей развития для стран «третьего мира». Используя цивилизационный подход, С. Хантингтон[34] выделил девять мировых цивилизаций: западную (Западная Европа, США, Австралия, Новая Зеландия), исламскую (все мусульманские страны с особым выделением Ирана и Турции), индуистскую (Индия), синскую (Китай, Корея, Вьетнам, Тайвань), японскую (Япония), латиноамериканскую (страны Центральной и Южной Америки), православную (Россия, страны Восточной Европы, Казахстан), африканскую (страны Восточной и Южной Африки с особым выделением Эфиопии) и буддистскую (Юго-Восточная Азия, Монголия, Непал, Бутан). Цивилизации определяются культурным единством, и именно культура является основным источником развития.

Как и Ш. Эйзенштадт, С. Хантингтон разделяет понятия модернизации и вестернизации. Опыт многих развитых азиатских стран подтверждает возможность модернизации на основе сохранения культурных традиций. При этом может возникать явление вестернизации (перенимание западной культуры) без модернизации, что хорошо видно на примере Египта и Филиппин. Также С. Хантингтон выступал сторонником многополярной системы мира[35], считая, что рано или поздно все цивилизации получат право влиять на мировую политику. При этом

---

[34] Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Orde. Simon & Schuster, 2011.

[35] Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

влияние западной цивилизации на мир исследователь считает самым значительным, что и объясняет необходимость частичной вестернизации на начальном этапе модернизации.

Все мировые конфликты, по мнению С. Хантингтона, исходят из столкновения разных цивилизаций и культур[36]. Часто причиной конфликта может выступать именно модернизация, выражающаяся во вмешательстве западных стран во внутренний процесс развития других цивилизаций. Это порождает религиозный фанатизм и вражду. Как полагал С. Хантингтон, в будущем произойдет серьезное столкновение между западной и исламской цивилизациями, как наиболее полярными – сейчас мы становимся этому свидетелями[37]. Также С. Хантингтон является автором концепции «волн демократии»[38] - по его мнению, демократические ценности распространяются по миру волнами. Первая волна началась в конце XIX века в США и распространилась на Западную Европу. Вторая волна началась после Второй мировой войны и затронула бывшие страны Оси: Германию, Японию и Италию. Во время третьей волны произошла демократизация стран постсоветского пространства и некоторых государств Азии и Латинской Америки. Четвертая волна должна будет охватить арабские и африканские страны.

Следует отметить что теория С. Хантингтона имела определенную популярность на волне интереса к новым концепциям модернизации. Однако и она подвергалась критике. Так, выделение девяти цивилизаций весьма условное и нереалистичное. По мнению С. Хантингтона, каждая цивилизация целостна по своей природе, хотя в реальности нет общей исламской цивилизации (противостояние Ирана с Саудовской Аравией), нет

---

[36] Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Orde. Simon & Schuster, 2011.

[37] Fox J. Paradigm Lost: Huntington's Unfulfilled Clash of Civilizations Prediction into the 21st Century // International Politics, 2005, no. 42, pp. 428-457.

[38] Fossati F. Samuel Huntington, The Clash of Civilization and the Remaking of World Order // Italian Political Science Review/Rivista Italiana Di Scienza Politica, 1996, no. 28(2), pp. 402-404.

общей африканской цивилизации (страны Африки сильно различаются по уровню развития, этническому составу, истории и языку), да и западная цивилизация не настолько целостна, ибо европейская культура заметно отличается от американской. Также многим критикам не нравилось противопоставление различных цивилизаций, имевшее место в теории С. Хантингтона. Мы же отмечаем приоритетность культурологического подхода С. Хантингтона к развитию, исключающего экономические и социальные процессы из рассмотрения.

В целом, активная критика модернизации исключительно по западному образцу подорвала доверие к концепции Т. Парсонса и Э. Шилза одновременно с появлением разделения понятий модернизации и вестернизации в работах Ш. Эйзенштадта и С. Хантингтона, привели к длительному игнорированию понятия модернизации применительно к развивающимся странам. Сегодня их идеи вновь становятся актуальными в научных кругах.

Так, Д. Лернер, исследования которого находились в русле классической теории Парсонса-Шилза, в отличие от них выделял зависимость процесса модернизации от состояния общества[39],[40]. Под модернизацией Д. Лернер понимал процесс социальных изменений, ведущих к переходу неразвитого общества в состояние развитого. Отсталость стран «третьего мира» он объяснял особым «косным» состоянием общества. Западное общество, по мнению Д. Лернера, в результате просвещения и развития науки приобрело динамическое состояние, характеризующееся высокой готовностью населения к изменениям. Люди на Западе меньше склоны замыкаться в себе и способны правильно оценивать последствия своих действий. Также у развитого общества формируется особое состояние, названное Д. Лернером

[39] Лернер Д. Преобразование традиционного общества. М.: Проект, 2006.
[40] Балезина Е.А. Современный взгляд на теории модернизации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология, 2013, № 1(13), с. 156-161.

«эмпатией», при котором один человек способен представить себя на месте другого, что делает его взгляды и ценности более адаптивными.

В традиционном обществе познавательные возможности человека сдерживаются системой табу и запретов (в этом теория Д. Лернера напоминает теорию открытого общества К. Поппера[41]). В итоге личность не готова к изменениям и стремиться избежать их. Между отдельными людьми не наблюдается реальной коммуникации.

Д. Лернер выделял чрезвычайно сильное влияние массмедиа и рекламы на динамичность общества. Для полноценного осуществления модернизации в развивающейся стране необходимо активизировать деятельность медийных институтов, осуществляющих информирование населения о происходящих изменениях и их сущности. Без информационного воздействия на общество невозможно добиться повышения адаптивности населения к модернизации. В целом, Д. Лернер полагал западную модель развития лучшей из возможных и предлагал пропагандировать ее через СМИ[42]. Эти идеи ученого нашли отклик у руководства США, которые активно экспортировали достижения американской культуры в развивающиеся страны.

В период становления постиндустриального общества изменилось восприятие привычного понятия модернизации в научных кругах. Как выяснилось, развитые страны, пройдя через индустриализацию, не остановились в своем развитии и вышли на новый его уровень. Именно этот процесс перехода к постиндустриальному обществу и далее получил название «постмодернизация» - этот термин предложил Дж. Александер[43]. Основным же теоретиком постмодернизации считается американский

---

[41] Поппер К. Открытое общество и его враги (в 2-х томах). М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

[42] Тихонова Н.Е., Аникин В.А., Горюнова С.В., Лежнина Ю.П. Эволюция концепции модернизации во второй половине XX века // Социология, 2007, №25, с. 22-47.

[43] Alexander J.C. Real Civil Societies: Dilemmas of Institutionalization. SAGE Publications Ltd, 1998.

социолог и политолог Р. Инглхарт[44]. Он считает, что на начальном своём этапе модернизация носила чисто экономический и технический характер[45], выражавшийся в индустриализации, урбанизации, специализации и т.д., но экономический прогресс повлек за собой и изменение культуры общества через механизм образования.

Очевидно, что в тот момент модернизация в развитых странах исчерпала себя и ей на смену пришла постмодернизация, затрагивающая все сферы жизни общества от производства до семейных отношений. Постмодернизация, по мнению ее идеологов, должна привести к появлению кардинально нового общественного порядка, при этом мерилом развития вместо экономического роста и ВВП на душу населения станут уровень свободы личности, демократические ценности и гуманизм.

С позиции цели настоящего исследования важно отметить, что Р. Инглхарт предположил, что на процесс модернизации и постмодернизации серьезное субъективное влияние оказывают различные общественные институты, как создаваемые государством, так и исходящие из самого общества. Именно институты выбирают вектор развития общества и пути решения социальных проблем, возникающих в процессе модернизации. Это подчеркивает важность институциональных решений в экономической политике современного государства вне зависимости от уровня его социально-экономического развития.

В определенной мере, исторически в конце 60-х гг. XX века в мире начался процесс снижения напряженности, получивший в СМИ название «разрядка», - происходило налаживание отношений между СССР и США, и это поспособствовало появлению новых теорий, признающих возможность мирного сосуществования различных общественно-политических систем. Таким образом, на Западе появилась теория конвергенции (сближения),

---

[44] Инглхарт Р. Модернизация и постмодернизация. В кн.: Новая индустриальная волна на Западе / Под ред. В. Иноземцева. М.: Наука, 1999.

[45] Саломатин А.Ю., Сиушкин А.Е. Постмодернизация государства: общие закономерности и особенности осуществления в странах Евросоюза // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки, 2011, №2(18), с. 18-26.

представленная экономистами и социологами. Суть теории конвергенции («разрядки») сводилась к следующему[46]: если классические теории модернизации пытались сравнить «первый мир» и «третий мир», то теория конвергенции предполагала поиск точек соприкосновения «первого мира» со «вторым» (вообще такое деление произошло во времена «холодной войны»: под «первым миром» подразумевались развитые страны Запада, под «вторым» – страны социалистического блока, индустриализированные, но не развитые, а под «третьим» – остальные страны мира, в основном бывшие колонии, которые только вставали на путь экономического развития). По мнению представителей данной теории, страны «второго мира» не соответствовали стандартной концепции модернизации. Имея все основные признаки современной экономики, они в то же время строились на совершенно иной основе, нежели капиталистические страны Запада. Исследователи модернизации первого поколения, такие как Т. Парсонс и Э. Шилз, считали, что страны соцлагеря нельзя считать развитыми, ибо индустриализация в них осуществлялась сверху, а не была закономерным историческим процессом[47]. Это привело к тому, что в социалистических странах, например, в СССР, существовал значительный перекос в сторону тяжелой промышленности, товарный дефицит и пережитки традиционного общества. Это мнение долгое время было актуально и преобладало в экономической мысли западных стран. В свою очередь, теория конвергенции предполагала, что в мире намечается сближение между «первым» и «вторым» мирами. Соответственно, со временем все различия между ними исчезнут, и в обоих регионах мира установится схожая модель социально-экономического развития. Также теория конвергенции предполагала снижение антагонизма между развитыми и развивающимися

[46] Покровский Н.Е. Теория конвергенции: классические основы и современные проблемы (20 тезисов). Лекция в Вандербилтском университете (Нэшвилл, штат Теннесси, США), 1994 г. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/106/202/1217/006_Pokrovskij-brauning.pdf.

[47] Parsons T., Shils E., Naegele K.D., Pitts J.R. Theories of society; foundations of modern sociological theory. New York: Free Press of Glencoe, 1961.

странами. Как в современных, так и в традиционных обществах есть много похожих явлений, которые делают их менее противоречивыми.

В целом, модернизация призвана сгладить различия в развитии разных странах мира[48]. При этом главную роль в модернизации, по мнению сторонников теории конвергенции, должен играть технологический прогресс. Появление новых технологий будет способствовать экономическому росту отдельных регионов и последующему распространению технологий по всему миру. Технологические связи и унификация процесса производства в разных странах должна, в конце концов, привести к общемировой конвергенции и исчезновению «первого», «второго» и «третьего» миров как таковых.

Следует согласиться с критическим мнением относительно теории конвергенции – в определенной мере ее можно считать прозападной, как и оригинальную теорию модернизации, несмотря на признание различных вариантов мирового устройства. При этом справедливости ради стоит отметить, что эта теория получила продолжение в теории конвергенции (сближения) развивающихся стран, где сопоставляются развитые и развивающиеся страны. Теория конвергенции (сближения) родилась из гипотезы о том, что развивающиеся страны могут демонстрировать больший экономический рост, чем развитые страны, в силу меньшей убывающей доходности факторов производства.

Изначально эффект конвергенции описывался в модели Р. Солоу[49] (нобелевский лауреат 1987 года за модель экономического роста) применительно к разным регионам. Так, более бедные регионы могли расти с большими темпами, чем богатые, что приводило к постепенному выравниванию доходов в них. В последствие данный эффект был применен

---

[48] Ермаханова С.А. Теория модернизации: история и современность. URL: http://forum.polismi.ru/index.php?/topic/1499-теория-модернизации-история-и-современность/.

[49] Solow R.W. A Contribution to the Theory of Economic Growth" // The Quarterly Journal of Economics, 1956, vol. 70, no. 1, pp. 65-94.

и для стран. Р. Солоу объяснял причины явления конвергенции следующими факторами:

- все страны движутся к сбалансированному росту, но движение бедных стран имеет догоняющий характер по отношению к богатым странам, что даёт большее ускорение;

- чем выше капиталовооруженность, тем ниже отдача от капитала. Это приводит к перемещению капитала из развитых стран в развивающиеся;

- приток зарубежных технологий увеличивает производительность труда в бедных странах и повышает средний доход на душу населения.

Примечательно, по нашему мнению, что Р. Солоу выделил абсолютную и условную конвергенцию. В первом случае темпы роста бедных стран выше, чем у богатых, во втором они имеют тенденцию со временем уменьшаться. При любом типе конвергенции предполагается, что проблема бедности решится сама собой при ускорении экономического развития (в качестве примера жизнеспособности этой теории приводились опыт развития Японии и СССР).

Также технологический аспект, выше выявленный нами, в этой теории был усилен А. Гершенкрон[50], который выделил потенциал развивающихся стран к копированию и заимствованию технологий. Они могут не тратить ресурсы на научные изыскания и разработки, а сразу внедрять продукт в производство, пользуясь тем, что в бедной стране его можно производить дешевле. Это дает дополнительный стимул для экономического роста (подобный тип конвергенции, например, демонстрировал Китай). Однако последующие исследования выявили, что механизм конвергенции работает не всегда и для него необходимо создание особых условий. М. Абрамовиц[51] полагал, что для успешного развития требуется обеспечить «социальный потенциал». Адаптация зарубежных

[50] Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective // The Journal of Economic History, 1963, vol. 23, is. 3, pp. 360-362.
[51] Abramovitz M. Catching Up, Forging Ahead and Falling Behind // Journal of Economic History, 1986, vol. 46, no. 2, pp. 385-406.

технологий требует образования и специальной квалификации, которых нет в бедных странах. Р. Лукас[52] также ссылался на неразвитость человеческого капитала, как причину сдерживающую приток капитала. Д. Сакс[53] считал причиной отсутствия конвергенции «закрытость» экономик развивающихся стран (примеры – Япония до середины XIX века и ФРГ после окончания Второй мировой войны).

В заключении исследования представлений и теорий модернизации, исходя из их эволюционной трансформации, необходимо обратиться к современному подходу учета значимых факторов, определяющих макроэкономические показатели страны. Таким фактором нобелевский лауреат по экономике 2018 года П. Ромер[54] представляет влияние технологических инноваций на долгосрочный экономический рост[55]. Существенным отличием от положений теории конвергенции Р. Солоу и предложенной им модели экономического роста (учитывавшей труд, капитал и технологический прогресс как драйверы экономического роста), является объяснение разницы в темпах роста разных стран. В соответствии с моделью Р. Солоу, бедные страны должны расти быстрее за счет более интенсивных инвестиций, и поэтому в итоге все страны должны придти к одинаковому темпу экономического роста – в действительности такая конвергенция (сходимость) отсутствует. Межстрановую дифференциацию темпов экономического роста, по мнению П. Ромера, определяет генерирование и распространение новых знаний. В целом, различны потенциал и возможности развитых и развивающихся стран, когда факторами экономического роста выступают знания, инновации и инвестиции в человеческий капитал. Следовательно, темпы роста

---

[52] Lucas R. Why Doesn’t Capital Flow from Rich to Poor Countries? // The American Economic Review, 1990, vol. 80, no. 2, Papers and Proceedings of the Hundred and Second Annual Meeting of the American Economic Association, pp. 92-96.

[53] Сакс Д. Макроэкономика. Глобальный подход. М.: Дело, 1996.

[54] Romer P.M. Increasing Returns and Long-Run Growth // The Journal of Political Economy, 1986, vol. 94, no. 5, pp. 1002-1037.

[55] Замулин О.А., Сонин К.И. Экономический рост: Нобелевская премия 2018 года и уроки для России // Вопросы экономики, 2019, №1, с. 11-36.

экономики (именно в долгосрочной перспективе, что особенно важно для макроэкономических систем) могут быть увеличены с помощью поддержки образования, выделения субсидий на научные исследования и разработки, а также посредством повышения стимулов для внедрения технологических достижений.

Именно зависимость от технологических достижений, особенно современных цифровых, имеющих высокую скорость распространения, увеличивает разрыв между странами в их экономическом развитии, одновременно изменяя экономические модели общества, стратегические принципы и подходы, характерные для стадии становления новой цифровой экономики.

1.2. Противоречия и проблемы сбалансированности национальных интересов и глобализации в экономической политике

Выделенные выше аспекты противостояния в теориях модернизации приоритетных факторов, определяющих развитие национальной экономики, основанных на культурных особенностях или отнесению к определенному типу модернизации, и наличие положительных эффектов, с одной стороны, и, с другой, даже возможное давление со стороны более развитых экономик (неизбежность «вестернизации») ставят в поле зрения оценку проблем сбалансированности и в определенной мере гармонизации достижения национальных целей развития и необходимости осуществлять их в поле международного сотрудничестве и глобальной экономической политики. Далее систематизируем, как эта сбалансированность была представлена с теоретической позиции (отметим, что фактически она начала формироваться в период с конца 60-ых гг. XX века как сомнение в идеях классической теории модернизации).

Прежде всего, следует обратиться к теории национальных моделей развития, предложенной К. Гирц, который в своих работах по изучению

стран Востока заметил, что традиции общества имеют свойство сохраняться даже в условиях модернизации. В качестве примера он рассматривал японское общество, культура которого смогла адаптироваться к западному влиянию без потери своих национальных черт. Это наблюдение приводило к выводу, что модернизация не означает повторения одних и тех же стадий развития общества. К. Гирц[56] обращал внимание на социальные институты традиционных обществ, такие как, например, религия и церковь, и отмечал, что большинство из них могут «вписаться» в картину современного общества. Лишь очень немногие традиции забываются обществом в процессе развития, другие приобретают несколько иную форму, но сохраняются, как, например, религиозные обряды, приметы, национальная музыка, костюмы и танцы. Таким образом, западный вариант модернизации не способен полностью изменить какой-либо народ, приведя его в соответствие с обществом Европы. Идеи К. Гирца и других культурологов показали, что в каждой конкретной стране модернизация принимает свою национальную форму, а значит «западный путь» не является единственным возможным.

Во второй половине XX века ряд леворадикальных исследователей пытались объяснить неразвитость стран «третьего мира» их зависимостью от более развитых стран. Так на свет появилась теория зависимого развития, породившая в последствие множество побочных теорий, а также ставшей основой для возникновения «мир-системного» анализа, которая будет рассмотрена ниже.

Основоположниками современной теории зависимого развития можно считать аргентинца Р. Пребиша и британца Х. Зингера. Для начала они условно разделили страны мира на две группы: центр и периферия. Р. Пребиш и Х. Зингер обратили внимание на то, что в процессе внешней

[56] Geertz C. Religion as a Cultural System (1966). In: H. Wienold Schlüsselwerke der Religionssoziologie. Project: Glauben-Machen. Soziologische Beiträge zur religiösen Praxis, Kultur und ideologie, 2019. Pp. 237-245.

торговли страны периферии получают меньше выгод, чем центр[57]. Изначально обмен между ними строиться на том, что слаборазвитые страны поставляют сырье и природные ресурсы, а развитые страны продают им промышленные товары и технологии. Однако ввоз промышленной продукции со временем сокращается, в то время как объёмы вывозимых из страны ресурсов только растут.

Экономисты полагали, что таким образом центр эксплуатирует периферию, выкачивая из нее все возможные ресурсы и препятствуя тем самым развитию периферийных стран. Это предположение получило название гипотезы Пребиша-Зингера[58]. Так как, участие в мировой торговле изначально ставит развивающиеся страны в проигрышное положение – им, по мнению Р. Пребиша[59], стоит перейти к политике протекционизма и импортозамещения. Работа на экспорт не избавит страну от зависимости, а вот замена иностранных товаров на отечественные создаст предпосылки для формирования экономического роста и индустриализации. При этом Р. Пребиш предлагал рассматривать западный капитализм и капитализм развивающихся стран в качестве различных систем развития[60].

Также в работах Х. Зингера и Р. Пребиша и далее Х. Лейбенстайна[61] был использован термин «порочный круг бедности», который, по их мнению, объяснял причину отсталости отдельных стран и регионов. Согласно ей, в развивающихся странах складывается низкий уровень доходов населения, препятствующий накоплению сбережений и переходу их в инвестиции. Соответственно, нехватка инвестиций не дает

---

[57] Singer H. Beyond terms of trade - convergence and divergence // Journal of International Development, 1999, vol. 11, no. 6.

[58] Toye J., Toye R. The Origins and Interpretation of the Prebisch-Singer Thesis // History of Political Economy, 2003, vol. 35, no. 3, pp. 437-467.

[59] Prebisch R. Theoretical and Practical Problems of Economic Growth. New York: Economic Commission for Latin America, 1950.

[60] Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М.: ИЛА, 1992.

[61] Leibenstein H. Economic Backwardness and Economic Growth. Studies in the Theory of Economic Development. One of a series of books from the research program of the Institute of Industrial Relations, University of California. Science editions. New York, London, J. Wiley & Sons, Inc., 1963.

возможности обновить капитал и увеличить производительность труда. В итоге низкий уровень доходов населения и бедность сохраняются. И, кстати, даже увеличение доходов населения не способно изменить ситуацию в стране – при росте дохода наблюдается рост населения, приводящий к нехватке капитала и падению ВВП на душу населения. Таким образом, ситуация всегда возвращается к исходному стабильному состоянию.

Следует отметить, что классический вариант «порочного круга бедности» предложил Р. Нурксе[62]. Согласно ему, нехватка капитала снижает производительность труда, что вызывает спад доходов населения. Это формирует ситуацию низкого спроса и слабой сберегательной активности населения, в свою очередь, сбережений не хватает для осуществления инвестиций и обновления капитала.

Важным фактором постоянства бедности в развитых странах, по мнению, Б. Кналла[63] является фактор образования. Низкий уровень образования порождает нехватку специалистов и квалифицированной рабочей силы, претендующей на более высокий заработок. Пока в стране будет сохраняться избыток низкоквалифицированных рабочих невозможно добиться поднятия уровня жизни населения[64]. Поэтому программы развития национальных экономик строятся не только на привлечении инвестиций, но и на решении социальных задач, не ограничивающихся контролем над уровнем населения. Учитывая, что у слаборазвитых стран нет возможностей для накопления собственных инвестиций, выход из ловушки нищеты невозможен без иностранного вмешательства.

С. Фуртадо дополнил теорию зависимого развития положениями, что центр подавляет периферию не только экономически, но и посредством

---

[62] Nurkse R. Problems of Capital Formation in Underdeveloped Countries, Oxford University Press, 1953.

[63] Knall B. Die Rolle und Bedeutung der Berufserziehung im der Entwicklungsplanung // Wirtschaftsdienst, Verlag Weltarchiv, Hamburg, 1963, vol. 43, iss. 12, pp. 520-524.

[64] Нуреев Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М.: Норма, 2008.

потребительской культуры[65]. Так, элита периферийных стран перенимает потребительские стандарты и тренды центра и тем самым фактически интегрируется в него, теряя связь с собственной страной[66]. А так как именно элита владеет основными ресурсами и средствами производства в государстве, то ее зависимость от центра становится препятствием к дальнейшему развитию страны. Элита предпочитает потреблять зарубежные товары, а не отечественные, и инвестировать средства не в собственное производство, а в импорт.

Несмотря на мировое признание, данная концепция подвергалась активной критике, особенно со стороны представителей либеральной экономической мысли. Ключевая проблема теории состоит в том, что пока не были получены подтверждения гипотезы Пребиша-Зингера, а значит и не доказано, что обмен между центром и периферией является неравноценным.

Если Р. Пребиш и С. Фуртадо представляли умеренную или структуралистскую ветвь теории зависимого развития, то ряд других экономистов, таких как П. Баран[67], Т. Дус-Сантус[68], А.Г. Франк[69], сформировали радикальное «марксистское крыло» теории.

П. Баран[70] считается автором неомарксистской теории зависимого развития. Сам костяк теории схож с идеями Р. Пребиша: мир делится на две группировки – развитые капиталистические страны и слаборазвитые периферийные страны, а также осуществляется эксплуатация одной группировки со стороны другой. Развитые страны имеют монопольное положение на рынке технологий и используют отсталые страны в качестве сырьевого придатка и рынка сбыта. В результате развитые страны

---

[65] Furtado C. Development and underdevelopment. Berkeley; Los Angeles: Univ. of Calif. press, 1967.
[66] Furtado C. Accumulation and Development: The Logic of Industrial Civilization // Wendell Gordon. Journal of Economic Issues, 1985, vol. 19, issue 1, 237-238.
[67] Baran P.A. The Political Economy Of Growth. New York, Monthly Review Press, 1957.
[68] Dos Santos T. La dependencia económica y las alternativas de cambio en América Latina / Ponencia al IX Congreso Latinoamericano de Sociología, México, Noviembre, 1969.
[69] Frank, A.G. Capitalism and Underdevelopment in Latin America. N. Y.: Monthly Rewier Press, 1969.
[70] Baran P.A. The Political Economy Of Growth. New York, Monthly Review Press, 1957.

блокируют возможность развития для других государств.

Индустриализация, по мнению П. Барана[71], не может быть выходом из состояния зависимости, так как развитые страны все равно контролируют мировой рынок и легко избавляются от конкурентов. Национальные капиталисты не заинтересованы в развитии собственных стран, так как их устраивают доходы от торговли с центром и низкая ставка заработной платы. Соответственно, в случае модернизации в развивающейся стране формируется точно такая же «грабительская» модель монополистического капитализма[72], а трудящиеся оказываются под гнетом двойной эксплуатации[73]. В отличие от Р. Пребиша и С. Фуртадо, П. Баран не видел никаких иных способов развития в ситуации зависимости кроме социальной революции, которая должна привести к созданию более справедливого государственного и экономического устройства.

Следует отметить, что для оценки развития стран «третьего мира» П. Баран использовал разработанную им концепцию фактического и потенциального излишка[74]. Первый показывал разницу между общественным продуктом и потреблением, второй – между фактическим общественным продуктом и его «идеальным» вариантом в случае лучшего общественного устройства. Разрыв между излишками отражал степень эксплуатации страны развитыми капиталистическими державами.

Вопросы преодоления как отставания, но и организации государственного управления юридически сформированных стран после военных действий потребовали нового осмысления и решений. Так, здесь следует особо обратить внимание в свете задач настоящего исследования на идеологию «кемализма», которая возникла вследствие прекращения

---

[71] Baran P.A. The Political Economy of Neo-Colonialism. L.: Heinemann, 1975.

[72] Савченко И.А. Зависимое развитие: печальная правда современности // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2008, №3(27), с. 99-103.

[73] Рахманов А.Б. Концепция зависимости А.Г. Франка // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, 2013, №2, с. 52-67.

[74] Баран П. Глава вторая. Понятие об экономическом излишке. В кН.: Политическая экономия роста. URL: https://scepsis.net/library/id_3897.html.

существования после Первой мировой войны Османской империи, давно отставшей в своем развитии от европейских стран, как основа особой программы реформ (модернизации) в Турции, предложенной М. Кемалем Ататюрком[75], - это позволило Турции в короткие сроки преодолеть отсталость и экономическую разруху.

Своеобразным предшественником М.К. Ататюрка был китайский философ и политик Сунь Ятсен[76]. Он сформулировал так называемые «три народных принципа», которые должны были быть положены в основу развития Китайской республики: национализм (означал разрыв с колониальным прошлым Китая и построение государства в интересах коренных национальностей), демократия (означал государственное устройство по западному образцу) и народное благосостояние (означал индустриализацию и социальную помощь народным массам). «Народные принципы» С. Ятсен легли в основу Конституции Китайской республики и до сих пор используются в политических документах на Тайване.

Принципы «кемализма» частично пересекаются с теми, что озвучил С. Ятсен. Изначально принципов было четыре, но позднее к ним добавили еще два. В итоге вышло шесть позиций: 1) народность (соответствует «народному благосостоянию» С. Ятсена); 2) национализм (общность нации, языка, культуры и истории, патриотическое воспитание); 3) республиканизм (конституционная республика западного типа вместо абсолютной монархии); 4) лаицизм (снижение роли церкви в жизни общества); 5) этатизм (государственный контроль над экономикой); 6) реформизм (активная вестернизация, борьба с традиционными пережитками).

Программа реформ М.К. Ататюрка носила весьма радикальный характер для тогдашнего турецкого общества. Ее реализация сопровождалась жертвами и сопротивлением населения, однако, благодаря

---

[75] Ушаков А.Г. Феномен Ататюрка: Турецкий правитель, творец и диктатор. М.: Центрполиграф, 2002.

[76] Тихвинский С. Л. Завещание китайского революционера: Сунь Ятсен: жизнь, борьба и эволюция политических взглядов. М.: Политиздат, 1986.

контролю над институтами власти и армией, М.К. Ататюрк смог довести начинание до конца. В итоге Турция выбилась из отсталости и очень скоро приобрела вид европейского государства.

По нашему мнению, идеология «кемализма» интересна тем, что ее можно считать рабочей программой модернизации развивающихся стран (к чему призывал С. Хантингтон[77]). В отличие от других национальных моделей развития, типа японской или китайской, «кемализм» универсален и подходит для любой страны «третьего мира». Основная его цель: ликвидация элементов традиционного общества, сдерживающих экономическое развитие, и индустриализация. Также отличительной особенностью «кемализма» является сочетание вестернизации с национальным характером государства. Это доказывает, что для развивающихся стран возможно сохранение национальной идентичности даже при осуществлении модернизации по западному образцу.

Следует отметить, что идеи «кемализма» до сих пор лежат в основе развития Турции, и также схожими методами осуществлялась модернизации Южной Кореи в президентство Пак Чон Ки и Сингапура при правлении Ли Куан Ю.

Учитывая направленность на соответствие глобальной повестке, важно затронуть представления о модернизации в контексте глобальной политики[78]. Так, теории зависимого развития привели к появлению концепции, названной «мир-системным анализом»[79]. Данная модель рассматривает мир в качестве большой системы, подразделяющейся на более мелкие подсистемы, связанные между собой отношениями подчинения и зависимости. Интересно, что данную теорию приблизительно

---

[77] Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Orde. Simon & Schuster, 2011.

[78] Малюк А.Н. Концепт глобализации в мир-системном анализе // Социологический альманах, 2017, №8, с. 90-100.

[79] Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего, 2006.

в одно время разрабатывало сразу несколько исследователей[80], но всемирную известность получили только концепции И. Валлерстайна[81] и П. Франка[82]. Основным предшественником «мир-системного анализа» называют французского историка Ф. Броделя, заложившего основы «мир-системного анализа». Концепция Ф. Броделя[83] была больше исторической, нежели экономической, но значительно повлияла на модель И. Валлерстайна, поэтому стоит отдельно рассмотреть основные ее положения.

Итак, согласно Ф. Броделю, весь мир представляет собой единую систему, называемую им «мир-экономика». Это название отражает ведущую роль экономики в развитии общества, превалирующую над ролью политики или культуры. Мировой «мир-экономика» делится на некоторое количество меньших миров, каждый из которых имеет свой центр и периферию, а также определённую прослойку полупериферийных стран. Под центром «мира-экономики» Бродель понимал «сверхгород» – основной торговый и финансовый центр системы (в разные исторические периоды такими центрами были Рим, Константинополь, Венеция, Антверпен, Лондон и Нью-Йорк). «Миры-экономики» пространственно ограничены, а их центры, как правило, меняются весьма редко, и эти изменения приводят к серьезным социальным катаклизмам. Может существовать и несколько центров (например, Венеция и Генуя или Париж и Лондон). Между ними ведется постоянная борьба за лидерство, приводящая к возвышению одного центра и упадку другого. Общее развитие «мира-экономики», по мнению Ф. Броделя, циклично, и при этом экономические, культурные, демографические и другие циклы не совпадают друг с другом.

---

[80] Социально-философский анализ модернизации: теории, модели, опыт / В.Г. Федотова и др.; Российская акад. наук, Ин-т философии. М.: Ин-т философии РАН, 2013.

[81] Валлерстайн И. Мир-система Модерна = The Modern world-systhem. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2015.

[82] Царев Р.Ю. Концепции глобальной истории Ф. Броделя и И. Валлерстайна: сравнительный анализ // Вестник Курганского государственного университета, 2010, №3, с. 69-76.

[83] Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Весь Мир, 2008.

Более полное исследование и развитие данной теории совершил И. Валлерстайн[84]. Для начала он пришел к выводу, что единый «мир-система» возник только в XVI веке, а именно после окончания Тридцатилетней войны (1648 г.). До этого в мире существовало множество различных систем. На заре человечества это были минисистемы – первобытные общества охотников и собирателей, живших замкнутыми общинами и племенами. С переходом к земледелию и скотоводству, а также после появления ремёсел, начали формироваться современные общества, связанные торговыми отношениями. Это привело к формированию двух типов систем – «мир-экономика» (практически идентично понятию Ф. Броделя) и «мир-империя».

«Мир-экономика» складывается за счет торговых отношений – в нем выделяются ядро, полупериферия (средний слой) и периферия. Отношения между ядром и периферией строятся на принципах неэквивалентного обмена. При этом И. Валлерстайн, в отличие от Ф. Броделя, разграничивает понятия «ядро» и «центр». Так, ядро включает множество развитых государств, в то время, как центр может быть только один. Это хорошо видно по сегодняшней ситуации, где к числу развитых стран относят все государства Западной Европы и Северной Америки, а также Японию и Австралию, в то время, как реальным центром являются США.

Центральное место в теории Валлерстайна занимает вопрос о мировой гегемонии[85]. Развитие мира определяется той страной, которая имеет преимущественное положение и является центром «мир-системы». Мировая гегемония формируется за счет эффективного производства и мировой торговли. Это приводит к формированию финансового центра мира. Но как только страна добивается положения гегемона, она теряет свои преимущества в производстве, что приводит к формированию новых

---

[84] Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М.: URSS: ЛЕНАНД, 2018.

[85] Бакаев С.Д. Мир-системный анализ Иммануила Валлерстайна // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, 2008, №1, с. 168-174.

центров развития. Старый гегемон обычно подчиняется новому, который приходит ему на смену (так, например, произошло с Великобританией после возвышения США). Отличительной чертой гегемона является превышение военно-морского флота над сухопутными войсками, так как гегемон должен обеспечивать свое преимущество в торговле, а войну на земле он предпочитает вести чужими руками.

Достаточно спорным выводом можно считать то, что И. Валлерстайн отрицал возможность развития отсталых стран и теории модернизации. По его мнению, устройства «мир-системы» всегда одинаковое, и центр не может существовать без периферии. При развитии одних стран в упадок будут впадать другие – и так до бесконечности. Вследствие этого логичным будет перейти к еще одному очень значимому направлению экономической теории развития – это теория депендетизма (или новая теория зависимости).

Прежде всего, теория депендетизма (от исп. «dependencia» - зависимость) была попыткой осмысления теории зависимого развития с левых марксистских позиций. Частично эта теория продолжала исследования Р. Пребиша и П. Барана, но в тоже время была родственна мир-системному анализу. Сами авторы отталкивались от теории империализма, предложенной Д. Гобсоном и развитой В.И. Лениным.

Важным для настоящего исследования являются три ключевых понятия теории: 1) «суперэксплуатация» (термин был введен бразильским экономистом Р.М. Марини[86], стоявшим у истоков данной теории наравне с Т. Дус-Сантусом[87]; он обозначал состояние рабочего класса в развивающейся стране. Обычная эксплуатация – это явление развитых стран, в то время, как трудящиеся «третьего мира» эксплуатируются не только национальными капиталистами, но и зарубежными); 2) «депендетизм» (явление установления пределов и возможностей развития зависимого общества, при которых формируется иной капиталистический

[86] Marini R.M. América Latina, dependência e integração. São Paulo, SP : Editora Brasil Urgente, 1992.
[87] Dos Santos T. El nuevo caracter de la dependencia. Santiago-de-Chile, 1968.

способ производства, основанный на «суперэксплуатации»); 3) «девелопментализм» (теория развития, сводящаяся исключительно к торговому обороту между периферией и центром).

Причиной отсталости идеологи теории депендетизма видят «суперэксплуатацию» развивающихся стран развитым посредством механизма контроля капитала и технологий. Т. Дус-Сантус и Р.М. Марини считают индустриализацию и модернизацию опасными явлениями для стран «третьего мира», так как в итоге они приводят их к еще большему подчинению центру[88]. Поэтому обоснованно, что эти ученые полагают, что в развивающихся странах формируется особенная модель капитализма, требующая пристального изучения и анализа.

Следовательно, основным выводом из теории депендетизма следует то, что только преодоление зависимости может помочь странам «третьего мира» встать на путь полноценного экономического развития. При этом, будучи марксистами, Т. Дус-Сантус и Р.М, Марини считают, что в рамках капиталистической модели вариантов выхода из зависимого положения у отсталых стран нет. Как и П. Баран, они склонялись к идее смены социально-экономического строя и переходу к социализму.

Позицию о невозможности адаптации капитализма западного образца в Латинской Америке и других странах «третьего мира» в силу особенностей исторического и экономического развития доказывал в своей теории капитализма субразвития мексиканский экономист А. Агиляр Монтеверде[89]. Основной причиной такого различия А. Агиляр считает неразвитость рыночных механизмов. В отличие от стран Запада, в развивающихся государствах не существует перетекания сбережений в инвестиции и, соответственно, накопления капитала. Совершенствование рынка затрудняется колониальным наследием, бюрократией, коррупцией и

---

[88] Лапкин В.В. В преддверии сингулярности: перспективы трансформации мирового порядка // История и современность. 2017, №1, с. 52-78.

[89] Aguilar Monteverde A. Globalización y capitalismo. Universidad Nacional Autónoma de México, Instituto de Investigaciones Económicas, Plaza & Janes, Editores, México, 2002.

бедностью населения. Развитие зависимых экономик могло, по мнению А. Агиляра, осуществляться только в условиях «модификации капитализма»[90]. При этом, он не признает существования какого-то особого «периферийного» капитализма. Мировая капиталистическая система едина, как и законы развития. Только для развивающихся стран необходимо их уточнение и актуализация.

В определенной мере идеологическое выравнивание позиции стран относительно будущего экономического развития проявилось в концепции постиндустриальной экономики (следует отметить, что смена формаций общественного развития прошла несколько этапов от аграрного (доиндустриального), индустриального, постиндустриального (или «третьей волны» в трактовке А. Тоффлера[91]), которая позволила наметить некий общий сбалансированный тренд развития для страны в относительной независимости от ее социально-экономического развития – этот тренд на использование преимуществ постиндустриального периода и акцент на инновационную деятельность корпораций и эффективность инвестиций в R&D.

В настоящее время концепция «постиндустриального», идеологом которой является Д. Белл[92], трактуется:

а) либо как информационное общество, что на самом деле уже не отражает современных тенденций;

б) либо как общество экономики знаний, что не является существенным отличительным признаком, так как знания в том или ином виде всегда были движущей силой экономического развития;

в) либо как инновационная экономика, подразумевающая, что основным источником роста являются инновации;

---

[90] Семенов Ю. И. Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). – М.: «Современные тетради», 2003

[91] Toffler A. The third wave. New York, Morrow, 1990.

[92] Белл. Д. Грядущее постиндустриального общества. М.: Академия, 1999.

г) либо общество устойчивого развития, ориентированного на баланс интересов;

д) либо как цифровая экономика, подразумевающая, что основные данные уже оцифрованы.

К числу популярных, но неожиданных трактовок может быть отнесено и использование термина «постэкономика» (в трактовке В.Л. Иноземцева[93], Х. Кана, У. Брауна, Л. Мартеля[94]). Фактически современная действительность опережает теоретические конструкции и создает новые явления преобразования взаимодействия в обществе, которые достаточно хорошо идентифицированы как отдельные модели, но не встроены в единую экономическую или социологическую концепцию.

Ключевым признаком смены формаций остается тот факт, что преобладающим источником формирования валового внутреннего продукта перестает быть материальное производство, результаты потребления которого сокращаются. Общепризнанным критерием отнесения национальных экономик к постиндустриальной экономике остается вклад инновационной деятельности в ВВП. Превышение уровня 50% начинает свидетельствовать о том, что рассматриваемая экономика может быть отнесена к постиндустриальной. В целом число стран с такой структурой ВВП возрастает, а Bloomber ежегодно составляет рейтинг стран мира Innovation Index[95]. Однако, говоря об актуальности данного исследования, следует обратить внимание, что увеличение доли инновационных предприятий и продуктов будет вести к росту числа проигравших в инновационной гонке и появлению существенного количества локальных кризисов на микроэкономическом уровне.

---

[93] Inozemtsev V.L. The Constitution of the Post-Economic State. Post-Industrial Theories and Post-Economic Trends in the Contemporary World. New York, Ashgate Publishing, 1998.

[94] Kahn H., Brown W., Martel L. The next 200 years : A scenario for America and the world. New York, Morrow, 1976.

[95] Jamrisko M., Miller L.J., Lu W. These Are the World's Most Innovative Countries, 2019. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-01-22/germany-nearly-catches-korea-as-innovation-champ-u-s-rebounds?fbclid=IwAR35I5FBXBWIZB5lIwO7E9qWNJ--oUDw09bO1pZaXw4gOu9CD3R_NPca6w0.

Развитие «постиндустриального» неразрывно связано с концепцией «постмодернизма» Ж.-Ф. Лиотара[96], сформулированной позднее как нового мировоззрения для информационного общества, особенно ярко проявляясь в социальной сфере, объединяя множество преобразований в обществе. Постмодернизм позволяет рассматривать противоречащие проявления экономики, политики, общественного поведения как взаимосвязанные и единые на основе контекстного рассмотрения. Постмодернизм увеличил возможности согласованного исследования многих сторон деятельности в обществе путем включения в рассмотрение таких элементов, как фрагментарность, симуляция, неопределенность, изменчивость, еще более акцентируя внимание на деструктивное воздействие «постиндустриального» и усиление опасности кризисов в сфере услуг и производства из формируемой нестабильности как нормы функционирования.

По мнению ряда исследователей, постмодернизм не только стал основой философских течений, но и ознаменовал завершение эпохи модернизации, длившейся, по мнению Р. Инглхарда и К. Вельцеля[97], много веков в мире. Однако, по нашему мнению, постмодернизм не стал исключительным признаком новой эпохи для материального производства и сферы услуг, проявляя себя более в нематериальной сфере, поэтому отказ от теорий модернизации на современном этапе мы не считаем корректным. Теории модернизации в целом, как и концепции объясняющие смену формаций в обществе в трактовке Ю.В. Олейникова[98], не следует отождествлять с завершением превосходства промышленного производства над потреблением, связывая с насыщением промышленными товарами и сокращением спроса.

---

[96] Lyotard J.-F. The Postmodern Condition. Manchester University Press, 1984.

[97] Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011.

[98] Олейников Ю.В. Мегатренды постиндустриальной модернизации // История и современность, 2016, № 1, с. 133-153.

Несмотря на попытки увеличения спроса производителями, например, через быстрое обновление и сокращение срока владения товарами (когда моральное устаревание вещей происходит быстрее, чем их физический износ), социальное поведение потребителей начинает свидетельствовать о неэффективности таких мер. В результате сама идея потребления превращается в непрерывное обновление, которое не приносит удовлетворения потребителю. Сокращение потребления усиливает конкуренцию между производителями, что при нарастании преобладания потребителя позволяет ему доминировать над рынками и осуществлять выбор независимо от давления производящих компаний (за исключением все еще ограниченного выбора или создаваемого дефицита). Очевидно, что парадигма социализации потребления также усиливает вероятность возникновения кризисных ситуаций для отдельных производителей.

Следует обратить внимание на тот факт, что реализация концепции постиндустриального общества в отдельных национальных экономиках при сохранении потребности в потреблении практически реализуема только при возможности взаимодействия нескольких национальных экономик с изменением структуры торгового баланса. Следовательно, постиндустриальные идеи не могут быть реализованы еще без одной концепции – концепции глобализма (глобального мира), так как именно глобализация дает возможность полностью обеспечить функционирование национальных экономик при сокращении объема производства (как в промышленности, так и в сельском хозяйстве). При этом остается «условно стабильной» отрасль строительства, но не за счет прямого потребления, а за счет того, что в данной отрасли высока доля инфраструктурных проектов. Факт глобализации еще больше усиливает опасность кризисных явлений для отдельных предприятий, так как при этом конкуренция вырастает до международного уровня, к которому отдельные предприятия многих стран оказываются не готовы.

1.3. Направления модернизации различных национальных экономик в условиях технологического скачка

Современная экономика стоит на этапе быстрого, неизбежного и всепоглощающего процесса – очередной промышленной революции, двигателем которой являются цифровые и связанные с ними технологии. Если ранее можно было выделить четкую периодизацию изменений в экономике, связанных с изменениями в ее основных секторах (в данном случае в промышленности), то сейчас мы можем констатировать о параллельно происходящих революциях в мире:

- продолжение третьей промышленной революции (в версии Дж. Рифкина[99]) и разворот в сторону четвертой промышленной революции – характерен для большинства стран мира, относящихся в категорию развивающихся стран. Эти страны ориентированы на инвестирование в покупку нового высокопроизводительного оборудования и распространение технологий коммуникаций во всех сферах экономики и общества. Одновременно происходит постепенный переворот к источникам возобновляемой энергии и развитие (инженерное совершенствование) транспортных систем как важных каналов физических коммуникаций;

- разворачивание четвертой промышленной революции (в версии К. Шваба[100]), сопровождающееся активным внедрением технологий, которые можно охарактеризовать как цифровые прогрессивные. Основным трендом является конвергенция промышленности и информационных технологий, что приведет, очевидно, к появлению принципиально нового типа производства на основе 3D печати, когда преимущества массового производства будут нивелированы возможностями производства небольшого количества или продукта на заказ по цене эффекта от масштаба. Такая тенденция более характерна для развитых стран, поскольку требует

[99] Rifkin J. The Third Industrial Revolution. How Lateral Power Is Transforming Energy, the Economy, and the World. St. Martin's Publishing Group, 2011.
[100] Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Crown Business, New York, 2017.

не только существенных инвестиций в разработку и внедрение новых технологий, но и организацию и проектирование коммуникаций на основе цифровых технологий.

Указанные выше тенденции определяют направлении модернизации экономик стран, с учетом их текущего уровня социально-экономического развития, доступа к рынкам капитала, политического строя и положения на международной арене.

Модернизация экономики, как правило, рассматривается как ее улучшение или обновление, сопровождаемое технологическими и социальными изменениями в развитии общества как в глобальном масштабе, так на уровне каждой страны, отрасли и отдельного предприятия. Модернизация обязательно охватывает изменения в отраслевой структуре страны (когда могут исключаться одни отрасли промышленности и формироваться новые отрасли), включает инновационную деятельность и применение прогрессивных технологий, которые приведут к повышению производительности труда и экономическим выгодам. Модернизация экономики должна сопровождаться реализацией адекватной государственной политики и способствовать привлечению инвестиционных ресурсов.

Однако модернизация экономики это всегда процесс индивидуальный – каждая страна для себя выбирает путь изменений: или оригинальный или копирование лучшего опыта. Это исторически связано со структурно-технологическими изменениями в экономике, происходившими в Западной Европе и Северной Америке с XVII по XIX в., которые затем распространились и в другие европейские страны, а в XIX-XX вв. – на южно-американский, азиатский и африканский континенты. Так, идеолог модернизации как научного направления Ш. Эйзенштадт[101] рассматривал модернизацию как процесс изменения в направлении социальной,

[101] Eisenstadt S.N. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966.

экономической и политической систем страны, выделяя четыре типа модернизации: экономическая, технологическая, социальная и культурная.

Реализуя модернизацию экономики, общество ориентировано на движение вперед, хотя определенные риски на пути следования прогрессивным изменениям всегда присутствуют. Мы не рассматриваем модернизацию исключительно в отношении только развивающихся стран, хотя именно они остро нуждаются в эффективных преобразованиях, которые позволят им догнать ведущие, наиболее развитые страны, которые сосуществуют с ними в одном историческом времени, в рамках единого глобального общества.

Модернизация как процесс изменений в обществе и экономике имеет определенные методологические связи с представлением о современных направлениях в искусстве, получившим название «модерн». Такая параллель очень интересна, поскольку модернизация экономики есть ее осовременивание в соответствии с актуальными или перспективными потребностями, представленными экономическими субъектами (населением, компаниями, государствами и т.д.). В искусстве модерн отрицает старое и традиционное, но модернизация экономики, наоборот, должна учитывать опыт прошлого, потенциал страны и ее ресурсы для обеспечения развития. При этом такое явление в искусстве как постмодернизм, выразившийся в использовании художественного заимствования и римейков, как вариант изменений также востребован в модернизации экономики. Так, страны могут использовать механизмы развития, которые показали свою эффективность на примере внедрения и использования в других странах.

В своей работе автор опирается в большей мере на представление о модернизации, принятое в социологии, когда модернизация представляется как общественно-исторический процесс, в ходе которого традиционные общества становятся прогрессивными, индустриально развитыми (например, первая промышленная революция в Великобритании,

восстановление экономики после Второй мировой войны и индустриализация в СССР, экономический рост стран Персидского залива на основе эксплуатации сырьевых ресурсов, развитие экономики «азиатских тигров» и др.).

Также в констатации фактов реализации модернизационных процессов в разных странах с разными содержательными аспектами экономических процессов автор опирается на признанные в теории подходы к классификации рыночной экономики на три типа:

- страны с LME – liberal market economy, ориентированная на приоритеты рынка (согласно концепции П. Холла и Д. Соскиса[102]) и, соответственно, радикальные технологические преобразования и высокие технологии с целью достижения лидерства в мире;

- страны CME – coordinated market economy, ориентированная на нерыночные механизмы взаимодействия путем координации взаимоотношений между экономическими субъектами (также согласно концепции П. Холла и Д. Соскиса[103]), но предполагающая конкуренцию за счет поэтапных инноваций, развивающихся в приоритетно в производственном секторе, по мнению Б. Хэнски, М. Хоудес и М. Тэтчер[104];

- страны с DME – depended market economy, характеризующаяся низким уровнем внутренних инвестиций, зависимостью от иностранного капитала и транснациональных корпораций (в трактовке Й. Драхокупил[105]).

Конечно, такое деление стран объективно, ведь либеральная рыночная экономика характерна для мировых лидеров (США, Великобритания, Канада, Австралия), Новая Зеландия, Ирландия), скоординированная

---

[102] Hall P., Soskice D. Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage. Oxford, Oxford University Press, 2001.

[103] Hall P., Soskice D. Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage. Oxford, Oxford University Press, 2001.

[104] Hancké B., Rhodes M., Thatcher M. Beyond Varieties of Capitalism: Conflict, Contradictions, and Complementarities in the European Economy. Oxford, Oxford University Press, 2007.

[105] Drahokoupil J. Globalization and the State in Central and Eastern Europe. The Politics of Foreign Direct Investment. Routledge, 2009.

рыночная экономика приносит эффективность в Германии, Бельгии, Нидерландах, Скандинавских странах, Австрии, которые также отличаются стабильными темпами экономического роста. Страны с зависимой экономикой условны[106], но нужно понимать, что наравне с глобализацией, сопровождающейся углублением взаимозависимости и обменом товарами, услугами и информацией[107], активизируются процессы вестернизации, т.е. заимствования западных ценностей и образа жизни. Это отражается, прежде всего в культуре, но находит выражение и в политике и экономике.

Также помимо зависимого развития также существует и догоняющее развитие[108], [109], [110] – именно это понимание и будет отличать страны в отношении внедрения и распространения новых технологий. Трансфер технологий из развитых стран позволяет таким странам оптимизировать инвестиции в технологическое развитие и также снизить венчурные риски. При этом страны с догоняющим развитием, как правило, достаточно ориентированы на использование собственного ресурсного потенциала, и именно он обеспечивает большую часть ВВП страны и занятость населения.

Однако признание важности детерминантного влияния разнообразных факторов, таких как глобализация, распространение новых цифровых технологий, необходимость решения экологических проблем в мире, важность сохранения национальной культуры и языка и др. приводит к более комплексному понимаю модернизации экономики. Это способствует масштабной реализации целого спектра целей и задач, направленных на социально-экономическое развитие страны. При этом разработка стратегий развития экономики в универсальном подходе должна соответствовать

---

[106] Popov V., Jomo K.S. Are developing countries catching up? // Cambridge Journal of Economics, 2018, vol. 42, Issue 1, pp. 33-46.

[107] McMillan M., Rodrik D., Verduzco-Gallo I. Globalization, Structural Change, and Productivity Growth, with an Update on Africa // World Development, 2014, no. 63, pp. 11-32.

[108] Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. М.: Экономика, 2000.

[109] Inozemtsev V. Catching Up: The Limits Of Rapid Economic Development. Routledge, 2002.

[110] Landesmann M.A., Stöllinger R. Structural change, trade and global production networks: An ‘appropriate industrial policy’ for peripheral and catching-up economies // Structural Change and Economic Dynamics, 2019, vol. 48, pp. 7-23.

следующим параметрам:

- страна планирует осуществить модернизацию либо на основе оригинальных механизмов либо на основе копирования лучшего опыта других стран, принимая их институциональные решения;

- любая современная модернизация должна препятствовать экологическому кризису, что соответствует классическому пониманию экологической модернизации в трактовке А. Гидденса[111] и актуализировано в связи с обострением экологических проблем в мире;

- любым изменениям, по мнению У. Бека, свойственны риски[112], поэтому модернизация экономики несет в себе угрозы уже сложившемуся порядку процессов в обществе и экономике, и, несмотря на прогрессивность изменений, они могут быть не восприняты обществом или могут быть реализованы неэффективно;

- отдельные страны могут выбрать для себя стратегию «сверхмодернизация», полагая достигнуть превосходство над другими странами и стать лидером (или одним из лидеров) мировой экономики. Не обсуждая политических мотивов данной стратегии, можно признать, что данный подход справедлив только для стран с доминирующим производственным, инновационным и экономическим потенциалом;

- модернизация экономики, как это показала история, должна максимально быть согласована с технологическими аспектами развития, поскольку распространение новых технологий становится не только драйвером экономического развития, развития промышленности и сферы услуг, но и существенно повышает качество жизни населения, формируя резервы для обеспечения устойчивости функционирования экономики страны. При этом страна может не разрабатывать свои технологии и просто закупать их, но страна, которая развивает науку и технологии, априори получает шанс стать не только технологическим лидером, но и лидером

[111] Giddens A. Modernity and self-idenlity, Stanford (Cal.) Stanford univ. press, 1991.
[112] Beck U. From Industrual Society to the Risk Society // Theory, Culture and Society, 1992, February, vol.9, no.1, pp. 97-123.

мировой экономики, укрепив свои позиции или став новым лидером.

Современный этап глобализации, всемирное распространение цифровых технологий и перспективы новых прогрессивных технологий в соответствие с детерминантами четвертой промышленной революции ставят страны перед выбором стратегии технологической модернизации, которая неизбежно влияет на экономическое развитие и положение страны на мировом пространстве.

Технологии в современном не мире не просто инструмент конкуренции между компаниями. В условиях глобализации и замедления темпов экономического роста в мире технологии стали инструментом экономического развития и международного лидерства (а по некоторым позициям, например, по космическим технологиям, и политического лидерства). Все страны, в независимости от своего уровня социально-экономического развития, стремятся поддерживать инновационную деятельность, которая осуществляется не только в отраслях, составляющих базис развития экономики (современная промышленность), но и в сфере услуг, сельском хозяйстве, традиционных отраслях производства. Такая важная задача решается правительствами стран на основе разработки определенного экономического курса, ориентированного на формирование, финансовую поддержку и содействие развитию инновационных компаний, национальных инновационных экосистем и сетей. Такой поход также объясним и с позиции обеспечения долгосрочного экономического роста. Как показывают исследования Д. Роддрика, чтобы догонять и перегонять, нужно не только инвестировать в человеческий капитал и создавать необходимые институты, но и развивать новые отрасли промышленности и корректировать структуру рынка труда, помогая рабочим получать новые квалификации и переходить на более прогрессивные производства[113].

[113] Rodrik D. The Past, Present, and Future of Economic Growth // Challenge, 2014, vol. 57, no. 3, pp. 5-39.

Одни страны исторически концентрируются на технологических прорывах при осуществлении модернизации экономики – этому способствует большие доли финансирования науки и R&D в структуре ВВП. Размер инвестиций в технологическое развитие является одним из основных показателей заинтересованности страны в развитии новых технологий.

В 2020 году произошло значимое событие: в Bloomberg Innovation Index – 2020 Германия стала самой инновационной экономикой планеты и потеснила с лидера рейтинга Южную Корею, бессменно лидировавшую на протяжении шести лет[114]. Это случилось благодаря отличным результатам в сферах высоких технологий, патентной активности и высококонкурентного производства с добавленной стоимостью. Однако для Германии есть и риски, поскольку развитие новых технологий в сфере услуг не столь активно, а более 1/3 расходов на R&D приходится на одну отрасль экономики – автомобильную промышленность, нестабильность в которой может повлечь более серьезные угрозы для экономики. Также в топ-10 инновационных экономик мира эксперты Bloomberg включили: Сингапур, Швейцарию, Швецию, Израиль, Финляндию, Данию, США, Францию. При этом Новая Зеландия, которая относится к координируемым экономикам, снижает свои позиции в рейтинге третий год подряд.

Следует отметить, что в 2013 году США, страна с самым большим объемом ВВП в мире, занимали первое место в Bloomberg Innovation Index, а 2020 году – только 9 место, несмотря на то, что именно лидирующие компании мирового уровня, создающие и использующие новые прогрессивные цифровые технологии (Amazon.com Inc., Alphabet Inc. и Microsoft Corp. и др.), относятся к этой стране. При этом вторая по величине экономика мира, Китай занимает 15 место в общем рейтинге (за 3 года плюс

---

[114] Jamrisko M., Lu W. Bloomberg Innovation Index. Germany Breaks Korea’s Six-Year Streak as Most Innovative Nation, Bloomberg, 2020, 18 January. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-01-18/germany-breaks-korea-s-six-year-streak-as-most-innovative-nation.

6 позиций), 2 место в рейтинге патентной активности и 5 место в рейтинге эффективности высшего образования. Это является значимым результатом модернизации, поскольку инвестиции в образование создают большой задел в развитие экономики и технологий.

Интересно, что рейтинг инновационных экономик в некотором роде повторяет результаты рейтинга конкурентоспособности стран мира, подготовленного Institute of Management Development – IMD (Швейцария). В 2019 году возглавил рейтинг Сингапур – передовая страна Юго-восточной Азии, создающая передовую технологическую инфраструктуру и имеющая упрощенный порядок открытия инновационного бизнеса и наибольшую долю разработчиков на душу населения, а также ориентированная на развитие высшего образования в дисциплинах STEM (Science, Technology, Engineering, and Mathematics). Также в топ-10 самых конкурентоспособных стран мира также вошли: Гонконг, США, Швейцария, Объединенные Арабские Эмираты, Нидерланды, Ирландия, Дания, Швеция, Катар.

Среди стран со средним уровнем дохода в рейтингах лидируют Китай, Индия и Россия. Для этих стран существует определенная цель модернизации экономики, ведь вырасти из успешно развивающейся страны со средним уровнем дохода и инновационным потенциалом в узловой центр инноваций очень непросто[115]. Как было показано выше, Китай прилагает максимально активные усилия, как и Индия, которая является самой инновационной страной в Центральной и Южной Азии, экспортирует услуги в сфере ИКТ, увелиивает число выпускников вузов, получивших дипломы инженеров и специалистов по естественным наукам.

Россия, страна с богатой историей изобретений и вкладом в мировую экономику, в выше приведенных рейтингах имеет невысокие позиции. В рейтинге UNESCO Россия – в десятке по размеру инвестиций в R&D (это

[115] Всемирная организации интеллектуально собственности. Глобальный инновационный индекс 2019. К здоровому образу жизни: будущее медицинских инноваций. Главные выводы. Cornell, SC Johnson Colledge of Business. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_gii_2019_keyfindings.pdf.

значительная часть всех вложений в инновации), ее вложения эксперты оценивают $40,3 млрд по паритету покупательной способности. Но по соотношению инвестиций к ВВП Россия не входит даже в топ-15 стран – UNESCO оценивает этот уровень в 1,1% от ВВП (среднемировой показатель – 1,7%, а для Северной Америки и Западной Европы это 2,5%) [116].

При этом как страна с развивающейся рыночной экономикой, Россия постоянно осуществляет модернизационные процессы, которые распределены по двум основным стратегиям – инновационная стратегия и имитационная (адаптивная) стратегия[117]. Это вызвано тем, что, с одной стороны, история подтверждает наличие значительного научного и инновационного потенциала, но этот потенциал должен быть перезагружен на новые прогрессивные технологии. С другой стороны, потеря времени на восстановление экономики после распада Советского Союза потребовало более быстрых решений для технологического развития экономики, поэтому импорт оборудования для традиционных отраслей промышленности является более экономически целесообразным, чем осуществление инвестиций в разработку собственного оборудования. Тем не менее, в приоритете именно инновационный путь развития страны, развитие высокотехнологичной промышленности и повышение наукоемкости базовых отраслей промышленности и сферы услуг, увеличение финансирования R&D, поскольку в условиях глобализации постоянное инновационное обновление является, по мнению С.П. Глинкиной, необходимым фактором успешного экономического и социально-политического развития страны, интегрирования ее в новый миропорядок[118]. Однако понимание того, что модернизация, основанная на

---

[116] Белкина А. Как развиваются инновации в России. И где крупнейший бизнес ищет новые технологии. Ведомости, 2019, 09 октября. URL: https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2019/10/09/813027-razvivayutsya-innovatsii.

[117] Степнов И., Ковальчук Ю. Развитие индустриальной системы высокотехнологичного общества на основе модернизации // Проблемы теории и практики управления, 2013, № 4, с. 8-17.

[118] Глинкина С.П. Модернизация в странах российского пояса соседства: структурный и технологический аспекты. М., СПб.: Нестор-История, 2012.

инновационной траектории, требует существенных инвестиций и времени, когда будет получен результат, не делает ее универсальным решением для всех развивающихся стран – поэтому они могут выбрать путь имитации, а также зависимое или догоняющее развитие.

Зависимое экономическое развитие опирается на прямую зависимость страны от иностранных инвестиций, вследствие чего транснациональные компании могут выкупить отдельные заводы и фабрики и установить доминирование на внутреннем рынке страны. Более всего зависимыми в силу исторических причин оказались страны Восточной Европы (кроме Словении), в которых объем накопленных прямых иностранных инвестиций на душу населения составляет в 2 раза больше, чем в среднем в мире, а компании, созданные ТНК, обеспечивают не менее 20% занятости населения – это отмечают в своиз исследованиях С.П. Глинкина и Н.В. Куликова[119]. Догоняющее же развитие также интересно с практической точки зрения – ведь догоняя, бедная развивающаяся страна использует технологии у богатых стран и может специализироваться в определенной отрасли экономики, что обеспечит ей приток товаров и капитала.

Вне зависимости от выбора свободной, зависимой или догоняющей модернизации экономики, учитывая, что изначально развивающиеся страны находятся в неблагоприятном экономическом положении по отношению к развитым странам, велики риски увеличения неравенства как внутри этих стран, так и между самими странами. Сейчас также еще и обостряется «цифровой разрыв» между развитыми и развивающими странами из-за распространения цифровых технологий – в мире существуют страны, где все еще недоступен интернет для большинства населения. Рост благосостояния стран мира в целом имеет место быть – ведь каждая страна стремится к процветанию, но неравенство по-прежнему остается чрезвычайно высоким. В целом, модернизация экономики, проводимая

---

[119] Глинкина С.П., Куликова Н.В. О модели капитализма в Центрально-Восточной Европе // Вестник Института экономики Российской академии наук, 2018, № 3, с. 9-24.

странами, ориентирована на экономический рост, увеличение объемов промышленного производства и услуг, рост личного потребления населения, однако достижение социального равенства не происходит повсеместно. Частично это вызвано тем, что развивающиеся страны максимально полно используют природные ресурсы для своего экономического развития, но не уделяют должного внимания человеческому капиталу. Объективно это объясняется необходимостью инвестирования в систему образования и создания рабочих мест, что должно быть стратегически запланировано и обосновано, поскольку рабочие места связаны с существующей и перспективной структурой промышленности и сферы услуг в стране. Правительства стран также должны взять на себя обязательства по поддержке занятости в период реализации экономических реформ, вязанных с осуществлением модернизационных процессов. Хорошим примером успешной модернизации экономики является Саудовская Аравия, которая использовала свои природные богатства для обеспечения доходов бюджета и перешла за менее чем 20 лет из категории стран с низким уровнем доходов в категорию стран со средним уровнем доходов. Это произошло благодаря инвестированию денег, полученных от реализации природных ресурсов, в инфраструктуру, образование и здравоохранение. Именно эти показатели помогают наращивать человеческий капитал. Важно также и то, что возможность экспорта ресурсов дает толчок развитию взаимообмена различными товарами и интеграционных международных связей.

Однако в ресурсно-экспортной составляющей экономики страны всегда присутствует риск ущерба национальной экономике, выраженный в нарушении условий и баланса между структурой экспорта и промышленным развитием страны, когда приоритет отдан добывающей промышленности по отношению к обрабатывающим отраслям. Еще в 1995 году Дж. Сачсем и Э. Уорнером была доказана отрицательная связь между

богатством природных ресурсов и экономическим благополучием страны[120] – при увеличении производства сырьевых экспортных товаров в общем объеме экспорта страны на 25% ведет к замедлению экономического роста на душу населения в долгосрочной перспективе на 0,5-1% в год, а также уменьшении доли всего экспорта на 6%. Так появился термин ресурсное проклятие («the natural resource curse»), прежде всего, в работах Р. Аута[121], и сейчас продолжаются исследования модернизации экономик Канады, Норвегии, стран Африки, России, выбравших путь сырьевого экспорта и достигнутые положительные и отрицательные результаты для экономического развития стран[122], [123], [124]. Интересна также теория декаплинга Э. вон Вайзсакера[125] о стратегической основе движения к экологически устойчивой экономике, что позволяет, с одной стороны, согласовать темпы роста благосостояния людей, а, с другой, регулировать потребление ресурсов и экологическое влияние индустриального развития, как это отмечается в работах российских авторов З.А. Арсахановой, З.Д. Хаджимурадоова и С. Д. Хаджимурадова[126].

Ставку на экспорт как основу модернизации экономики сделали в свое время Япония, Южная Корея, Тайвань, Китай, реализовав так называемую «азиатскую модель развития». При этом экспортировались товары (а не ресурсы как в модели ресурсного развития, рассмотренной выше), отдан приоритет высокопроизводительной промышленности (по

---

[120] Sachs J.D., Warner A.M. Natural Resource Abundance and Economic Growth. Harvard Institute for International Development, 1995.

[121] Auty R.M. Resource Abundance and Economic Development. Oxford: U Press, 2002.

[122] Godzimirski J.M. Russian Energy in a Changing World: What is the Outlook for the Hydrocarbons Superpower? Routledge, 2016.

[123] Badeeb R.A., Lean H.H., Clark J. The evolution of the natural resource curse thesis: A critical literature survey // Resources Policy, 2017, vol. 51, pp. 123-134

[124] Manzano O., Gutiérrez J.D. The subnational resource curse: Theory and evidence // The Extractive Industries and Society, 2019, vol. 6, no. 2, pp. 261-266

[125] von Weizsäcker E.U. Decoupling: Technological Opportunities and Policy Options: Executive Summary. In: von Weizsäcker E. (eds) Ernst Ulrich von Weizsäcker // SpringerBriefs on Pioneers in Science and Practice, 2014, vol 28. Springer, Cham.

[126] Арсаханова З.А., Хажмурадов З.Д., Хажмурадова С.Д. Декаплинг в экономике - сущность, определение и виды // Общество, экономика и управление, 2019, том 4, №. 4, с.. 13-18.

сравнению с малопроизводительным аграрным сектором экономики), активно осуществлялось инвестирование и были созданы благоприятные условия для бизнеса национальным и иностранным компаниям. Это привело к взрывному росту промышленного сектора, но, к сожалению, не способствовало быстрому переходу в категорию стран с высокими доходами населения. Китай, например, стремительно наращивает использование робототехники в производстве – согласно данным International Federation of Robotics в Китае установлено 97 роботов в расчете на 10 тыс. работающих (отметим, что в странах-лидерах по роботизации в Южной Корее 710 роботов, в Германии 322 и в Японии 308 роботов также на 10 тыс. работающих). При преимуществе в снижении затрат решения о внедрении робототехники будут способствовать снижению занятости, поскольку один робот, как отмечается в статье Д. Акемоглу и П. Рестрепо, заменяет в среднем от 3 до 6 работников[127]. Существуют прогнозы ILO – International Labour Organization о том, что в результате роботизации могут потерять работу до 86% занятых во Вьетнаме и до 88% в Бангладеш, в Индии существенно сократится крупнейший по занятости сектор промышленности — производство текстиля, одежды и обуви, который дает 6% ВВП и 13% экспорта.

В связи с этим очевидно будет возрастать спрос на высококвалифицированную рабочую силу, что всегда является проблемой для развивающихся стран. Также в условиях масштабной мировой конкуренции со стороны китайской промышленности и импорта ее продукции для отдельных стран рассматриваются возможности развития сектора услуг, которые также могут экспортироваться. Самые интересные и актуальные варианты это экспорт IT-услуг, которые востребованы в мире как символы новых цифровых технологий, но опять возникают проблемы в наличии высококвалифицированных разработчиков и программистов и в

[127] Acemoglu D., Restrepo P. The race between machine and man: Implications of technology for growth, factor shares and employment // NBER Working Paper, 2016, no. w22252, pp. 1-16.

невозможности создать большое количество рабочих мест. Также для развивающихся стран характерна высокая рождаемость – поэтому задача обеспечения занятости является чрезвычайно актуальной. Например, только в Индии население в трудоспособном возрасте ежегодно пополняется приблизительно на 1%, и, например, к 2050 году этой стране понадобится создать почти 280 млн. новых рабочих мест[128], что является огромной величиной.

Развитые страны, понимая последствия мирового финансового кризиса 2008 года, начали осуществлять различные программы по восстановлению экономики, основанные на возврате производств из развивающихся стран. Как известно, раньше было экономически выгодно размещать производства в странах с низкими доходами – ведь существенно снижалась себестоимость производства, прежде всего, из-за возможности уменьшения оплаты труда работников. Такая политика способствовала экономическому росту развивающихся стран и постепенно стала уменьшать разрыв между ними и развитыми странами, но это объективно справедливо лишь в отношении рядя развивающихся стран – Китай, страны Восточной Европы.

Таким образом, за последние 10 лет аутсорсинг сменил решоринг, а развивающиеся страны столкнулись с проблемой сокращения рабочих мест в результате вывода международными компаниями своего производства. Но и развитые страны от возврата производства на свою территорию также получили новую порцию проблем. Современное производство должно быть максимально автоматизированным и использовать новые прогрессивные технологии, а робототехника делает производство эффективным – поэтому в развитых странах открываются новые промышленные предприятия и компании сферы услуг, в которых роботы делают большинство трудовых процессов, поэтому велик риск снижения занятости уже в развитых странах.

---

[128] Зотин А. Тупиковая ветвь развития. Как технический прогресс остановил рост экономики в бедных странах // Коммерсантъ, 2018, 17 февраля. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3533278.

Тем не менее, в отношении ведущих стран мировой экономики сейчас можно наблюдать интересную картину в отношении показателей высокотехнологичного экспорта. По данным The World Bank, Китай в 2018 году стал лидером в мире по высокотехнологичному экспорту с объемом в 731 млрд. долларов. Только отдельно Гонконг дает 322 млрд. долларов. На третьем месте Германия, которая имеет высокотехнологичный экспорт в объеме 207 млрд. долларов. США только на четвертом месте с 156 млрд. долларов высокотехнологичного экспорта – мы помним, что в этой стране расположены все самые крупные высокотехнологичные компании мира, использующие уникальные новейшие технологии. Это кажется невероятным, что Китай как развивающаяся страна очень быстро поменял траекторию модернизации экономики с масштабного производства на высокотехнологичную промышленность, но статистика позволяет нам увидеть эффект: в 1992 году высокотехнологичный экспорт составлял 6% ВВП (в США 33%), в 2000 году 18% (в США 34%), в 2005 году 31% (в США 33%), в 2010 году 27% (в США 20%), в 2016 году 25% (в США 20%)[129]. Это доказывает, что несмотря на риски модернизации, страны изначально не имеющие большого технологического потенциала могут добиться впечатляющих успехов и стать сильнее экономически.

Россия как страна с богатой историей, прошедшая путь становления рыночной экономики, с уникальным вкладом в мировую науку и создание технологией и изобретений, также ориентирована на политику модернизации экономики, что позволит стране стать экономически успешной на мировой арене и достигнуть позиции мирового лидера. Последние 15 лет сопровождаются активными государственными программами инновационного и научно-технологического развития и содействия высокотехнологичному производству. Так, например, рассматриваются основные сценарии развития России до 2035 года:

---

[129] World Bank. High-technology exports (% of manufactured exports), 2019. URL: https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.CD?most_recent_value_desc=true.

- мобилизационный сценарий, который ориентирован на достижение научно-технологического лидерства в мире при сохранении традиционной специализации экономики;

- сценарий «собственный центр силы», который ориентирован на достижение научно-технологического лидерства и предполагает построение новой экономики с принципиально новыми прогрессивными технологиями, которые могут создать новые рынки;

- сценарий «точечной специализации», которые предполагает последовательное движение к высоким научно-технологическим позициям в мире на основе импорта лучших зарубежных технологий в рамках реализации программ международного научно-технологического сотрудничества и реализации программ импортозамещения для функционирования принципиально новых отраслей российской экономики.

Данные сценарии позволяют объективно оценить потенциал развития российской экономики и увидеть риски, которые могут сопровождать реализацию стратегии экономического развития на основе новых технологий:

а) опирающийся на форсайт исследования и прогнозы выбор приоритетных технологий, разработка которых будет поддерживаться государством через разнообразные государственные программы, при этом определены так называемые национальные проекты, президентские инициативы по приоритетным направлениям науки, технологий и техники, программы поддержки фундаментальных и поисковых исследований, включая инновационные компании, финансовая поддержка деятельности центров трансфера технологий;

б) перспективы коммерциализации новых продуктов и разработок вследствие неоптимального выбора среди технологий, определенных выше. Минимизировать этот риск возможно на основе вариативной экспертной оценки результативности государственных программ исследований и разработок и проверки получателей научных грантов;

в) «утечка мозгов» из-за академической и трудовой мобильности, вследствие чего изобретения, новые продукты и новые технологии могут стать собственностью иностранных компаний. В России активно поддерживаются талантливые дети и молодые люди, университетская наука, чтобы способствовать популяризации науки и техники среди молодежи и сделать профессию исследователя привлекательной и конкурентоспособной;

г) риск низкой инновационной восприимчивости и необходимость согласования инновационной политики и с другими видами государственных политик (промышленной, агропромышленной, социальной, информационной и т.п.);

д) усиление санкционного давления в отношении России и продолжение запрета на экспорт оборудования и технологий, что, с одной стороны, моет замедлить развитие российской промышленности, но, с другой стороны, уже создало механизм импортозамещения, который стимулирует собственное национальное производство;

е) риски снижения государственного финансирования на реализацию государственных программ научно-технологического развития вследствие необходимости перенаправления средств на решение текущих экономических и социальных проблем;

ж) высокие ставки кредитования для компаний, осуществляющих инновационную деятельность и высокотехнологичное производство и заинтересованных в реализации исследований и разработок для усиления своих конкурентных преимуществ и выхода продукции на зарубежные рынки;

з) риски недостижения высокой производительности труда вследствие незаинтересованности компаний, осуществляющих технологические решения, ведь крупнейшие отрасли российской экономики принадлежат государству (оборонная/космическая промышленность, банковский сектор, транспорт и энергетика) и их эффективность влияет на всю экономику;

и) риски отсутствия перехода прогрессивных технологий из атомной, космической, военной промышленности, которая отличается большой результативностью и инновационностью, в сектор отраслей гражданского производства. Для минимизации этих рисков важно строго разграничить особые технологии, а для технологий двойного назначения сформировать механизм использования для повышения конкурентоспособности разных отраслей российской промышленности.

1.4. Совокупное влияние глобально-ориентированной модернизации национальных хозяйственных систем на деятельность международных и национальных компаний

Глобализация привела не только к открытой торговле между странами и возможностями наращивания экспорта. Глобализация дала возможность наращивать производство и снижать издержки на основе размещения производств в развивающихся странах (рис. 1.1), а самим развивающимся странам это позволило поддержать собственное социально-экономическое развитие за счет повышения занятости и налоговых поступлений и, соответственно, повышение в рейтингах условий ведения бизнеса (табл. 1.1) (например, Doing Business Всемирного банка[130], «Global Competitiveness Report» Всемирного экономического форума[131], «Лучшие страны для ведения бизнеса» Bloomberg[132], «Лучшие страны для бизнеса» Forbes[133]) за счет упрощения получения лицензий и разрешений, снижения административных барьеров.

---

[130] Всемирный банк. DOING BUSINESS. Оценка. Бизнес. Регулирования. URL: https://russian.doingbusiness.org/ru/doingbusiness.

[131] World Economic Forum. Global Competitiveness Report Special Edition 2020: How Countries are Performing on the Road to Recovery. URL: https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2020.

[132] Bloomberg. Where to Do Business in 2019. And Where to Avoid. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-10-31/where-to-do-business-in-2019-and-where-to-avoid.

[133] Forbes. Best Countries for Business. URL: https://www.forbes.com/best-countries-for-business/list/#tab:overall.

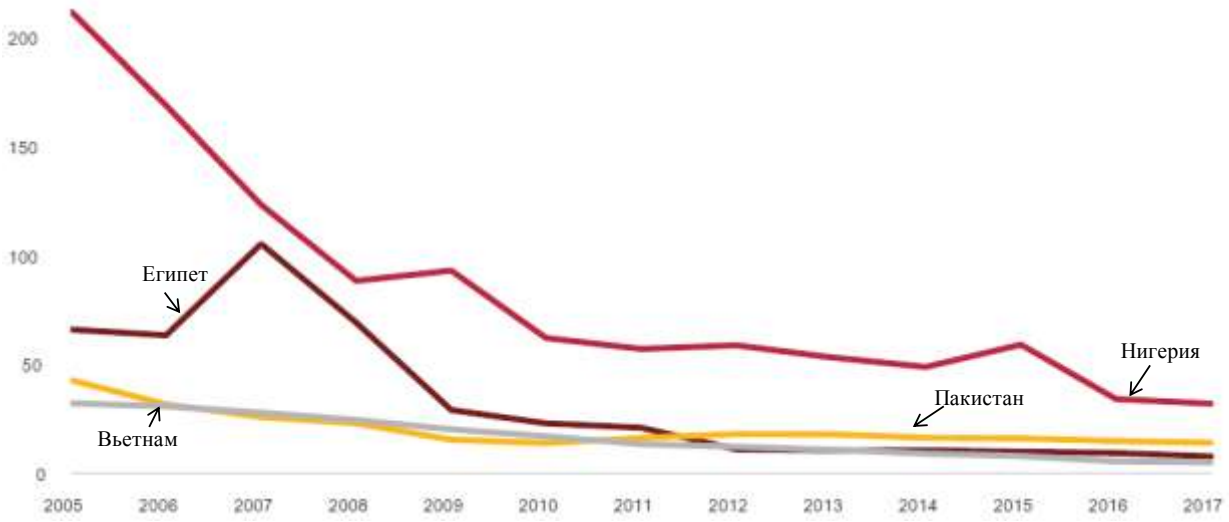

Рис. 1.1. Изменение стоимости открытия бизнеса в развивающихся странах, % от среднего дохода на душу населения.

Источник: PWC. The World in 2050. Full Report. URL: https://www.pwc.com/gx/en/world-2050/assets/pwc-the-world-in-2050-full-report-feb-2017.pdf.

Таблица 1.1. Динамика позиций ряда стран в рейтинге Doing Business Всемирного банка.

Страна	2010г.	2014г.	2018г.	2019г.	2020г.
Новая Зеландия	2	3	1	1	1
Сингапур	1	1	2	2	2
США	4	4	6	8	6
Германия	25	21	20	24	22
Казахстан*	63	50	36	28	25
Россия*	120	92	35	31	28
ЮАР*	34	41	82	86	84
Китай*	89	96	78	46	31
Бразилия*	129	116	125	134	124
Индия*	133	134	100	77	66

* страны с модернизируемой экономикой

Источник: составлено автором на основе данных: Всемирный банк. DOING BUSINESS. Данные. URL: https://russian.doingbusiness.org/ru/data

Большое влияние в формировании и развитии экономических отношений внесли крупные корпорации, осуществлявшие внешнеэкономическую деятельность, и транснациональные корпорации.

Следует отметить, что в совокупности теории модернизации национальных экономик отдельно можно выделить концепцию С. Амина[134], посвященную объяснению влияния транснациональных компаний (ТНК), - она стала результатом критики концепции неэквивалентного обмена А. Эммануэля[135], последователя теории зависимого развития Л. Пребиша. А. Эммануэль ввел специальное понятие «неэквивалентный обмен» для обозначения торговых отношений между развитыми странами и «третьим миром», полагая, что обмен товарами между странами с разным уровнем развития всегда осуществляется в пользу более развитых государств. А. Эммануэль утверждал, что выкачивание ресурсов бедных стран является основой благосостояния Запада. Причем как и Л. Пребиш, не доказал это на статистических данных по торговому дисбалансу между разными странами, а сравнивал различные показатели (условия труда, ставка заработной платы и цена готовой продукции) в странах с разным уровнем развития. Именно разницу между заработной платой в развитых и развивающихся странах А. Эммануэль считал ключевой причиной отсталости «третьего мира». Здесь следует отметить, что именно различия в ставках оплаты труда является основой для обоснования экономических преимуществ переноса производства из развитых стран и в развивающиеся, что послужило основой для развития процессов реиндустриализации экономики.

Согласно А. Эммануэлю, больше всего от неэквивалентного обмена выигрывает именно рабочие развитых стран. Это связано с тем, что он выделяет две формы неэквивалентного обмена – побочную (формируется из-за естественных различий в норме прибыли и капитале) и истинную (порождается расхождением заработных плат)[136]. В развитых странах рабочие объединяются в профсоюзы, которые требует улучшенных условий труда и высоких зарплат. Промышленники формируют суммы для оплаты

[134] Amin S. L'échange inégal et la loi de la valeur. La fin d'un débat., 1973. Pp. 66-67.
[135] Emmanuel A. Unequal Exchange: A Study Of The Imperialism Of Trade. New York, Monthly Review Press, 1972. 422 p.
[136] Нуреев Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. – М.: Норма, 2008.

труда из того излишка, который они имеют от неэквивалентного обмена с развивающимися странами. В итоге А. Эммануэль приходит к выводу, что вывоз капитала и ресурсов из отсталых стран становится основой благополучия и развития для развитых стран. Только системные преобразования могут помочь странам «третьего мира» выйти из отсталости и преодолеть негативные тенденции зависимого положения. Подтверждением этого вывода стали примеры таких стран, как США, Австралия и Канада, в которых исторически рабочий класс добился ставки заработной платы, схожей с европейскими странами. Это позволило им обрести подлинную экономическую независимость, чего не скажешь о странах Латинской Америки и Африки, где труд по-прежнему дешев.

В целом, последовательность выводов, которые следует сделать из представленной концепции, - для успешного экономического развития страны необходимо обеспечить рост заработной платы, превышающий рост прожиточного минимума; это приведет к росту благосостояния населения, увеличению производительности труда и накоплению капитала; далее страна, вставшая на подобный путь развития, сама начинает использовать неэквивалентный обмен и еще больше обогащается за счет слаборазвитых «соседей». Но помимо указанных факторов различия заработной платы следует также учитывать и уровень квалификации рабочей силы, фондовооруженность труда и т.п., а также превышение темпа роста ставок заработной платы над темпами роста прожиточного минимума.

С. Амин в качестве объяснения причин, вызывающих отсталость ряда государств, апеллировал к критике неэквивалентного обмена, который, по его мнению, не может быть серьезным препятствием к развитию, так как его легко нейтрализовать посредством диверсификации и налогообложения. Он считал, что развитые страны контролируют развивающиеся не через выкачивание ресурсов при недобросовестном обмене, а с помощью мирового рынка капитала. В то время как А. Эммануэль считал, что доступ к капиталу в мире одинаков, а разнятся только ставки заработной платы,

Амин выявил именно технологическую зависимость между странами Запада и «третьим миром».

Так, разделение стран на отсталые сельскохозяйственные и развитые индустриальные потеряло свое значение. Теперь развитые страны выделяются именно своими наукоемкими технологиями, которых попросту нет у других стран. Стандартное же промышленное производство все чаще переносится в развивающиеся страны с дешевым трудом посредством механизмов ТНК (С. Амин называет этот процесс «периферийным способом производства»). Именно ТНК, по мнению С. Амина, стоят за разрывом в уровне заработных плат, ибо так им выгоднее всего производить свою продукцию. Развивающиеся страны попадают в технологическую зависимость, встраиваясь в цепочку стоимости крупных корпораций.

С. Амин также отрицал идею А. Эммануэля об эксплуатации рабочих «третьего мира» рабочими развитых стран. По его мнению, больше всего в этой ситуации выигрывают именно капиталисты, владельцы ТНК. Сложившуюся систему вещей он считает логичным продолжением империализма и колониализма – раньше несовершенство технологий требовало прямого контроля метрополии над колонией, теперь же необходимость в этом отпала.

Свои дополнения к теории С. Амина внесли Ш.А. Мишале[137] и Ф. Аджале[138]. Первый показал, что индустриализация не может принести пользу развивающейся стране, так как проводится в интересах ТНК. Второй опроверг тезис А. Эммануэля об однородности труда во всем мире. В развитых странах велико значение образования и квалификации, в то время как трудовые ресурсы стран «третьего мира» заняты простым и неспециализированным трудом[139].

---

[137] Michalet C.-A. Le capitalisme mondiale. Paris: PUF, 1976. 84 p.
[138] Ajdalot P. Dinamique opatiale et development inegal. Paris: Economica, 1976. 352 p.
[139] Нуреев Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М.: Норма, 2008.

Важными мерами, которые С. Амин рассматривал как противодействие неэквивалентному обмену, стали:

- противодействие эксплуатации развивающихся стран со стороны ТНК за счет интеграции развивающихся стран в регионе с целью вытеснения зарубежного капитала;

- диверсификация внутреннего производства (производственной деформации развивающихся стран), т.е. структурные сдвиги в экономике страны для обеспечения снижения зависимости от внешнего мира и повышения самообеспеченности);

- налогообложение экспорта с целью формирования специального фонда для реализации программ развития.

Если оценить такие меры противодействия неэквивалентному обмену на примере Нигерии как одной из развивающихся стран, реализующей программы модернизации экономики и имеющей перспективы существенного повышения темпов экономического роста, то следует отметить, что:

- страна имеет самую большую численность населения среди африканских стран, входит в Африканский союз, включающий 55 стран континента, благодаря своему стратегическому географическому положению рассматривается как узловой центр Африки;

- в рейтинге DOING BUSINESS Всемирного банка страна, имея 131-ую позицию, по показателям параметра «Международная торговля» занимает первые места[140], что обеспечено минимальным временем на пограничный и таможенный контроль и оформление документов, а также стоимостью данных процедур;

- страна с преобладанием сектора сельского хозяйства, обладающая также запасами нефти, поэтому в современных условиях здесь востребована диверсификация экономики. Потенциальные преимущества Нигерии для

[140] Всемирный банк. Нигерия. Благоприятность условий ведения бизнеса. URL: https://russian.doingbusiness.org/ru/data/exploreeconomies/nigeria#DB_tab.

будущего роста включают большой потребительский рынок, а также молодое и предприимчивое население. Диверсификация экономики может быть основана на развитии сектора переработки сельскохозяйственной продукции и связанных с этим услугами, включая логистику и поставки, что обеспечит продовольственную безопасность страны, повышение занятости и косвенно будет способствовать активизации импортозамещения;

- диверсификация экономики будет способствовать наполнению бюджета, поскольку сейчас доля налогов в ВВП Нигерии составляет примерно 8%, что является вторым по величине в Африке и четвертым по величине в мире[141] (если не учитывать доходы от нефти и газа налоговые поступления оцениваются всего в 3% ВВП, что дает значительный потенциал для увеличения доходов). Увеличение налоговых доходов, помимо решения социально-экономических задач, также будут способствовать сокращению государственного долга и укреплению финансовой системы страны за счет сгнижения процентных ставок по кредитованию бизнеса и населения.

Проникновение ТНК в развивающиеся страны имеет определенные оценочные параметры:

- в крупные арабские государства и страны Азии, которые экспортируют нефть и другие полезные ископаемые (Бахрейн, Катар, Ливия, Ирак, Объединенные Арабские Эмираты) ТНК производственного сектора не интересуют – здесь более привлекателен бизнес, связанный с финансовыми услугами (при этом уровень жизни населения выше среднего, есть возможности использования сбережений);

- ТНК имеют значительный потенциал и возможности реализации инвестиционных проектов в странах, которые обладают значительными запасами природных богатств, огромными территориями, большим количеством населения (Индия, Индонезия, Пакистан). При этом уровень

[141] PWC. Nigeria: Looking beyond Oil report. URL: https://www.pwc.com/ng/en/publications/nigeria-looking-beyond-oil-report.html.

жизни населения невысокий, зачастую большинство живут за чертой бедности, уровень ВВП составляет не более 500 долларов США на душу населения;

- бедные страны (страны Африки и Азии, например, Бангладеш, Бенин, Сомали, Эфиопия, Афганистан) нечасто рассматриваются ТНК как объекты инвестирования (несмотря даже на дешевизну рабочей силы и запрещенное, но фактически реализуемое использование детского труда) вследствие экономической отсталости стран и максимальной сосредоточенности на аграрном секторе. Следует отметить, что глобализация кардинально не изменила проблему, связанную с использованием детского труда. Так, почти ежегодно против мировых промышленных гигантов (производителей продуктов питания[142], гаджетов и одежды) подают иски за предполагаемое использование труда несовершеннолетних и соучастие в торговле людьми[143].

Однозначно оценить деятельность ТНК не представляется корректным, поскольку, с одной стороны, как коммерческие компании они ориентированы на извлечение дополнительной нормы прибыли за счет экономии издержек (в части затрат на оплату труда). С другой стороны, ТНК внедряют новые технологии на своих производственных площадках, обеспечивая занятость, но и изменяя ее вследствие внедрения капиталоемких технологий. Кроме того, ТНК становятся базовой площадкой для последующей миграции наиболее квалифицированных специалистов в страну с более высоким уровнем жизни.

ТНК, помимо поиска наиболее выгодного предложения на рынках труда, также должны ориентироваться на будущие перспективы стран, где

---

[142] Perez M.G. Mars, Nestle Among Companies Named in Cocoa Labor Abuse Suit. Bloomberg, 12.02.2021. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-02-12/mars-nestle-among-companies-named-in-cocoa-labor-abuse-suit.

[143] Nestle и Mars обвинили в использовании труда африканских детей. Какие компании получали похожие иски. Moscow Daily News, 13.02.2021. URL: https://www.mn.ru/articles/nestle-i-mars-obvinili-v-ispolzovanii-truda-afrikanskih-detej-kakie-kompanii-poluchali-pohozhie-iski.

они предполагают свое присутствие и ведение бизнеса. Эти перспективы чаще всего связаны с развивающимися экономиками (рис. 1.2), которые растут быстрыми темпами и далее могут извлекать глобальные преимущества из повышения своей глобальной конкурентоспособности.

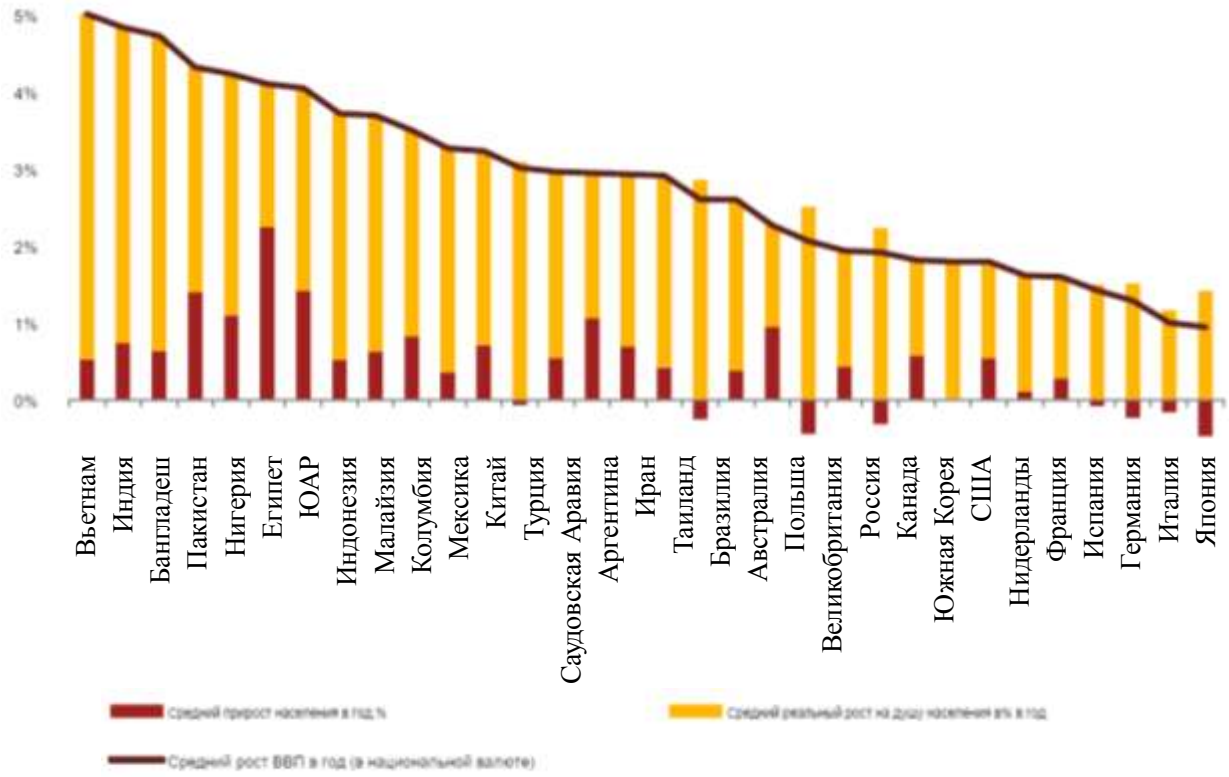

Рис. 1.2. Средний ежегодный прирост по отдельным макроэкономическим показателям стран (прогноз до 2050 г.), %.

Источник: адаптировано автором на основе данных: PWC. The World in 2050 – Summary report. The Long View: How will the global economic order change by 2050. URL: https://www.pwc.com/gx/en/research-insights/economy/the-world-in-2050.html.

По прогнозам PWC к 2050 г., т.е. за 30 ближайших лет, страны с развивающейся экономикой, такие как Индонезия, Бразилия и Мексика, вероятно, будут больше, чем Великобритания и Франция, в то время как Пакистан и Египет могут обогнать Италию и Канаду – этому будет способствовать развитие глобальных цепочек поставок. Так, лидировать по среднегодовым темпам экономического роста в мире будут Вьетнам, Индия и Бангладеш – около 5% в год. Безусловно, рост экономики связан и с ростом населения и с ростом ВВП на душу населения (рис. 1.3). Так, Нигерия имеет потенциал стать самой быстрорастущей крупной

африканской экономикой и войти в двадцатку экономик мира – это возможно при преимущественном переходе от сырьевой экономики к диверсификации и формировании содействующей развитию институциональной среды. Рост во многих странах с развивающейся экономикой будет поддерживаться относительно быстрорастущим населением, повышающим внутренний спрос и размер рабочей силы. Однако это необходимо дополнить инвестициями в образование и улучшением макроэкономических основ[144], чтобы обеспечить наличие достаточных рабочих мест для растущего числа молодых людей в этих странах. Роль ТНК в это процессе имеет место быть.

Рис. 1.3. ВВП на душу населения в текущих ценах по типам стран, включая прогноз МВФ, долларов США.

Источник: составлено автором на основе данных: IMF. GDP per capita, current prices (Purchasing power parity; international dollars per capita). URL: https://www.imf.org/external/datamapper/PPPPC@WEO/OEMDC/ADVEC.

ТНК необходимо применять гибкие, динамичные и выверенные во времени среднесрочные стратегии, чтобы ориентироваться на быстро

[144] Симонова М.Д. Анализ развития информационной базы экономической глобализации на современном этапе // Вестник МГИМО Университета, 2011, № 2(17), с. 182-187.

развивающихся рынках, что создаст для них новые возможности для развития международного бизнеса и повышение капитализации на волне роста развивающихся экономик. Очевидно, что рост экономики сопровождается диверсификацией структуры экономики, формированием новых секторов, которые при достаточных инвестициях как со стороны национальных компаний, так и со стороны иностранных инвесторов ориентированы на экспортные проекты. Даже рост населения в развивающихся странах, несмотря на возможные риски снижения уровня доходов, тем не менее, создает преимущества более долговременного использования в качестве рабочей силы. В рамках модернизации экономики, развивающиеся страны неизбежно будут реализовывать программы развития институтов с целью гарантий социальной стабильности и укрепления экономики, что создает им инвестиционную привлекательность.

Национальные и региональные рынки в развивающихся странах для ТНК являются ареной реализации гибких операционных стратегий, которые должны позволять им приспосабливаться к неустойчивости экономики, неопределенности тенденций, нередко возникающим геополитическим волнениям, а также к особенностям культуры, религии и поведения, которые определяют потребительские предпочтения, в то время как спрос, как правило, ограничен финансово располагаемыми доходами в большей массе, но при этом есть 2-5% доля населения с высокими доходами – в этом проявляется высокая степень вариации, нехарактерной для потребителей из развитых стран. Также необходимо предусматривать как цифровые, так и нецифровые каналы продаж, поскольку в зависимости от уровня проникновения интернета и цифровой грамотности некоторые каналы для покупателей в развивающихся странах могут быть недоступны. При этом, внедряя новые технологии в маркетинге и продажах, ТНК таким образом будут способствовать повышению эффективности проникновения

цифровых технологий в обществе при соответствующей инфраструктурной поддержке со стороны правительств этих стран.

В целом же непринятие ТНК быстроразвивающихся экономик в качестве рынков с высокими перспективами роста и одновременно с высоким уровнем неустойчивости и неопределенности вероятно означает потерю части будущих прибылей с учетом мнения экспертов по прогнозируемому экономическому росту быстро растущих экономик мира с перспективами лидерства в будущем.

ГЛАВА 2. ГЛОБАЛЬНЫЕ ШОКИ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ МОДЕРНИЗИРУЕМЫХ ЭКОНОМИК

2.1. Шоки в контексте сущности и представлений о развитии макроэкономических систем под влиянием глобальных процессов

Одной из самых существенных проблем, которые возникают в результате глобализации, является повышенный риск для национальных экономик от потрясений, которые они практически не контролируют. Глобализация означает, что экономики становятся все более взаимосвязанными и взаимозависимыми, и хотя это создает долгосрочные выгоды с точки зрения торговли, роста и рабочих мест, это также создает для экономики риски и проблемы.

Один из рисков заключается в том, что шок, возникший в одной части мира, в одной отрасли или на одном рынке, может быстро распространиться по стране, региону или всей мировой экономике, оставив после себя потрясения, в том числе экономические. По своей природе шоки часто бывают неожиданными[145], но следует оценить возможности действий системы государственного стратегического управления, которая поможет уменьшить их воздействие.

Прежде всего, следует отметить, что понятие шока не является для экономических исследований принципиально новаторским. В экономических исследованиях шоки изначально рассматриваются как импульсы бизнес циклов (подходы к которым были обозначены в п. 1.1 диссертации) или как потрясения, т.е. изменения фундаментальных макроэкономических переменных или взаимосвязей, которое оказывает существенное влияние на макроэкономические результаты. Т.е. глобальные шоки характерны для макроэкономических систем.

---

[145] Львова Н.А., Семенович Н.С. Феномен кризиса в представлениях экономической науки: ожидаемая закономерность или непредсказуемый шок? // Финансы и кредит, 2015, № 21(645), с. 27-36.

Глобальный шок носит характер единичного события (потрясения), которое порождает нестабильность. По поводу его продолжительности нельзя судить однозначно, т.к. долгосрочные тенденции не считаются шоками, и у экономической системы есть время и ресурсы для адаптации (исходя из общего свойства систем по А. Богданову и в соответствии с теорией катастроф Л. Эйлера, которая может быть применена к социальным системам, которые, благодаря своей сложности, имеют множество шансов столкнуться с кризисами и потрясениями в процессе развития[146]).

Охват влияния глобального шока может содержать как несколько стран, так и мир в целом – для шока характерна крупномасштабность, шок как потрясение должно затрагивать всю экономику или близко к ней. Отдельные отрасли промышленности или географические районы могут испытывать локальные или региональные экономические потрясения, но чем более локальным является событие, тем менее вероятно, что оно соответствует этому определению.

Еще в 1933 г. в своей классической статье «Проблемы распространения колебаний в динамической экономике» нобелевский лауреат 1969 г. по экономике Р. Фриш, рассматривая цикл деловой активности, предложил метод моделирования взлетов и падений экономики и ввел в лексикон термины «макроэкономика», относящийся к изучению экономики в целом, и «микроэкономика», когда речь идет об изучении отдельных потребителей, компаний и рынков[147]. Он предположил, что маятниковые движения в экономике являются результатом периодических «импульсов» или внешних потрясений, воздействующих на нее, таких как технологические инновации[148]. Фактически эти периодические потрясения

---

[146] Локтионов М.В. А.А. Богданов как основоположник общей теории систем // Философия науки и техники, 2016, том 21, № 2, с. 80-96.

[147] Блауг М. Фриш Рагнар. 100 великих экономистов после Кейнса = Great Economists since Keynes: An introduction to the lives & works of one hundred great economists of the past. СПб.: Экономикус, 2009. 384 с. – с. 322-324.

[148] Ragnar Frisch. The Nobel Prize in Economic Sciences 1969. URL: https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/1969/frisch/facts/.

стали прообразом шоков, которые проходят через всю экономику с помощью механизмов распространения, которые он описал как законы движения, свойственные экономике. Р. Фриш смог смоделировать эти процессы с помощью своей модели, позволяющей генерировать реалистичные циклы. Он назвал ее моделью «лошадка-качалка», потому что движение, вызванное первоначальным импульсом, в конечном счете, прекращается точно так же, как движущаяся лошадь-качалка в конце концов перестает качаться. Примечательно, что вместо сбора и анализа данных Р. Фриш предлагал экономистам моделировать то, каким образом экономика генерирует такие циклы.

Внешние для экономики шоки, которые изменяют поведение потребителей и производителей, приводя к таким потрясениям как изменение цен, уровней производства и занятости, которые со временем происходили в рамках всей экономической системы, оценены в работах Дж. Хикса. В 1939 г. была опубликована его работа «Стоимость и капитал»[149], в которой он продемонстрировал, что вся экономика, от поведения потребителей и производителей до теории капитала и макроэкономического анализа, может быть объединена в рамках общего равновесия. Подход Дж. Хикса на основе общего равновесия изменил способ, при помощи которого экономисты изучали динамические процессы, такие как цикл деловой активности, внеся в него необходимость изучения и анализа последствий внешних для экономики шоков.

Как известно, в неоклассической экономической теории универсальны принципы П. Самуэльсона[150], нобелевского лауреата по экономике 1970 г.: 1) принцип равновесия – экономические силы, такие как спрос и предложение, должны быть сбалансированы, что является результатом решения частных задач оптимизации, т.е. максимизации прибыли или полезности или минимизации затрат; 2) пока в системе не происходит

[149] Хикс Дж.Р. Стоимость и капитал. М.: «Прогресс», Фирма «Универс», 1993. 497 с.
[150] Самуэльсон П., Нордхаус В. Экономика. М.: Вильямс, 2014. 1360 с.

никаких других изменений, такие равновесия должны быть стабильными (или постоянными). Таким образом, стабильные равновесия позволяют использовать сравнительную статику: сопоставление одной ситуации равновесия с другой, чтобы оценить, как со временем изменения политики или шок, воздействовавший на систему, повлияли на экономические результаты. Фактически из этого положения сформировались модели оценки производных финансовых инструментов (модель определения цены опционов Блэка-Шоулза[151], разработанная Ф. Блэком, Р. Мертоном и М. Шоулзом как признание опциона в качестве реакции на волатильность рынка) – ведь практика показала, что их растущее использование усугубило последствия шоков для финансовых рынков, которые в свою очередь способствовали возникновению мирового финансового кризиса 2008-2009 гг., который стал сам глобальным шоком достаточно продолжительного действия и влияния на экономики большинства стран мира.

Ранее обозначенное нами в главе 1 диссертации влияние технологического фактора на цикличность экономического развития подтверждается и положениями новой классической макроэкономики, которая на протяжении последних 60 лет находится в поиске объяснения циклов деловой активности. Известно, что традиционные теории представляли эти циклы как последствия колебаний совокупного спроса (так называемый шок спроса) в сочетании с негибкими заработными платами и ценами. Однако здесь возникало противоречие в том, что существует адаптивность рынков, которое и приводит к новому равновесию. Например, Р. Лукас[152] выделял денежные потрясения причиной смены деловых циклов, при этом основным направлением приложения инвестиций он видел человеческий капитал. Соответственно в 1982 г. Ф. Кюдланд и Э. Прескотт высказали предположение, что к

[151] Black F., Scholes M. The Pricing of Options and Corporate Liabilities // Journal of Political Economy, 1973, vol. 81, no. 3, pp. 637-654. DOI: 10.1086/260062.

[152] Lucas R. Why Doesn’t Capital Flow from Rich to Poor Countries? // The American Economic Review, 1990, vol. 80, no. 2, Papers and Proceedings of the Hundred and Second Annual Meeting of the American Economic Association, pp. 92-96.

возникновению циклов приводят технологические шоки, вызванные новыми изобретениями и другими инновациями, влияющими на производительность[153]. Их позиция строилась на том, что, поскольку с течением времени скорость технического прогресса меняется, это динамика также вызывает и краткосрочные колебания. Поэтому циклы деловой активности можно рассматривать как эффективную реакцию на шоки, вызываемые «реальными» силами, отсюда и термин «реальные циклы деловой активности». Поскольку эти циклы являются эффективным ответом на такие шоки, в проведении антициклической политики, направленной на компенсацию их последствий, нет никакой необходимости.

Следует также отметить, в так называемом Новом Кейнсианском подходе[154] технологические шоки расцениваются как значимый фактор и могут играть весьма важную роль в формировании динамического поведения ключевых макроэкономических переменных. Так, повышение производительности снижает предельные издержки каждой фирмы и тем самым обеспечивает оптимальность ценообразования. Кроме того, технологические шоки ассоциируются с TFP-шоками (от англ. total-factor productivity (TFP) – совокупная факторная производительность), которая является экзогенной по отношению к финансовым условиям. Понимание поведения TFP является центральным как для макроэкономики, так и для теории экономического роста[155]. Технологические шоки, непосредственно влияющие на совокупный TFP, фактически в соответствии с подходом Ф. Кюдланд и Э. Прескотта, являются основным источником краткосрочных колебаний в экономике, в то время как и в долгосрочной перспективе модель роста Р. Солоу предсказывает, что экономический рост напрямую связан с технологическим прогрессом, который фиксируется как улучшение

---

[153] Kydland F. , Prescott E. Time to Build and Aggregate Fluctuations // Econometrica, 1982, vol. 50, no. 6, pp. 1345-1370.

[154] Ireland P.N. Technology shocks in the new keynesian model // The Review of Economics and Statistics, 2004, vol. 86, no. 4, pp. 923-936/

[155] Estevão M., Severo T. Financial Shocks and TFP Growth. Introduction // IMF Working Paper, 2010, WP10/23, pp. 3-5.

совокупного TFP. Сосредоточив внимание на более экстремальных колебаниях, Э. Прескотт и Т. Кехо[156] обобщили многочисленные исследования и пришли к выводу, что эволюция совокупного TFP является ключевым механизмом, лежащим в основе международных эпизодов экономической депрессии.

Эмпирически доказано, что экономика некоторых стран растет гораздо быстрее, чем других, и это со временем приводит к огромным различиям в их национальных доходах. Но модель экономического роста Р. Солоу[157] и Т. Свана[158], которая доминировала в теории роста с 1950-х гг., предсказывала обратное. В ней предполагалось, что уменьшение отдачи от технологий замедлит темпы роста в богатых странах по сравнению с темпами роста в бедных. Причиной этого несоответствия между теорией и фактами является предположение Р. Солоу, что технология определяется экзогенными шоками или силами, существующими вне системы. Но, как отметил американский экономист П. Ромер в статье «Возрастающая отдача и долгосрочный рост»[159], технический прогресс в значительной степени обусловлен эндогенными силами, которые действуют в самой экономике. Следовательно, именно они, наиболее вероятно, являются причинами шоков в экономике.

Современная экономическая теория находится русле поиска некоторого баланса между свободным рыночным регулированием и государственным управлением, причем исходя из продолжительного влияния последствий самого глобального шока последнего времени – финансового кризиса 2008-2009 гг., развитие происходит в пользу совершенствования и повышения антикризисности денежно-кредитной

---

[156] Kehoe T.J., Prescott E.C. Using the general equilibrium growth model to study great depressions: a reply to Temin // Staff Report 418, Federal Reserve Bank of Minneapolis, 2008.
[157] Solow R.M. Technical Change and the Aggregate Production Function // Review of Economics and Statistics, 1957, vol. 39, no. 3, pp. 312-320.
[158] Swan T.W. Economic Growth and Capital Accumulation // Economic Record, 1956, no. 32, November, pp. 334-361.
[159] Romer P.M. Increasing Returns and Long-Run Growth // The Journal of Political Economy, 1986, November, pp. 1002-1037.

политики государств. При этом классические рыночные несоответствия между спросом и предложением не рассматриваются как ключевые. Так, если обратиться к истории, а именно нефтяному кризису 1973-1974 гг., следует выделить явное переплетение двух этих видов шока. В то период арабские страны надеялись, что «нефтяное оружие» станет для них важным рычагом в мирных переговорах, но последствия введенного эмбарго проявили себя незамедлительно: цены на нефть взлетели в 4 раза. В США, которые в те годы сильно зависели от иностранной нефти, шок ощущался во всей экономике: потребители платили более высокие цены за бензин, а производители столкнулись с резким ростом затрат. Правительство ввело контроль над ценами, но это привело лишь к дефициту горючего и нормированию его выдачи. Рост цен на нефть вызвал резкий рост инфляции. Такое сочетание негативных событий привело к стагфляции – одновременному существованию высокой инфляции и высокой безработицы. Этот период был особенно болезненным для безработных и работников, чья заработная плата не поспевала за инфляцией. Эта стагфляция была несовместима с кривой Филлипса и, ожидаемо, не имела отношения к кейнсианской налогово-бюджетной политике. Любой стимул, предлагавшийся властями в этих условиях, который предназначался для увеличения спроса и сокращения безработицы, лишь усиливал инфляцию, которая и без этого уже была очень высокой, в то время как меры по замедлению инфляции, такие как повышение налогов, увеличивали безработицу. Столкнувшись с доказательством того, что кейнсианская налоговая политика и политика затрат оказались неэффективными, страны начали обращаться к мерам денежно-кредитной политики, а экономисты, чтобы объяснить макроэкономические показатели, исследовали альтернативные теории, особенно модели рациональных ожиданий.

Таким образом, пользуясь терминологией парадигмы Фриша-Слуцкого[160], мы можем считать шок в экономике импульсом, который является неотъемлемой компонентой цикличности в экономике, но который может иметь разную природу происхождения, продолжительность и степень влияния на экономические процессы, включая рост или падение темпов экономического роста конкретной страны, региона и/или мира в целом. Причем следует подчеркнуть, что глобальный шок может стать как причиной ухудшения макроэкономических показателей, так и стать реальной возможностью для улучшения экономических позиций, включая переход на следующий деловой цикл, что подтверждает ключевое положение теории цикличности о том, что деловые циклы представляют собой эффективную реакцию рынков на шоки, которые повлияли на экономику (в то время как кейнсианская теория этого не признает[161]).

Таким образом, глобальные шоки по своей природе можно считать внешними шоками, как правило, вызывающими кризис, по мнению А.А. Аузана, отличающийся от других видов экономических кризисов[162], с разными последствиями для экономики и общества, включая характер их проявления.

В целом, относительно глобальных шоков и их сущности можно сделать следующие выводы, представляющие их отличительные признаки:

- в экономике шок представляется как изменение фундаментальных макроэкономических переменных или взаимосвязей, которое оказывает существенное влияние на макроэкономические результаты и показатели экономической деятельности, такие как безработица, потребление и инфляция;

---

[160] Slutzky E. The Summation of Random Causes as the Source of Cyclic Processes // Econometrica, 1937, vol. 5, no. 2, pp. 105-146.

[161] Jacobson A. Real Business Cycle Theory. URL: https://www.ajjacobson.us/capital-stock/real-business-cycle-theory.html.

[162] Лекция декана ЭФ МГУ, профессора А.А. Аузана «Экономика во время пандемии и после нее». URL: https://www.econ.msu.ru/COVID-19/Auzan/.

- шоки являются импульсами разного типа деловых циклов, представленных в разных экономических теориях и моделях;

- глобальные экономические шоки, как правило, представляют собой непредсказуемые события, которые оказывают широкое воздействие на экономику и вызваны вещами, выходящими за рамки экономических моделей;

- шоки имеют источники происхождения как экономической природы, так и неэкономической;

- макроэкономические шоки носят вероятностный характер[163];

- экономические шоки можно классифицировать по факторам (снижение инвестиционного спроса, производительности труда) и последствиям влияния (спрос, предложение) или по сектору экономики, из которого они происходят;

- глобальные шоки современности вызываются не только фундаментальными факторами (спрос, предложение), но и конкретно изменениями вследствие технологических революций и/или инноваций, вызывающих колебания совокупной производительности труда;

- шоки имеют свойство распространения, что и объясняет их глобальный характер;

- шоки могут оказывать как негативное, так и положительное макроэкономическое влияние на экономический рост;

- экономические шоки могут возникать как из рыночных механизмов, так и из сложной среды проводимой государством (государствами) политики, включая собственно экономическую внутреннюю, так и внешнюю политику.

[163] Бланшар О.Ж. Макроэкономика. М.: Изд. дом «Высшая школа экономики, 2015. 671 с.

2.2. Типология глобальных шоков с учетом неоднородности их возникновения и проявления

Исходя из представленных положений в п. 2.1, систематизируем виды глобальных шоков, что позволит сформировать их классификацию (табл. 2.1).

В целом глобальные шоки имеют разные источники их происхождения и, основываясь на цели настоящего исследования, мы выделим по типу источника происхождения отдельно глобальные шоки экономического происхождения и глобальные шоки неэкономического происхождения, определив для каждого типа глобального шока типы причин источника их происхождения.

Безусловно, одной из главных причин глобальных шоков экономического происхождения следует считать финансовые кризисы как потрясения, которые начинаются на финансовых рынках, такие как внезапное изменение обменного курса или крах крупного кредитного банка. Безусловно, самым ярким глобальным шоком экономического происхождения современной экономической истории следует признать кризис 2008-2009 гг., последствия которого ощущаются даже в настоящее время. Основной вывод, который следует сделать из ситуации нестабильности на финансовых рынках – это последствия, которые становятся причинами возникновения параллельных шоков в экономических системах. Эти шоки связаны с сокращением ликвидности, увеличением стоимости привлечения капитала, сокращением объемов финансового рынка. Последствия проявления этих шоков, как правила, разнонаправлены для стран с разным уровнем развития – развитые страны последовательно проходят кризисы, благодаря более устойчивому состояния своих экономических систем, развивающиеся же страны именно из-за отсутствия устойчивости вынуждены тратить большее количество времени и ресурсов для приведения системы в состояние балансирования.

Таблица 2.1. Типология глобальных шоков.

Признак классификации	Виды глобальных шоков
по источнику возникновения	- шоки экономического происхождения - шоки неэкономического происхождения
по типу причины источника шока экономического происхождения	- финансовый кризис - кризис предложения на определенном типе рынка - инфляционный кризис (редко) - торговые войны и торговые эмбарго
по типу причины источника шока неэкономического происхождения	- природные явления, стихийные бедствия и катаклизмы, экологические катастрофы - политические процессы - террористические акты - войны и боевые действия - действия известной личности или группы лиц - эпидемии
по типу фундаментальных факторов, оказывающих влияние на возникновение шока	- шок предложения - шок спроса - двойной шок (шок спроса и шок предложения одновременно) - технологический шок - энергетический шок - шок перераспределения
по продолжительности действия шока	- временные шоки - постоянные (длительные) шоки
по степени влияния шока на регионы и отрасли экономики	- ассиметричные шоки - симметричные шоки
по типу воздействия на экономику	- шок денежно-кредитной и фискальной политики - инфляционный/дефляционный шок - торговый шок - шок сокращения потребительских расходов (как разновидность шока спроса) - шок падения инвестиций (как разновидность шока спроса) - шок сокращения рабочей силы (как разновидность шока предложения) - шока сбоев в производственно-сбытовых цепочках компаний (как разновидность шока предложения и/или шока спроса) - шок сокращения ликвидности
по типу влияния на структурные сдвиги в экономике	- шок, повлекший структурное обновление в экономике страны - шок, не способствовавший структурному обновлению в экономике страны

Источник: составлено автором.

Общепризнанными факторами воздействия на формирование шока в экономике можно считать влияние спроса или влияние предложения, которые в свою очередь могут быть классифицированы по их

происхождению в пределах или влиянию на конкретный сектор экономики. Поскольку рынки и отрасли взаимосвязаны в экономике, крупные потрясения спроса и предложения в любом секторе экономики могут иметь далеко идущие макроэкономические последствия.

Причиной возникновения глобального шока экономического происхождения следует рассматривать кризисы со стороны предложения на определенного типа рынках, которые могут быть связаны с издержками, такими как внезапный рост цен на сырьевые товары, или связаны с изменениями в физическом предложении, такими как забастовки рабочих или неурожаи. Шок предложения – это событие (изменение или потрясение), которое делает производство во всей экономике более трудным, более дорогостоящим или невозможным, по крайней мере, для некоторых отраслей. Существует позиция, что шок предложения представляется достаточно уникальным явлением[164], и, судя по историческим данным, самым корректно соответствующим понятию шока предложения следует считать нефтяное эмбарго 1973 г. и его последствия.

В конечном счете, данные причины неизбежно взаимосвязаны с причинами возникновения глобальных шоков неэкономического происхождения в силу системного влияния процессов, происходящих в экономике и определенной зависимости от политической ситуации или действия природных явлений. Это также может привести к возникновению другого типа шоков (они определенным нами в классификацию глобальных шоков по типу отрицательного воздействия на экономику) – шока сбоев в производственно-сбытовых цепочках компаний вследствие снижения доступности ресурсов, т.е. кризиса со стороны рыночного предложения.

Соответственно, помимо сложной ситуации в отношении рыночного предложения причиной возникновения глобального шока экономического происхождения также следует выделить и внезапные изменения со стороны

---

[164] Мау В.А. На государство возлагаются главные надежды // Коммерсант, №61/П, 06.04.2020. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4314982/

рыночного спроса, которые оказывают влияние на совокупный спрос (в экономической теории AD) – это падение потребительского доверия, приводящее к падению расходов домашних хозяйств, т.е. потребительских расходов, или внезапное падение цен на жилье, создающее отрицательный эффект богатства. Шоки спроса происходят тогда, когда происходит внезапный и значительный сдвиг в структуре частных расходов, либо в форме потребительских расходов от потребителей, либо в форме инвестиционных расходов от предприятий. Устойчивость влияния данного фактора (снижения рыночного проса) создает эффект продолжительности и разрастания глобального шока в силу последовательного разрушения производственно-сбытовых цепочек компаний из-за сокращения спроса со стороны компаний и экспортеров[165].

Современная ситуация, связанная с пандемией 2020 года, показала не просто наличие разных шоков – шока спроса и шока предложения, а их взаимопроникновения, что нетипично для шоков. Однако такой двойной шок (здесь корректно использование данной категории, предложенной В.А. Мау[166]) показывает существенность влияния кардинальных преобразований, происходящих под действием основного источника кризиса (в данном случае это источник неэкономического происхождения – пандемия вируса), а также необходимость использования нетипичного инструментария противодействия кризису, т.к. оно требует противоположных мер экономической политики. Следует отметить, что решение этой задачи не найдено в силу исключительности ситуации и также необходимости принятия мер неэкономического характера (этими мерами является разработка вакцин и их внедрение в оборот). Кроме того, при констатации факта двойного шока однозначно нельзя выделить какой из двух шоков доминирует или будет доминировать при реагировании экономики на

[165] Симонова М.Д. Риски развития глобальных цепочек создания добавленной стоимости: анализ отраслевого аспекта // Управление риском, 2017, № 3(83), с. 28-35.

[166] Мау В.А. Двойной шок: экономический кризис из-за пандемии может пойти не по тому сценарию, к которому готовятся страны. URL: https://www.forbes.ru/biznes/399381-dvoynoy-shok-ekonomicheskiy-krizis-iz-za-pandemii-mozhet-poyti-ne-po-tomu-scenariyu-k.

антикризисные программы (отметим, что, например, в период 2008-2009 гг. преобладал именно шок предложения). Самым объективным объяснением этого является реализация некоторыми правительствами стран мер по поддержке граждан из государственного бюджета (так называемые «вертолетные деньги» в трактовке М. Фридмана[167]), что способно поддержать потребительский спрос (и эффективность этих мер была подтверждена мерами экономической политики в период Великой депрессии 1930-х гг.), но также может стать и дополнительным стимулом для доминирования шока спроса, если продолжать реализовывать традиционное денежное стимулирование экономики – это будет путь к существенному росту инфляции. При этом шок предложения в этот период выразился более всего в нарушении цепочек поставок и предоставления услуг, в большинстве именно международных. И в этом также следует искать причины шока спроса в связи с приостановкой или закрытием производства, когда множество людей или лишились работы или привычного уровня доходов.

Как было показано выше, колебания реальных деловых циклов в соответствующей теории Real Business Cycle (RBC) объяснялись нобелевскими лауреатами по экономике Ф. Кюдланд и Э. Прескоттом[168] как результат технологических шоков[169]. По нашему мнению, следует отдельно рассматривать такие виды шоков (хотя они, как правило, воспринимаются как шоки предложения), поскольку они способны быть движущими силами роста в экономике и нести в большей мере позитивные последствия для экономического развития (хотя мы не отрицаем, безусловно, и негативный эффект научно-технического прогресса, особенно для развивающихся стран в силу ограниченности доступа к технологическим ресурсам). Степень и величина технологических изменений коррелируют со степенью и

[167] Friedman M. The Optimum Quantity of Money. Routledge, 2017. 308 p.
[168] Kydland F. , Prescott E. Time to Build and Aggregate Fluctuations // Econometrica, 1982, vol. 50, no. 6, pp. 1345-1370.
[169] Любушин Н.П., Бабичева Н.Э., Лылов А.И., Гуртовая И.Н. Генезис закона циклического развития // Финансы и кредит, 2016, №48, с. 28-45.

величиной испытываемого стимулирующего шока[170]. Если мы обратимся к работам нобелевского лауреата 1971 г. С. Кузнеца[171] (рассматривал циклы продолжительность 15-25 лет), то следует учитывать выделение им технологических, инфраструктурных циклов, в рамках которых происходит массовое обновление основных технологий. Исторические данные показывают, что технологические потрясения составляли более половины совокупных таких колебаний в экономике США в период после Второй мировой войны[172]. Взаимодействие этих стимулирующих шоковых технологий с другими существующими технологиями и рыночными системами создает новые динамические рыночные реакции, порождая иногда противоречивые взаимодействия[173], что и отражается в разных последствиях – и негативных и положительных. В целом же, данные изменения объяснялись технологическими шоками, вызванными глобальными социально-экономическими и культурными системами на протяжении всей истории.

В то же время в связи с активизацией экологической повестки в мире, Ф. Кюдланд уже в 2014 г., т.е. после своей признанной научной сообществом трактовки причин деловых циклов в форме технологических шоков, выделяет энергетические шоки как результат вмешательства государства через изменения в денежно-кредитной политике (для регулирования инфляционных процессов)[174]. Это исследование, основанное на анализе статистики США в период после Второй мировой войны, позволило установить определенную взаимосвязь между монетарной и фискальной политикой и их влиянием на эффекты энергетических шоков,

---

[170] Hoeser S. Technology shocks are felt around the world. URL: https://thespacereview.com/article/3083/1.

[171] Kuznets S. Economic Growth of Nations: Total Output and Production Structure. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1971. 363 p.

[172] Prescott E. Theory ahead of business cycle measurement // Federal Reserve Bank of Minneapolis Quarterly Review, 1986, no. 10, pp. 9-22.

[173] Forrester J.W. Counter Intuitive Behavior of Social Systems, Technology. Alumni Association of the Massachusetts Institute of Technology, January, 1971. 126 p.

[174] Gavin W.T., Keen B.D., Kydland F.E. Monetary policy, the tax code, and the real effects of energy shocks // Review of Economic Dynamics, 2015, vol. 18, iss. 3, July, pp. 1-26.

которые представлены как шоки поставок всех форм энергии (исторически самые большие шоки в энергоснабжении США были связаны с поставками сырой нефти, как отмечается в исследовании). Реальные последствия энергетического шока усиливаются, когда правительства реагируют на этот шок изменением своей инфляционной цели. Так, влияние монетарной политики определено следующим образом: до 1980 г. Федеральная резервная система (ФРС) США отреагировала на шоки цен на нефть, допустив рост инфляции. Это привело к повышению налогов на прирост капитала физических лиц, поскольку эти налоги не индексируются с учетом инфляции. Увеличение налогов создает отрицательный эффект богатства[175] и порождает немедленное снижение объемов производства, инвестиций и отработанного рабочего времени. Поэтому продолжительный период более высокой инфляции и более низкого роста производительности труда после негативного энергетического шока согласуется со стагфляцией 1970-х гг. Но после 1980 г. негативные последствия значительно ослабли, поскольку дезинфляционная политика не позволила ФРС приспособить негативные энергетические шоки к более высокой инфляции.

Пандемия 2020 г., привела в действие тип глобального шока – шок перераспределения (от англ. – reallocation shock) как явление, при котором в одних секторах появляются новые рабочие места, в то время, как в других их количество сокращается. Проблема кроется в том, что новые места создаются медленнее, нежели сокращаются старые. Исследователи Института экономики Беккера Университета Калифорнии (США)[176] отмечают этот шок перераспределения как достаточно серьезное потрясение для всех секторов экономики, поскольку на каждые 10 вызванных коронавирусом потерь рабочих мест было создано только 3. При этом они утверждают, что все рабочие места, которые исторически были созданы

[175] Измайлов А.А. Финн Кидланд и его вклад в теорию рациональных ожиданий // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал, 2017, том 9, выпуск 1, с. 139-157.

[176] Barrero J.M., Bloom N., Davis S.J. COVID-19 Is Also a Reallocation Shock // BFI Working Paper, 2020, no. 2020-59, pp. 1-4.

после окончания Великой рецессии, фактически прекратили свое существование. Последствия такого перераспределения оцениваются крайне негативно, т.к. многие вызванные пандемией сдвиги в потребительском спросе и деловой практике сохранятся, а пособия по безработице, превышающие потерянный заработок, политика поощрения компаний к удержанию людей на заработной плате и другие регулирующие факторы, по их мнению, будут препятствовать перераспределению ответов на шок COVID-19.

В качестве источников шоков неэкономического происхождения, помимо эпидемий, как показано выше, могут быть природные явления, стихийные бедствия и катаклизмы (ураганы, наводнения или крупные землетрясения, извержения вулкана), экологические катастрофы, террористические акты, войны и боевые действия, действия известной личности или группы лиц. Политические процессы, связанные с изменением политического строя в стране, изменением экономической политики, также являются причиной возникновения шоков (сначала локальных, но с возможной перспективой регионального и глобального шока в зависимости от значимости происходящих процессов их влияния на региональную и мировую экономике) – потрясения выражаются чаще всего в росте инфляции для развивающихся стран (в виде галопирующей инфляции и/или далее гиперинфляции), в снижении (или существенном повышении) процентных ставок, слишком быстром увеличении денежной массы (что является также причиной ускорения инфляции). Таким образом, возникает инфляционный шок – однако, здесь следует заметить, что все же инфляционный шок нельзя однозначно отнести к глобальным шокам в силу того, что, как показывает история, чаще всего гиперинфляция становится характерна для конкретной страны. Примеры гиперинфляции можно привести, начиная от Древнего Рима и средневековых империй, США (1812-1814), России и Австрии (1921-1922), Китая (1939-1950), Вьетнама

(1981-1988), Мексика (2004) и др. [177]. В целом, политические шоки – это изменения в политике правительства, которые имеют глубокий экономический эффект. Экономические последствия политического шока могут даже стать целью действий правительства. Это может быть как ожидаемый побочный эффект, так и совершенно непреднамеренное следствие.

Так, безусловно, по продолжительности действия следует выделить временные и постоянные шоки. Временные шоки сродни потрясениям, и причиной их возникновения вступают, например, террористический акт или разовое изменение цен на сырьевые товары, такие как рост цен на пшеницу (вследствие неурожая в конкретной стране или в стране-лидере по экспорту пшеницы), которые быстро возвращаются к "нормальному" долгосрочному тренду. Постоянные (длительные) шоки вызваны существенными по продолжительности и амплитуде потрясениями, такими как, например, нефтяной шок. Определенно, финансовый кризис 2008-2009 гг. является таким источником постоянного шока, т.к. только в течение 2008 года цена барреля нефти откатилась от своего рекордного максимума $143,95 (04 июля 2008 г.)[178] более чем на 60% и в уже феврале 2009 г. достигла цены в $33. Данное падение стало результатом снижения мирового спроса на нефть, особенно из Китая, так как глобальная рецессия начала распространяться. Кроме того, такие процессы стали отражением процессов, происходивших в автомобильной промышленности, способствуя переходу к электрическим двигателям и использования более углеродно-нейтрального подхода к дизайну автомобилей.

По степени влияния на отрасли экономики следует выделить: асимметричные шоки (они затрагивают один регион или одну отрасль более серьезно, чем другую – в качестве примера можно привести обвал

[177] Пенькова Д. Гиперинфляция: понятие, риски и последствия. О разрушительном воздействии на экономику. URL: https://journal.open-broker.ru/economy/giperinflyaciya-ponyatie-riski-i-posledstviya/.

[178] От максимума до обвала: динамика цен на нефть с 2000 года. ТАСС, 08.12.2015. URL: https://tass.ru/ekonomika/2509009

аргентинского песо в 1990-е гг., который затронул Испанию больше, чем остальную Европу) и симметричные шоки (это потрясения, которые затрагивают довольно большое число регионов или отраслей промышленности одновременно и на одном уровне влияния).

Также, по нашему мнению, следует обратить внимание на последствия, которые несут глобальные шоки для структуры экономики. Для этого следует учитывать наличие или отсутствие структурных обновлений национальных экономик в частности и мировой экономики в целом. Так, по оценкам экспертов, несмотря на достаточно серьезные последствия мирового финансового кризиса 2008-2009 г. и в целом на то, что он имел изначально структурный характер[179], данный кризис не привел к структурному обновлению экономик, прежде всего, ведущих стран мира. Это связано с тем, что правительства развитых стран предпринимали активные действия антикризисной направленности для недопущения катастрофических, разрушительных последствия для своих национальных экономик и также противодействия разбалансировки социально-политических процессов. Абсолютное большинство задействованных в этом инструментов сводились к бюджетной и денежно-кредитной политике с реализацией принципа too big to fail[180] (англ. – «слишком большой, чтобы обанкротиться»), предложенного известным американским сторонником теории монетарного кейнсианства Х. Мински[181], который подчеркивал наличие финансовой нестабильности в экономике как главный дестабилизирующий фактор. Следовательно, кризис 2008-2009 гг., несмотря на свою масштабность и экономическое происхождение, тем не менее не сумел привести к структурному обновлению экономики. Наоборот, же

---

[179] Мау В.А. Двойной шок: экономический кризис из-за пандемии может пойти не по тому сценарию, к которому готовятся страны. URL: https://www.forbes.ru/biznes/399381-dvoynoy-shok-ekonomicheskiy-krizis-iz-za-pandemii-mozhet-poyti-ne-po-tomu-scenariyu-k.

[180] Sorkin A.R. Too Big to Fail: The Inside Story of How Wall Street and Washington Fought to Save the Financial System and Themselves. Penguin Books, 2010. 640 p.

[181] Мински Х. Стабилизируя нестабильную экономику. М., СПб: Изд-во Института Гайдара, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2017. 624 с.

глобальный шок, вызванный пандемией 2020 г., т.е. неэкономических фактором, существенно переориентировал экономики стран на более ускоренное внедрение и распространение цифровых технологий (прежде всего, рост сектора электронной торговли, распространение удаленной работы и перевод обучения в школах и университетах на дистанционное образование).

В качестве резюме по предложенной типологии глобальных шоков следует отметить, что в современных трактовках преобладают глобальные шоки по типу воздействия на экономику как определенные финансовые шоки. В данной работе мы объективно не рассматриваем их достаточно подробно в силу большого фактографического материала и достаточной изученности вопросов и аспектов, связанных с мировыми финансовыми кризисами последнего столетия. Отметим, что традиционные неоклассические теории делового цикла предполагают прямую связь между финансовыми шоками и экономической активностью. Согласно этим теориям, увеличение расходов на финансирование должно подавлять инвестиции и потребление, снижая совокупный спрос. Кроме того, негативные последствия для инвестиций снижают накопление капитала, снижая способность экономики производить продукцию в будущем. Следовательно, и спрос и предложение должны сокращаться после таких глобальных финансовых потрясений. Решению вопросов поиска инструментария недопущения существенного падения в экономике и инструментария антикризисного регулирования (в большей мере, инструментами денежно-кредитной политики) посвящены как работы ученых экономистов, так и практическая деятельность в государственном управлении.

2.3. Измерение влияния рисков экономических и неэкономических шоков на экономику и корпорации в развивающихся странах

Экономисты склонны рассматривать влияние шоков экономического (преимущественно) и неэкономического происхождения в виде происходящих структурных сдвигов в экономике. И это способствует обратной связи – структурные сдвиги могут расцениваться как негативные, когда происходит усиление подверженности экономики последствиям нарастающей глобальной неопределенности и флуктуаций, которые становятся источниками зарождающихся кризисов не только на финансовом рынке (как это происходит последние 13 лет), но и на товарных рынках (способствующие возникновению шоков спроса и шоков предложения), и в более актуальной – технологической сфере, когда проникновение и использование новых технологий является основой для дальнейшего развития экономик и общества в целом. В свою очередь, технологическая зависимость или, наоборот, технологические лидерство становится причиной негативных явлений, способных стать источником шоков перераспределения и шоков спроса при снижении занятости и изменения механизма распределения доходов. На сегодняшний момент экономисты-исследователи[182],[183],[184],[185] отмечают пробелы в вопросах моделирования и оценки влияния внешних шоков на структурные изменения в экономике и их последующей трансляции в кризисные явления макроэкономической динамики. Также наблюдается противоречивое действие различных мер государственной экономической политики, реализуемых несистемно и

---

[182] Гасанов М.А., Жаворонок А.В., Климович (Черемнова) М.А. Инновационный потенциал структурной конвергенции российской экономики // Вестник университета, 2019, № 4, с. 23-29.

[183] Гасанов М.А. Структурные сдвиги и формирование технологического базиса инновационной экономики. Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2011. 167 с.

[184] Таран Е.А. Формирование конвергентной типологии структурных сдвигов в экономике // Экономические науки, 2019, № 7, с. 17-24.

[185] Слесаренко Е.В., Таран Е.А., Жиронкин С.А. К теоретической концепции экономической политики структурного сдвига // Путеводитель предпринимателя, 2019, № 41, с. 199-210.

зачастую снижающих устойчивость основных структурных пропорций к негативным сдвигам.

Обращение к структурным сдвигам в экономике как последствиям действия глобальных шоков обосновано использованием системного подхода, как было показано в п. 1.1 диссертации. Соответственно, структура любой системы обеспечивает взаимодействие элементов системы, а также возможности ее взаимодействия с другими системами, включая системы более высшего порядка. Изменения в элементах структуры порождают изменения (флуктуации), которые и нарушают структуру системы, - таким образом, применяя эти положения к социально-экономическим системам, мы констатируем структурные сдвиги в экономике. Исследователи полагают, что флуктуации следует выделять быстрые (это макроэкономическая динамика и оценивающие ее макроэкономическое индикаторы) и медленные (к ним чаще всего относят институциональную среду и технологии производства), которые считаются необратимыми[186].

Далее для продолжения исследования уточним структуризацию объекта исследования данной диссертации – следует отметить, что развивающиеся страны составляют около 4/5 всех стран мира (в 2021 году количество стран, которые попадают в категорию «развивающиеся», достигло 132[187]), в них находится более 77% жителей планеты[188]. Общеизвестно, что сегодня существует несколько методик разделения стран:

1) в соответствии с методикой комитета ООН по политике в области развития[189] страны подразделяются на три группы: развитые страны (developed economies), страны с переходной экономикой (economies in

---

[186] Таран Е.А. Формирование конвергентной типологии структурных сдвигов в экономике // Экономические науки, 2019, № 7, с. 17-24.

[187] Список развивающихся стран мира. URL: https://visasam.ru/emigration/vybor/razvivayushchiesya-strany.html.

[188] Развивающиеся страны. URL: https://megabook.ru/article/Развивающиеся+страны.

[189] World Economic Situation and Prospects — 2013. Statistical Annex. Development Policy and Analysis Division of the United Nations. URL: https://www.un.org/en/development/desa/policy/wesp/wesp_current/2013country_class.pdf.

transition) и развивающиеся страны (developing countries), в зависимости от базовых экономических показателей страны;

2) в соответствии с классификацией Международного валютного фонда[190],[191] страны подразделяются на две группы по критерию дохода на душу населения, диверсификации экспорта и степени интеграции в мировую финансовую систему: передовые страны (advanced economies) и развивающиеся страны (emerging market and developing economies);

3) в соответствии с классификацией Всемирного банка[192] страны подразделяются на четыре группы по критерию валового национального дохода в расчете на душу населения страны в долларах США: страны с низким доходом, с доходом ниже среднего, с доходом выше среднего, с высоким доходом. Соответственно, развивающиеся страны (developing) – это страны с низким и средним уровнем дохода (low and middle income). Согласно последнему уточнению[193], пороговые значения ВНД на душу населения в 2020 году являются: низкий доход: менее $ 1,036; доход ниже среднего: от $ 1,036 до $4,045; доход выше среднего: от $ 4 046 до $12 535; высокий доход: более $ 12,535.

Следовательно, модернизируемые экономики представляются странами с развивающейся экономикой, при этом данные страны реализуют программы стратегического (долгосрочного) развития с признаками модернизации экономики, в целях реализации механизмов антикризисного регулирования и противодействия шокам экономического и неэкономического происхождения.

---

[190] How does the WEO categorize advanced versus emerging market and developing economies? URL: https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/faq.htm#q4b.

[191] World Economic and Financial Surveys. Database – WEO Groups and Aggregates Information. URL: https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/01/weodata/groups.htm.

[192] Should we still group countries by income? URL: https://www.weforum.org/agenda/2016/01/should-we-still-group-countries-by-income.

[193] The World Bank's 2020 country classifications explained. URL: https://www.weforum.org/agenda/2020/08/world-bank-2020-classifications-low-high-income-countries/.

Для корректности выделения рисков и угроз экономического и неэкономического происхождения как факторов влияния на экономику стран, реализующих программы модернизации, следует отметить динамику глобальных рисков, которая предлагается в ежегодных отчетах Всемирного экономического форума. Сами глобальные риски определены экпертами как неопределенное события (условие, фактор, источник), которое в случае своей реализации может вызвать существенное негативное воздействие на ряд стран в течение следующих 10 лет. С целью систематизации источников влияния этих неопределенных, но ожидаемых с определенной вероятностью событий определены 5 групп глобальных рисков: экономические, экологические, геополитические, социальные и технологические.

Так (табл. 2.2), на протяжении последних 5 лет произошел переход от приоритета по вероятности наступления от геополитических и экономических проблем к доминированию экологических проблем[194]. При этом, если взять период с 2008 г. – на протяжении 10 лет преобладали экономические риски (что в целом объясняется сначала мировым финансовым кризисом, а затем его последствиями для экономики практически всех стран мира). Постепенно с 2015 года геополитические риски стали более весомыми в силу нарастания межгосударственных конфликтов и торговых войн вследствие усиления технологической конкуренции между ведущими странами, а также снижения эффективности межгосударственной экономической интеграции. В 2020 г. эксперты назвали экологические риски (а именно, изменение климата) как наиболее вероятные и существенные глобальные риски для мировой экономики, что требует изменения вектора публичного управления с учетом не только социально-экономических проблем, но и обеспечения защиты среды обитания от последствий деятельности человека, включая развитие производства и технологий.

---

[194] World Economic Forum. The Global Risks Report 2020. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risk_Report_2020.pdf

Таблица 2.2. Динамика изменения экспертной оценки вероятности глобальных рисков с 2015 по 2020 г. в The Global Risks Report 2020.

Год отчета	Наиболее вероятный риск	Более вероятный риск	Вероятный риск	Менее вероятный риск	Маловероятный риск	Приоритет группы риска	Большинство рисков
2020	Дефицит водных ресурсов	Климатичес-кие сбои	Стихийное бедствие	Потеря биоразнообразия	Антропогенные экологические факторы	Экологические	Экологические
2019	Экстремальные погодные условия	Климатичес-кие сбои	Стихийное бедствие	Кибератаки	Мошенничество, кража данных	Экологические	Экологические
2018	Экстремальные погодные условия	Стихийное бедствие	Кибератаки	Мошенничество, кража данных	Климатические сбои	Экологические	Экологические
2017	Экстремальные погодные условия	Вынужден-ная миграция	Стихийное бедствие	Терроризм	Мошенничество, кража данных	Экологические	-
2016	Вынужденная миграция	Экстремаль ные погодные условия	Климатичес кие сбои	Межгосударствен ный конфликт	Стихийное бедствие	Социальные	Экологические
2015	Межгосударст-венный конфликт	Экстремаль-ные погодные условия	Сбои в государст-венном управлении	Государственный коллапс или кризис	Безработица	Геополити-ческие	Геополити-ческие

Источник: составлено автором на основе данных: World Economic Forum. The Global Risks Report 2020. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risk_Report_2020.pdf

Принимая усредненную оценку угроз и рисков, которые характерны для мировой экономики (табл. 2.1), и учитывая, что страны функционируют в глобальной экономике и одни и те же возникающие шоки по-разному влияют на них вследствие устойчивости их экономических систем и имеющейся динамики экономического развития, далее, раскрывая данный тезис, проведем оценку рисков и факторов влияния экономических и неэкономических шоков на развивающиеся страны, учитывая разные классификации (ООН, Международный валютный фонд, Всемирный банк) и направленность этих стран на реализации программ модернизации экономики.

2.3.1. Риски глобальной нестабильности

Современная глобализация, в широком смысле чаще всего оценивается с позиции расширения деятельности транснациональных корпораций, тем не менее, все более анализируется как масштабный процесс нового социального взаимодействия[195], который сопровождается в экономике структурными сдвигами, изменением геополитических условий от сближения до торговых войн, распространением новых технологий с многократным превышением скорости в отличие от инноваций начала 2000-х гг., создавая возможности для партнерства в производстве и эффективной коммерциализации на международных рынках. Глобализация содействует культурному взаимодействию и взаимному уважению, а также расширяет возможности знаниевого обогащения за счет реализации программ студенческих обменов, научной и студенческой мобильности, что создает отличную базу для развития человеческого капитала многих стран.

Развитие глобализационных процессов делает более доступными рынки различных видов сырьевых ресурсов, создавая возможности совершать сделки купли-продажи в мировых масштабах. В инвестиционном аспекте – страны получают возможность привлекать инвестиции, в том числе иностранные инвестиции, для финансирования собственных проектов развития, внедрения прогрессивных технологий, совершенствования инфраструктуры.

В целом, глобализацию следует объективно оценивать с позиции теории глобальной ойкумены, предложенной У. Ганнерсом[196], которая рассматривает развитие общества через механизм глобализации, связывающий центр и периферию. Под ойкуменой У. Ганнерс понимает определенную область, в которой происходит культурный обмен и традиции центра распространяются и на периферию. Он считал, что очень в

---

[195] Sassen S. Globalization and its Discontents. New York: The New Press, 1998.

[196] Hannerz U. Transnational Connections: Culture, People, Places // AMERICAN ANTHROPOLOGIST, 2001, vol. 103, no. 2, pp. 531-535.

редких исключениях культура периферии проникает в центр и отмечал существование множества центров в различных сферах: наука – США и Япония, мода – Франция и Италия, религия – Ватикан и Саудовская Аравия. По его мнению, в условиях глобализации культурный обмен все больше смещается в сторону развитых стран центра. Развивающиеся государства перенимают их экономические модели и стандарты поведения.

У. Ганнерс предполагает четыре возможных сценария развития ойкумены[197], которые и включают возможные риски развития в условиях глобализации (определенные теоретически):

1) «глобальная гомогенизация» как полная победа западной культуры в мире, что означает развитие только по западному образцу и унификацию социальных, культурных и экономических процессов во всем мире;

2) «насыщение» предполагает, что усвоение западной культуры будет постепенным и долговременным: западные ценности будут усваиваться новыми поколениями в странах периферии вплоть до стадии насыщения, когда их собственная культура и традиции не исчезнут;

3) сценарий «периферийной коррупции» описывает ситуацию, в которой западные ценности будут «извращаться» периферией. Она будет воплощаться в массовом потреблении низкосортных товаров и формировании «лже-культуры». Постепенно через механизм обратной связи «извращенная» культура вернется на Запад и приведет к упадку его традиционных ценностей. В политике эти процессы будут выражаться в фактическом превращении государства в авторитарное при видимом сохранении демократических принципов. В экономике же это означает развитие массовой производства и насаждение единых стандартов потребления через рекламу;

4) сценарий «созревание» формирует идеальную ситуацию взаимного «обогащения» культур. Центр перенимает некоторые традиции у периферии, и наоборот. При этом центр выступает гарантом сохранения

[197] Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996. 416 с.

национальной идентичности периферии, а та выбирает для себя только то из глобальной культуры, что хорошо согласуется с ее образом жизни. В конечном итоге этот обмен приведет к формированию общемировой культуры, соединяющей в себе ценности всех народов.

Исходя из анализа теории У. Ганнерса, можно сделать вывод о приоритетах развития в условиях глобализации в виде соприкосновения культур и их объединения, а не в виде насаждения единой модели поведения. Следует отметить, что далее эта теория нашла поддержку у другого крупного теоретика модернизации – Ш. Эйзенштадта[198].

У глобализации существует множество противников, прежде всего, включая критику с позиции влияния развития производства на экологию, но с позиции экономических процессов – это формирование несбалансированности структуры экономики, что приводит к дисбалансам в занятости населения и потенциальном сокращении секторов экономики, нерентабельных для текущих экономических условий. Улучшение социально-экономического развития страны постепенно влечет и переформирование структуры экономики (в его традиционной структуре из сектора сельского хозяйства, промышленности и сектора услуг), в результате чего увеличивается доля сектора услуг, что изменяет уже структуру вклада в формирование ВВП страны. Промышленность как сектор экономики, включающий добычу полезных ископаемых, производство, строительство, энергетику, более ориентирован на производство товаров с высокой добавленной стоимостью, поэтому его доля предпочтительна для доминирования во вкладе в ВВП страны. В 2018 г. доля промышленности в мировом ВВП составила 25% и по сравнению с 2010 г. снизилась на 2%; занятость в секторе мировой промышленности составила в мире 22,95%[199], также снизившись за 4 года на 0,3%. При этом

[198] Eisenstadt S.N. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966.
[199] Какой вклад вносит промышленность в экономику отдельных стран мира. 24.09.2019. URL: https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/kakoi-vklad-vnosit-promyshlennost-v-ekonomiku-otdel-nykh-stran-mira:

вклад промышленности в ВВП развивающихся стран превышает долю промышленности в ВВП развитых стран. В целом доля промышленности в общем объеме мирового ВВП наиболее высока в странах Ближнего Востока, Восточной Азии и Африки к югу от Сахары.

Отдельные оценки свидетельствуют, что если на 2000 г. распределение населения стран ОБСЕ и производимой ими доли мирового ВВП было 20% / 77 %, то к 2030 г. это соотношение прогнозируется на уровне 20% / 50%, и далее – 20% / 42% к 2050 г.[200]. Данный прогноз основан на объективной оценке примерно равнозначных параметров роста производительности труда в странах Азии, Латинской Америки, Африки[201], а также в увеличении возможностей их участия в глобальных цепочках создания стоимости.

Одновременно с глобализацией также происходят процессы так называемой «глокализации» (в трактовке Р. Робертсона[202]), когда глобальные и локальные тенденции дополняют друг друга, формируя баланс между задачами, решаемыми в глобальном аспекте в большом объединении стран, с опорой на принципы децентрализации. На этой основе функционирует Европейский союз, который фактически объединяет экономики разных по социально-экономическому уровню стран, включая как страны с сильной экономикой, так и страны с экономикой переходного периода.

Глобализация имеет определенно влияние на развитие «новых промышленных стран» Юго-Восточной Азии (так называемых азиатских тигров), а также бывших социалистических государств. Существенные сдвиги в социально-экономическом развитии были обусловлены

---

[200] Orlik T., Van Roye B. An Economist’s Guide to the World in 2050. Bloomberg. URL: https://www.bloomberg.com/graphics/2020-global-economic-forecast-2050/.

[201] Таран Е.А. Конвергентные структурные сдвиги в экономике. Дисс. канд.экон. наук, 08.00.01. Томск: Национальный исследовательский Томский политехнический университет, 2020. 189 с.

[202] Robertson R., Knondker H. Discourses of globalization: Preliminary considerations. International sociology, 1999, Vol. 13, no. 1, pp. 25-40.

реструктуризацией в экономике и появления новых отраслей-локомотивов экономического роста.

На сегодняшний момент мир переживает глобальный шок, причиной которого стала пандемия (по оценкам Всемирного банка, снижение ВВП на душу населения за первую половину 2020 г. затронуло более 90% стран, в то время как в период Великой Депрессии 1933 г. – около 85% стран[203]) и последствия которого слишком разнообразны, начиная от экономики и заканчивая социально-этическими проблемами, однако большинство экспертов сходится во мнении, что более активно будут восстанавливаться именно развивающиеся страны (рис. 2.1), которые благодаря политике модернизации имеют больший потенциал для выхода из кризиса и достижения лучших макроэкономических показателей (табл. 2.3).

Рис. 2.1. Темп роста ВВП, включая прогноз МВФ %.

Источник: составлено автором на основе данных: IMF/ Real GDP growth (Annual percent change). URL: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/OEMDC/ADVEC.

[203] The World Bank Group. Global Economic Prospects. June, 2020. DOI: 10.1596/978-1-4648-1553-9.

Таблица 2.3. Прогнозы роста ВВП в 2020-2021 гг., %.

Страны	Консенсус-прогноз Bloomberg		Прогноз Международного валютного фонда	
	2020	2021	2020	2021
Развитые страны				
США	-3.5	3.9	-4,3	3,1
Европейский Союз	-7.4	4.6	-8,3	5,2
Германия	-5.6	4.0	-6,0	4,2
Франция	-9.2	6.1	-9,8	6,0
Италия	-9.0	5.4	-10,6	5,2
Испания	-11.6	6.2	-12,8	7,2
Великобритания	-11.3	5.4	-9,8	5,9
Япония	-5.3	2.7	-5,3	2,3
Развивающиеся страны				
Китай	2.1	8.2	1,9	8,2
Россия	-3.8	3.0	-4,1	2,8
Индия	-8.5	9.2	-10,3	8,8
Бразилия	-4.6	3.5	-5,8	2,8
Мексика	-9.0	3.5	-9,0	3,5
Южная Корея	-1.1	3.2	-1,9	2,9
ЮАР	-8.0	3.8	-8,0	3
Турция	-0.5	4.1	-5,0	5,0

Источник: адаптировано автором на основе данных:
ФИНАМ. Мировая экономика начнет поправляться в 2022 году. URL: https://www.finam.ru/international/imdaily/mirovaya-ekonomika-nachnet-popravlyatsya-v-2022-godu-20210128-184438/.

В целом, для развивающихся рынков глобализация является ключевым фактором их развития. Доступ к прогрессивным технологиям обеспечит повышение производительности и продуктивности производства, создавая преимущества для входа на потребительские рынки, включая и конкурентное преимущества в издержках по сравнению с аналогами. Однако сохранение конкурентных преимуществ будет требовать более взвешенного инновационного подхода, подкрепленного инвестиционной составляющей, а также соответствующего маркетингового обеспечения при поддержке современных цифровых технологий для соответствия текущим и будущим потребностям потребителей целевых рынков.

2.3.2. Риски приоритета национальных интересов

Как было показано в п. 1.2, развитие стран может быть обосновано не следованием западной модели, а признанием возможности модернизации при сохранении национальных традиций и, соответственно, интересов (это, прежде всего, обосновано в теории национальных моделей развития К. Гирца[204]). Также это объясняется и сохранением идентичности самой страны[205], которая и отличает ее от других стран – не только в плане культуры и традиций, но и определенной исторически сложившейся или модернизированной структурой экономики на основе согласования индивидуальных, коллективных и общественных интересов[206]. Причем эта структурная особенность экономики может или существенно отличать ее от других стран, не позволяя интегрироваться в мировую экономику с экономическими преимуществами, или, наоборот, создает потенциал глобальной конкурентоспособности за счет достижения высокой производительности, прогрессивных технологий, доступа к ресурсам, производства продукции с высокой добавленной стоимостью, развития институциональной среды. Кстати, есть и третий вариант, когда некоторые страны имеют примерно похожие структурные элементы экономики, что позволяет им уже реализовывать механизмы кооперации и обмена технологиями и ресурсами, а также осуществлять эффективные формы международного движения капитала и взаимодействие в рамках глобальных цепочек поставок. Но в любом варианте структура экономики стран не может быть статична, она должна развиваться, отражая внедрение новых технологий и создание инновационных продуктов, которые повышают

---

[204] Geertz C. Religion as a Cultural System (1966). In: H. Wienold Schlüsselwerke der Religionssoziologie. Project: Glauben-Machen. Soziologische Beiträge zur religiösen Praxis, Kultur und ideologie, 2019. Pp. 237-245.

[205] Национальная идентичность и будущее России. Доклад НИУ ВШЭ. Москва, 02.02.2014. URL: http://vid1.rian.ru/ig/valdai/doklad_identichnost_RUS_ISBN.pdf.

[206] Акерлоф Дж.А., Крэнтон Р.Е. Экономика идентичности. Как наши идеалы и социальные нормы определяют, кем мы работаем, сколько зарабатываем и насколько несчастны. М: Карьера Пресс, 2010. 471 с.

эффективность производства и обеспечивая вклад наиболее конкурентоспособных отраслей экономики в ВВП страны.

В целом, структурные сдвиги в экономике страны расцениваются положительно, поскольку способствуют ее модернизации, однако само изменение в структуре может быть обосновано с разных позиций:

а) как результат качественных изменений, чаще всего за счет проникновения достижений научно-технического прогресса в большинство отраслей производства и сферы услуг;

б) как результат функционирования экономики как открытой системы, что требует достижения сбалансированности развития ее секторов, включая достижение этого состояния через прохождение серии структурных кризисов[207] или структурных шоков в терминологии Р. Лукаса[208];

в) как эволюционный результат движения в постиндустриальном обществе с целью повышения глобальной конкурентоспособности и более эффективного участия в системе международной торговли;

г) как результат неравномерности проникновения инноваций и новых технологий в отрасли производства и сферу услуг, что объясняется их неготовностью или наличием отраслевых барьеров, а также создает прецеденты существенного снижения скорости внедрения преобразований для повышения эффективности функционирования национальной экономики.

Интересным решением задачи реализации национальных интересов является механизм экономического партнерства. Китай в конце 2020 г. стал инициатором интеграции экономик Юго-Восточной Азии (страны АСЕАН и 5 партнеров – Китай, Япония, Южная Корея, Австралия и Новая Зеландия) в форме соглашения о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP).

---

[207] Красильников О.Ю. Взаимосвязь структурных сдвигов и экономического развития России // Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право, 2017, № 2, с. 127-133.

[208] Лукас Р.Э. Лекции по экономическому росту. М.: Издательство Института Гайдара, 2013. 281 с. - с. 51.

Фактически это можно расценивать как альтернативу Тихоокеанскому партнерству. Данное соглашение устанавливает снижение пошлин во внешней торговле между странами, правила в сфере интеллектуальной собственности и электронной коммерции, а также предусматривает повышение доли возможного иностранного участия для компаний, оказывающих услуги в 50 секторах (в том числе телеком, финансы, профессиональные услуги). Это будет способствовать наращиванию ВВП Китая и других активно развивающихся стран Азии, но также и поддерживать устойчивый рост развитых экономик Японии и Южной Кореи.

2.3.3. Риски неравномерности экономического развития

На протяжении периода всего 20 и начала 21 вв., который сопровождался 3 крупнейшими продолжительными кризисами, ученые-экономисты задавались вопросами: 1) в чем причина различий в темпах экономического роста разных стран, даже схожих по структуре экономики, истории и экономическим параметрам? 2) в чем причина роста и экономического благополучия одних стран и отсутствия роста и даже отрицательным темпов в других? 3) какие факторы определяют устойчивый экономический рост и долгосрочные перспективы развития даже при признании цикличности развития экономики?

Традиционно, страны с развивающейся экономикой имеют следующие характеристики:

- неравномерное распределение благ, вследствие чего имеется концентрация доходов у небольшого процента населения и недостаточный объем доходов у большинства (как правило, отсутствие среднего класса) – это является причиной снижения качества жизни;

- недостаточный уровень индустриализации экономики, слабое развитие производственного сектора и сферы услуг и/или отсутствие

(небольшая доля) высокотехнологичного производства, преобладание сельского хозяйства в структуре экономики;

- выше общемирового среднего уровень безработицы, наличие неполной занятости вследствие дефицита рабочих мест и малого количества вакансий;

- низкая производительность труда в связи с отсутствием мотивации работников, низкого развития технологий и устаревшего оборудования;

- рост населения за счет превышения темпов роста рождаемости над темпами роста смертности населения, включая фиксацию низкой или средней продолжительности жизни;

- экономическая зависимость от первичной продукции более экономически развитых стран;

- технологическая зависимость от других, как правило, развитых или активно развивающихся стран, включая непродуктивное использование импортируемого оборудования;

- финансовая зависимость от развитых стран, включая наличие внешнего долга, проникновение иностранных инвесторов с целью захвата собственности, низкий уровень инвестиционной привлекательности страны;

- как правило, достаточно уровень коррупции вследствие, прежде всего, имеющегося неравномерного распределения благ, когда крупный капитал сконцентрирован у корпораций или отдельных лиц;

- дефицит или большая потребность в сырье или природных ресурсах для получения экономических преимуществ и/или обеспечения продовольственной безопасности;

- неэффективное использование капитала;

- административные барьеры, включая наличие (совершенствование) институтов предпринимательской деятельности.

Кризис 2008-2009 гг. стал одним из самых значимых в современной истории. Несмотря на последствия для стран мира, прежде всего, отраженных в падении ВВП и разной скорости его восстановления, мнения

ученых-экономистов о тяжести этих последствий оказались достаточно интересными. Так, весной 2011 г. Ф. Кидланд, получивший нобелевскую премию за согласованность цикличности и экономической политики, отмечал, что кризис слабо повлиял на развивающиеся страны, которые сокращают разрыв с развитыми государствами за счет низкого соотношения государственного долга к ВВП, что положительно сказывается на благосостоянии граждан[209].

Здесь мы имеем дело с дивергенцией (от лат. divergere – расхождение), т.е. процессом развития экономических систем, когда наблюдается расхождение в темпах экономического роста и, соответственно, уже нетипичной разницей в темпах восстановления экономики после кризиса. Конечно, безусловной тенденцией следует считать конвергенцию (от лат. convergere – сближение), когда экономические системы одного уровня социально-экономического развития сближаются с такими же динамично развивающимися системами – исторически это произошло в период восстановления экономики после Второй мировой войны (после 1960-х гг., в период второго этапа активной индустриализации экономики) и далее, когда сформировалось уравнивание темпов экономического роста развивающихся и развитых стран. Объяснение этим процессам может быть сформировано, исходя из следующих позиций:

1) классическая экономическая теория (А. Смит) обосновывает прогресс экономики за счет разделения труда и расширения рынков сбыта (отметим, что, наоборот, регресс экономического развития происходит при опережающем производство продовольствия росте народонаселения (согласно теории Т. Мальтуса));

2) неоклассическая теория экономического роста Р. Солоу – предлагает в качестве двигателя экономического роста накопление

[209] Кидланд Ф. Я не знаю, зачем обращать внимание на кризис. Газета.ru, 04.05.2011. URL: https://www.gazeta.ru/business/2011/05/04/3602925.shtml.

производственного капитала и рабочей силы при влиянии экзогенного фактора (технического прогресса)[210]. Следовательно, согласно модели Р. Солоу, бедные страны должны расти быстрее развитых стран за счет интенсификации инвестиций – в итоге, соответственно, все страны должны достигнуть примерно одинакового темпа экономического роста (очевидно, что в реальности этого не происходит);

3) теория П. Ромера[211] о научных достижениях и новых технологиях как двигателях экономического роста, которые сгенерированы на основе человеческого капитала, т.е. знаниями людей – важным отличием от теории Р. Солоу является оценка этих факторов экономического роста как эндогенных. Таким образом, дифференциация темпов экономического роста по странам обосновывается влиянием фундаментальных характеристик экономики, к которым П. Ромер отнес технологические параметры, предпочтения потребителей и институциональные факторы, что усиливает роль экономической политики, способствующей поддержке генерации знаний и разработку новых технологий, включая развитие системы образования в стране как фундамент долгосрочного экономического роста;

4) ограничением долгосрочного глобального роста следует рассматривать доступ к необходимым для развития природным ресурсам, согласно У. Нордхаузу[212],[213] (изначально сформированный в «Экономике исчерпаемых ресурсов» Г. Хотеллинга[214]). Если до середины 1970-х гг. на волне экономического роста развитые страны были в достатке ресурсной базы, то шок предложения 1973 г. вследствие нефтяного эмбарго, введенного картелем ОПЕК, начал менять механизмы ресурсного

---

[210] Solow R.M. A Contribution to the Theory of Economic Growth // The Quarterly Journal of Economics, 1956, vol. 70, no. 1, pp. 65-94.
[211] Mankiw N.G., Romer D., Weil D.N. A Contribution to the Empirics of Economics Growth // The Quarterly Journal of Economics, 1992, vol. 107, no. 2, pp. 407-437.
[212] Nordhaus W.D., Houthakker H., Solow R. The allocation of energy resources // Brookings papers on economic activity, 1973, no. 3, pp. 529-576.
[213] Nordhaus W.D. Economic growth and climate: the carbon dioxide problem // The American Economic Review, 1977, pp. 341-346.
[214] Блауг М. Хотеллинг Харольд // 100 великих экономистов после Кейнса. Библиотека «Экономической школы», вып. 42. СПб.: Экономикус, 2009. 384 с. – с. 354-356.

обеспечении, развития альтернативных источников энергии и разработку замещающих технологий и материалов с новыми характеристиками. Исторически же после нефтяного шока произошло активное развитие новых регионов нефтедобычи, что привело не только к экономическому росту, но и наращиванию суверенных фондов национального благосостояния развивающихся стран, а также существенное повышение спроса на углеводородное сырье со стороны азиатских стран вследствие увеличения темпов промышленного производства;

5) повышение доступности развивающихся стран к источникам новых технологий, включая возможности покупки (а не собственной разработки), приводит к росту производительности труда в развивающихся странах и привлечению прямых иностранных инвестиций.

Также анализ статистических данных позволил ученым-экономистам и математикам выделить последовательные процессы β(бета)-конвергенции[215] (обратно зависимости по душевым доходам, когда устанавливаются более высокие темпы роста у стран с меньшим подушевым ВВП, чем у «богатых» стран), σ(сигма)-конвергенция[216] (постепенное выравнивание разброса подушевого национального дохода, т.е. уменьшение дисперсии[217], среди развитых и некоторых развивающихся стран), условная конвергенция (более быстрый рост развивающихся стран при сходных пропорциях использования труда и капитала, замедляющийся по мере приближении этих пропорций к развитым странам как к стационарному состоянию).

Следует отметить, что неравномерность экономического развития фактически привела к интеграции стран, сходных по потенциалу развития и по показателям экономического роста (темп роста ВВП) – к примеру, это

---

[215] Глущенко К.П. Мифы о бета-конвергенции // Журнал Новой экономической ассоциации, 2012, том 4, №16, с. 26-44.

[216] Barro R.J., Sala-i-Martin X. Economic Growth and Convergence across the United States // NBER Working paper, 1990, №3419. Pp. 2-69.

[217] Пшеничных Ю.А. Методические основы исследования конвергенции // Вестник Таганрогского института управления и экономики, 2015, №2(22), с. 114-118.

так называемые «азиатские тигры» (Гонконг, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, которые сумели достичь достаточно в ограниченный временной период высоких темпов экономического роста за счет массового притока технологически связанных иностранных инвестиций в 1990-х гг.) или объединение стран БРИК в начале 2000-х гг. на основе доступа к ресурсной базе, которая была взята за основу взаимодействия и согласованных действий на мировых сырьевых рынках.

Само существование межстрановой дифференциации и дивергенции в экономическом развитии[218] подтверждается расхождением в глубине падения в период мирового финансового кризиса 2008-2009 гг. (рис. 2.2). Так, развитые страны пострадали от него существенно больше, чем развивающиеся – это произошло благодаря довольно большим уровням экономического роста, достигнутым странами с модернизирующейся экономикой, следствие чего темпы роста ВВП этих стран усредненно остались в положительной зоне, т.е. более 0%.

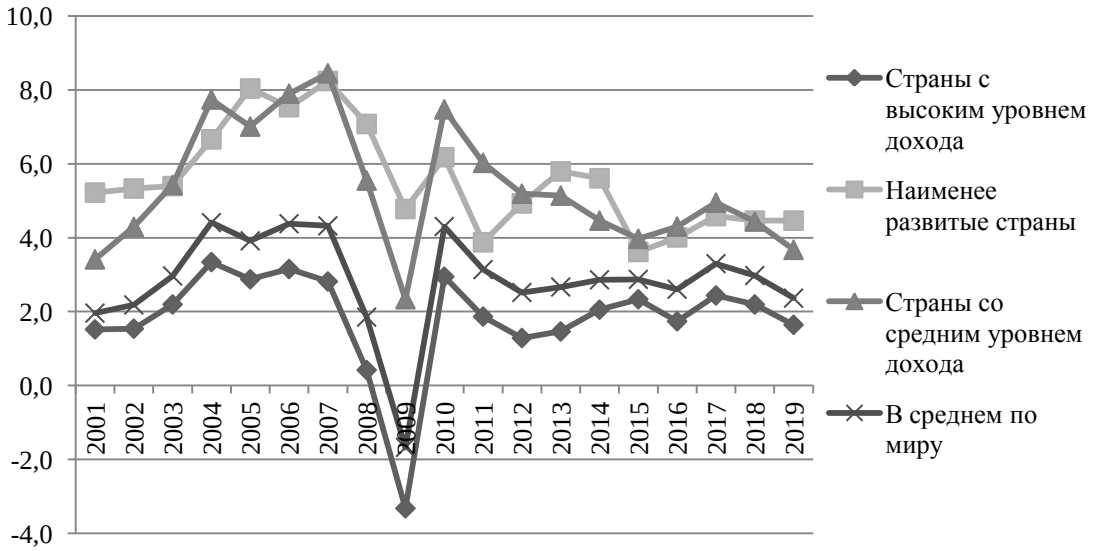

Рис. 2.2. Изменение темпов роста ВВП стран, %.

Источник: составлено автором на основе данных: World Development Indicators. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#

[218] Руденко Д.Ю., Зинковская К.Ю. Процессы конвергенции в глобальной экономике // Век глобализации, 2015, № 1, с. 114-124.

Следуя широко используемой классификации стран по методике Всемирного банка, следует отметить, что дифференциации стран по показателю валового национального дохода на душу населения используется с 1966 г., когда был выпущен первый Атлас Всемирного банка[219]. Если, например, в 1989 г. более половины всех людей на Земле жили в странах, классифицируемых как страны с низким доходом (причем 2/3 из них в двух странах, Индии и Китае), то в 2014 г. (через 25 лет) эффект экономического роста привел к тому, что некоторые страны перешли к более высокой классификации – от страны с низкими доходами к странам со средними доходами, соответственно, тогда менее 10% населения мира жило в 31 стране с низкими доходами. 70% тех, кто живет в крайней нищете, сейчас живут в странах со средними доходами, хотя уровень крайней бедности в странах с низкими доходами чрезвычайно высок – около 50%[220].

Тем не менее, согласно долгосрочному прогнозу Bloomberg Economics[221], с учетом таких показателей, как вклад труда, капитала и производительности 39 стран, к 2050 г. произойдет смещение центра экономической силы в мире с Запада на Восток, в Азию (рис. 2.3) – фактически это продолжение и усиление трендов, наблюдаемых в последние 20 лет (доля азиатских экономик в мировом ВВП увеличилась с 26% до 32% в период с 2000 по 2014 гг. и ожидается ее рост, по оценкам The Economist, до 53% к 2050 г.)[222]. Это означает ожидание перехода от стран со свободными рынками с устоявшейся демократией, к строго регулируемым рынкам и централизованной власти.

---

[219] Fantom N., Serajuddin U. Classifying countries by income: A new working paper. World Bank. URL: https://blogs.worldbank.org/opendata/classifying-countries-income-new-working-paper.

[220] Should we still group countries by income? URL: https://www.weforum.org/agenda/2016/01/should-we-still-group-countries-by-income.

[221] Orlik T., Van Roye B. An Economist's Guide to the World in 2050. Bloomberg. URL: https://www.bloomberg.com/graphics/2020-global-economic-forecast-2050/.

[222] The Economist Intelligence Unit. Long-term macroeconomic forecasts Key trends to 2050.A special report. URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=ForecastingTo2050.

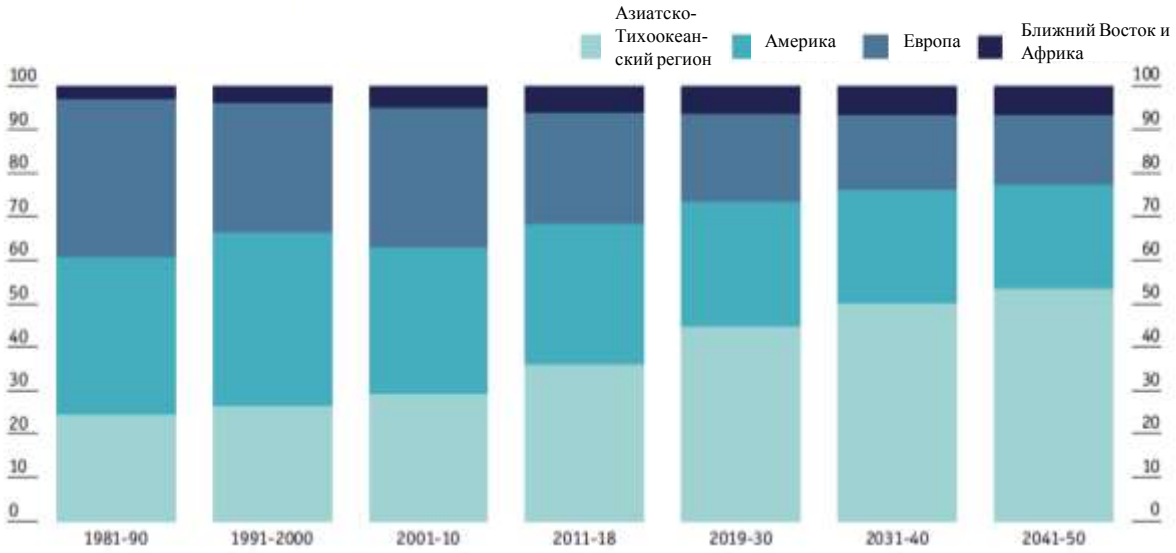

Рис. 2.3. Доля регионов в мировом ВВП, %.

Источник: The Economist Intelligence Unit. Long-term macroeconomic forecasts Key trends to 2050.A special report. URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=ForecastingTo2050.

Так, доля Азии в глобальном ВВП увеличится с 25% в начале XXI в. до более 50% в 2050 г. за счет снижения долей Северной Америки и Европы (рис. 2.4). Китай в 2035 г. может занять первое место в мире (при том, что до 1990 г. даже не входил в топ-10 экономик мира[223]), потеснив США, а Индия в 2033 г. может выйти на 3 место (вместо Японии). В целом если азиатские экономики поднимаются, чтобы стать крупнейшими в мире, то они занимают место промышленно развитых западных стран (ведь, например, Италия вообще выпала из десятки лидирующих стран после крищиса 2008-2009 гг)..

[223] Visualizing The Largest Economies in The World Over the Last 40 Years. URL: https://howmuch.net/articles/worlds-biggest-economies-over-time.

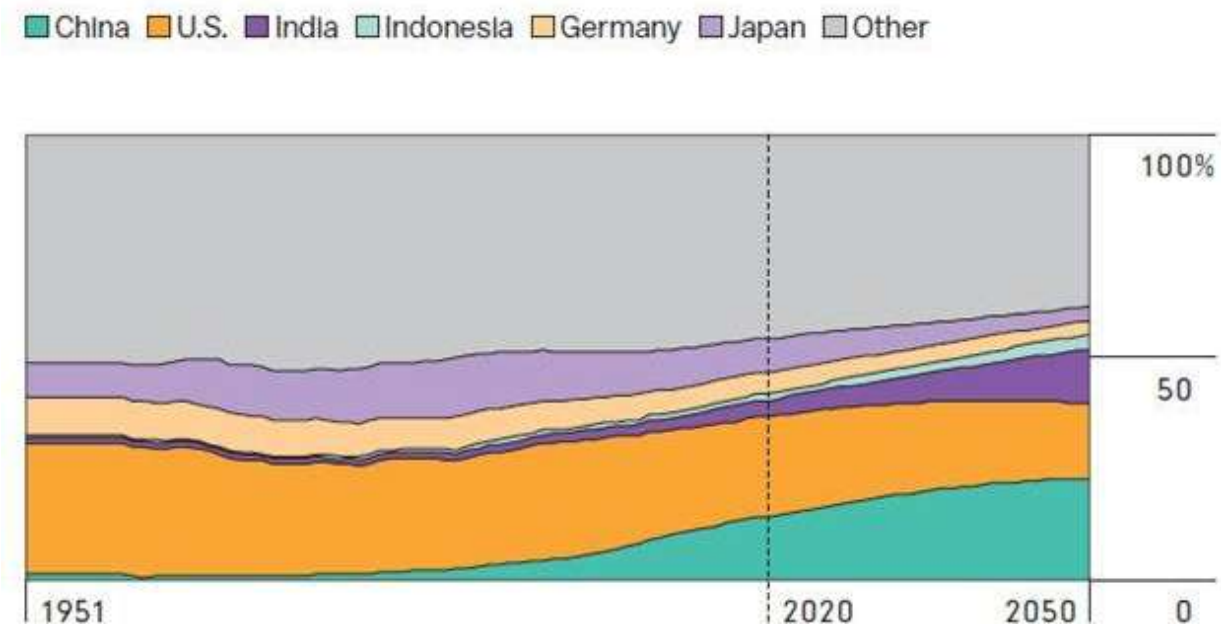

Рис. 2.4. Доли стран в мировом ВВП, %.

Источник: Orlik T., Van Roye B. An Economist's Guide to the World in 2050. Bloomberg. URL: https://www.bloomberg.com/graphics/2020-global-economic-forecast-2050/; ФИНАМ. Мировая экономика начнет поправляться в 2022 году. URL: https://www.finam.ru/international/imdaily/mirovaya-ekonomika-nachnet-popravlyatsya-v-2022-godu-20210128-184438/.

При этом предполагается, что впоследствии Китай заметно снизит темпы роста ВВП из-за старения населения[224], и наиболее быстро развивающейся среди крупнейших экономик мира будет Индия. Во многом благодаря росту Китая и Индии доля развивающихся рынков в мировом ВВП также вырастет – это будет хорошим результатом для модернизировавшихся экономик, ведь по оценкам Bloomberg, к 2050 г. они будут вносить почти 60% от общей суммы мирового ВВП.

[224] Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / Под ред. . .А. Дынкина. М., Магистр, 2011. 480 с.

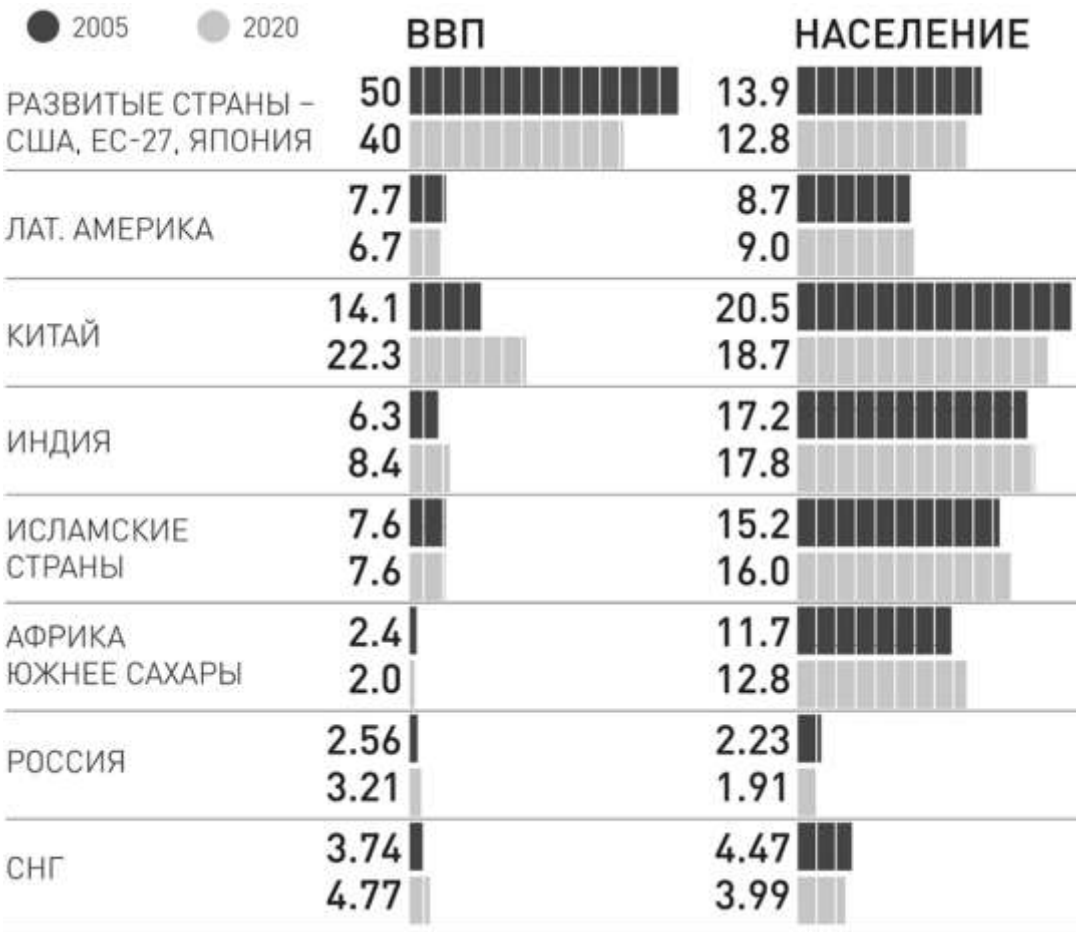

Рис. 2.5. Динамика ВВП и населения стран мира к 2020 г., % к общемировому показателю.

Источник: Проект "Россия 3.0". Что нам мешает совершить третье "экономическое чудо" // Российская газета, 2012, №267(5940), 20.11.2012 г. URL: https://rg.ru/2012/11/20/prognoz.html.

В заключении приведем прогнозы The Economist[225] и PWC[226]. Как и большинство аналитиков, они подтверждают тренд на развитие Китая и Индии, азиатских стран и стран Латинской Америки как стран с самыми лучшими перспективами реализации модернизации экономики с целью повышения темпов экономического роста и повышения благосостояния граждан (табл. 2.4) – по оценкам PWC, они способны увеличить свою долю в мировом ВВП примерно с 35% до почти 50%, ведь 6 стран с

[225] The Economist Intelligence Unit. Long-term macroeconomic forecasts Key trends to 2050.A special report. URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=ForecastingTo2050.

[226] PWC. The World in 2050 – Summary report. The Long View: How will the global economic order change by 2050? URL: https://www.pwc.com/gx/en/research-insights/economy/the-world-in-2050.html.

модернизирующейся экономикой войдут в топ-7 крупнейших экономик мира при одновременном сокращении экономик развитых стран.

Таблица 2.4. Изменение в ренкинге стран по прогнозам к 2050 г. на основе показателя ВВП на душу населения.

Страна	Прогноз The Economist	Прогноз PWC
1. Китай	1. Китай	1. Китай
2. США	2. США	2. Индия
3. Индия	3. Индия	3. США
4. Япония	4. Индонезия	4. Индонезия
5. Германия	5. Япония	5. Бразилия
6. Россия	6. Германия	6. Россия
7. Бразилия	7. Бразилия	7. Мексика
8. Индонезия	8. Мексика	8. Япония
9. Великобритания	9. Великобритания	9. Германия
10. Франция	10. Франция	10. Великобритания

Источник: составлено автором на основе данных: The Economist Intelligence Unit. Long-term macroeconomic forecasts Key trends to 2050.A special report. URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=ForecastingTo2050; PWC. The World in 2050 – Summary report. The Long View: How will the global economic order change by 2050? URL: https://www.pwc.com/gx/en/research-insights/economy/the-world-in-2050.html.

Вполне очевидно, что далее Китай и Индия будут играть гораздо более важную роль в решении глобальных проблем, таких как изменение климата, международная безопасность и глобальное экономическое управление. В среднесрочной перспективе это потребует от существующих мировых держав (особенно США) позволить Индии, и особенно Китаю, играть более значительную роль на мировой арене и адаптировать международные институты, чтобы позволить им оказывать большее влияние. Также интересны оценки по таким странам, как Вьетнам, Индия и Бангладеш, в отношении которых ожидается вхождение в тройку самых быстрорастущих экономик мира к 2050 г., при этом в ЕС хорошие перспективы имеет Польша. Даже несмотря на сохранение развитыми странами более высокого среднего дохода, страны с модернизирующейся экономикой должны добиться значительного прогресса в сокращении этого

разрыва, что требует продолжение реформ для обеспечения макроэкономической стабильности, осуществления структурных сдвигов в экономике и снижения зависимости от сырьевого экспорта, реализации сбалансированной экономической политики, включая привлечение инвестиций, а также международной политики (прежде всего, Бразилия, Нигерия и Турция, имеющих значительный долгосрочный экономический потенциал). В целом, анализ показывает, что подавляющее большинство экспертов отмечают значительный огромный потенциал, которым обладают развивающиеся экономики с признаками модернизации экономики для роста и процветания в ближайшие десятилетия, но для его эффективной реализации им необходимо продолжать наращивать инвестиции в технологии, инфраструктуру, социальную сферу. Снижение темпов роста мировой торговли, ее реструктуризация, растущее неравенство и возрастающая геополитическая неопределенность также усиливают необходимость создания диверсифицированной экономики, которая создает возможности как в странах с развитой, так и в развивающейся экономике в самых разных отраслях, включая и возможности создания новых отраслей, способных стать катализатором экспорта.

2.3.4. Риски торговли и конкуренции

Современный взгляд на экономическое развитие страны и поддержание темпов устойчивого экономического роста основывается на следовании технологическим трендам и всемерном содействии инновационному развитию, использованию прогрессивных технологий и реализации механизмов достижения глобальной конкурентоспособности на основе лидерства в технологиях. Поэтому наибольший выигрыш имеют те страны, которые имеют большую долю в ВВП производства товаров с высокой добавленной стоимостью (высокотехнологичной продукции) и, осуществляют высокотехнологичный экспорт (при этом следует отметить,

что с 1980 до проявлений шоков мирового финансового кризиса темп роста мировой торговли превышали темпы роста ВВП, но после – фиксируется их отставание, что объективно формирует вопрос о двигателях мировой торговли (рис. 2.6)).

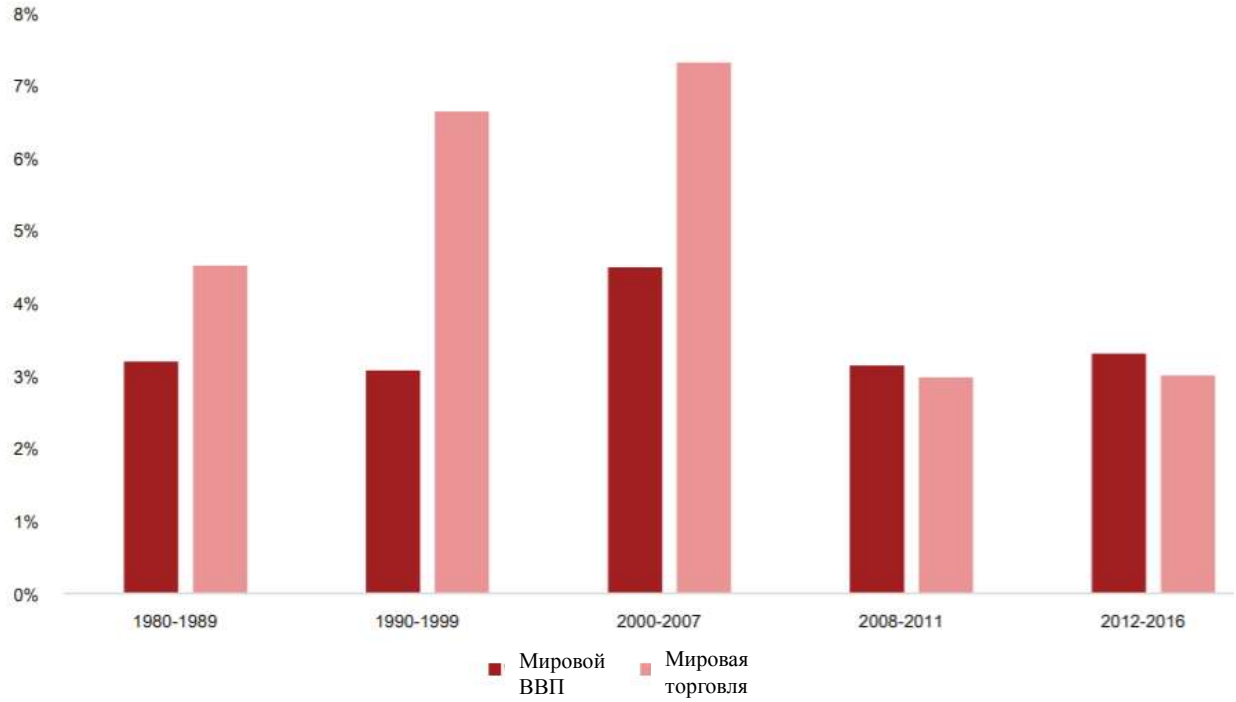

Рис. 2.6. Темпы роста мирового ВВП и мировой торговли в период 1980-2016 гг., %.

Источник: PWC. The World in 2050. Full Report. URL: https://www.pwc.com/gx/en/world-2050/assets/pwc-the-world-in-2050-full-report-feb-2017.pdf.

Если обратиться к динамике высокотехнологичного экспорта (рис. 2.7), то последние годы здесь лидируют страны Восточной Азии – при этом Китай занимает первое место в мире в абсолютном выражении, опережая Германию более чем в три раза (по данным World Bank 2018 г.[227]), а в топ-15 стран по этому показателю входят 7 развивающихся стран, в том числе и с передовой экономикой и реализующих программы модернизации экономики (Китай, Южная Корея, Сингапур, Малайзия, Мексика, Вьетнам, Таиланд) - в данном случае успешно. При этом они же обладают

[227] World Development Indicators. High-technology exports (current US). URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#/

достаточно высокой долей высокотехнологичной продукции в несырьевом экспорте: Филипины (61%), Малайзия (52%), Сингапур (51%), Южная Корея (37%), Китай (30%).

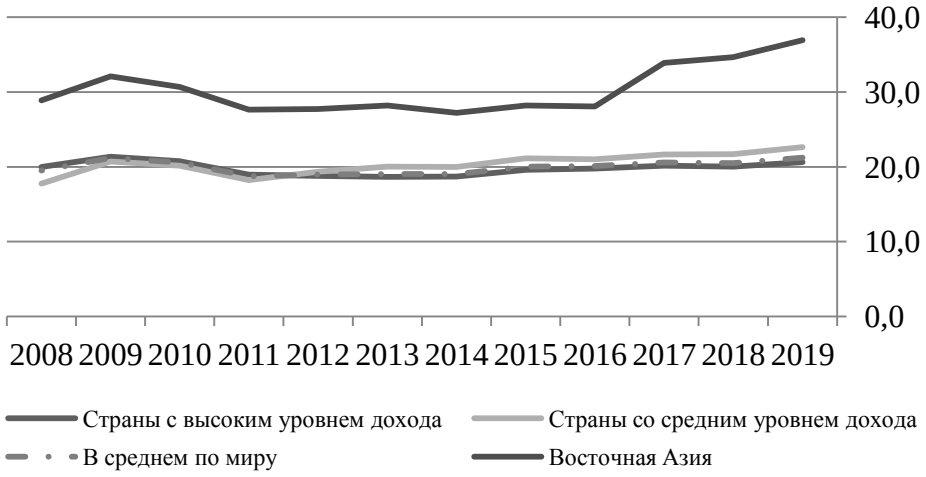

Рис. 2.7. Высокотехнологичный экспорт, % от объема производства в группе стран.

Источник: составлено автором на основе данных:
World Development Indicators. High-technology exports (% of manufactured exports).
URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#.

Составить конкуренцию мировым лидерам – развитым странам – в технологических аспектах для развивающихся стран достаточно проблематично в силу недостаточности инновационного потенциала, финансовых ресурсов для осуществления исследований и разработок, отсутствия доступа к каналам трансфера технологий и т.п. Подтверждением этому является доля расходов на исследования и разработки (R&D) в ВВП страны – очевидно, что по этому показателю лидируют развитые экономики. Тем не менее, задача модернизируемых экономик состоит в наращивании финансирования инноваций посредством как государственной поддержки сферы науки и исследований, а также образования, так и внесение изменений в налоговую и инвестиционную политику, что способствует получению налоговых преференций соответствующим

хозяйствующим субъектам и доступу к оптимальным по стоимости финансовым ресурсам для реализации исследовательских проектов.

Учитывая постепенное восстановление мировой экономики на фоне замедления роста одной из самых крупных развивающихся экономик мира – Китая, дополнительно окрашенных последствиями шока пандемии 2020 г., следует говорить о переходе на новую траекторию динамики мировой торговли. Так, Китай последние годы проводит модернизацию экономики через замену производственно и экспортно-ориентированной модели экономики на модель высокотехнологичного производства оборудования и компонентов при сжимании глобальных цепочек поставок.

Тем не менее, несмотря на практику Китая, следует отметить, что по-прежнему не инновационный аспект развития превалирует фактически в стратегиях развития развивающихся стран с признаками модернизации экономики, а упор на сырьевой потенциал страны как источник ее экономического развития и, соответственно, бюджетных доходов. История показывает как положительные примеры использования природного богатства страны для ее экономического укрепления (самым ярким примером, конечно же, являются Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия), так и отрицательные, когда страна неэффективно использует этот потенциал (например, как Венесуэла, обладающая самыми большими запасами нефти в мире, но при этом благодаря крайне неэффективной политике страна практически на грани банкротства и девальвации национальной валюты, 95% населения живет за чертой бедности). В целом, нефть остается неким стратегическим ресурсом, который может определять ключевые направления экспорта для развивающихся стран даже при реализации ими стратегий модернизации экономики, поскольку большая часть мировых резервов (рис. 2.8) сосредоточена в Южной и Центральной Америке (запасы оцениваются в 144 года: Венесуэла 17,5% мировых запасов), Ближнем Востоке (на 75 лет:

Саудовская Аравия (17,2%), Африке (40 лет), Северной Америке (25 лет: Канада (9,8%))[228].

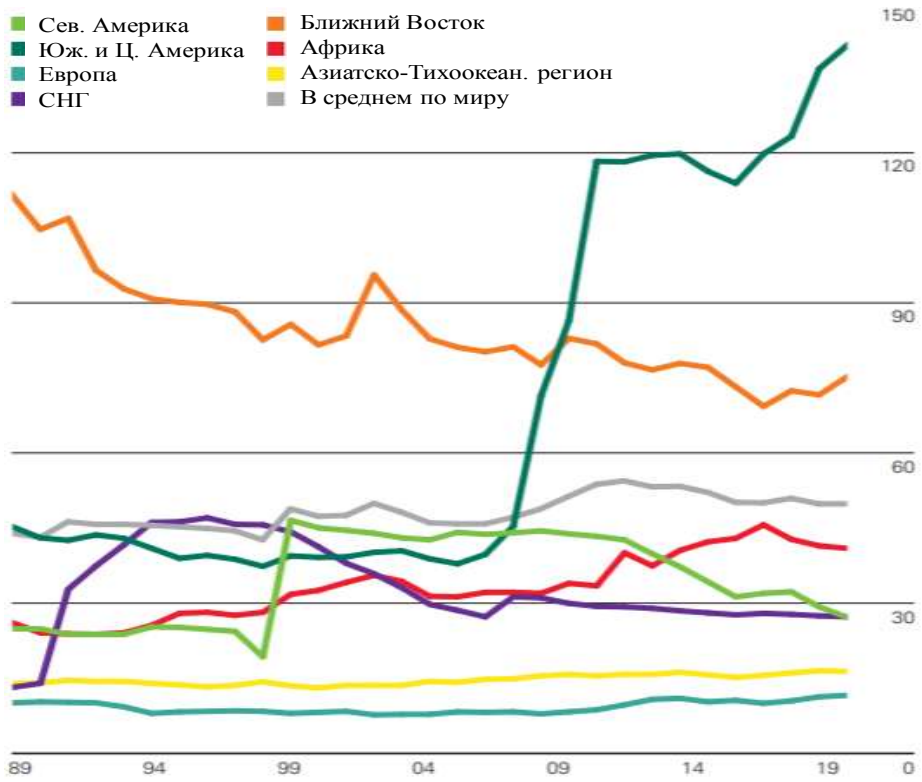

Рис. 2.8. Динамика коэффициента «Запасы/Производство» (нефть) по регионам с 1989 по 2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных: BP. Statistical Review of World Energy 2020. 69th edition. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf.

Аналитики Bloomberg утверждают, что в ближайшем будущем мир ожидает новый товарный супер-цикл[229] (в определенном формате сырьевого бума[230], который затронет добычу золота и серебра, интегрированную нефтегазовую промышленность и медь, являющиеся одними из секторов с

[228] BP. Statistical Review of World Energy 2020. 69th edition. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf.

[229] Li Y.Y., Burton M. Copper Tops $8,000 as Goldman Points to Commodities Super-Cycle. Bloomberg. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-12-18/copper-marches-toward-8-000-as-goldman-sees-super-cycle-echoes.

[230] JP Morgan: Commodity Super Cycle Has Begun (Bloomberg). URL: https://hotcopper.com.au/threads/jp-morgan-commodity-super-cycle-has-begun-bloomberg.5914158/.

наибольшим дефицитом капитала в мире) в связи с ожидаемым сильным восстановлением экономики после пандемии и необходимостью хеджирования от инфляции. За последние 100 лет сырьевые товары пережили четыре суперцикла, в том числе после азиатского кризиса 1997 г. и до следующего общемирового кризиса в 2008 г. в мире произошел сырьевой супер-цикл: ситуация, при которой спрос на ресурсы (металлы, энергию, еду) рос все 10 лет подряд. Именно на пике цикла (2007 г.) нефть стоила 120 долларов за баррель. Такой спрос был вызван сверх-бурным развитием Китая, с ростом ВВП по 10% в год, и большими потребностями в энергии (уголь, нефть, газ), а также общемировым строительным бумом. 2008 г. перечеркнул весь рост и создал депрессию на сырьевых рынках: для начала сам кризис, а затем и переориентирование политики Китая на внутренний спрос, когда страна решила быть самодостаточной и производить для китайцев, опираясь на собственный спрос, который гораздо проще контролировать. Разрушилась цепочка: рост развитых стран, который стимулирует спрос на продукцию из Китая, который в свою очередь стимулирует общемировой спрос на ресурсы. Ожидаемо такая ситуация привела к замедлению темпов роста ВВП Китая. И, несмотря на то, что стимулирующие меры американской ФРС каждый раз подталкивали цены на сырье вверх, перезапустить супер-цикл они уже не могли (разрушилась глобализованная цепочка). В настоящее время ситуация начинает изменяться – ведь широкий диапазон цен на сырьевые товары достиг самого высокого уровня за последние шесть лет. Как показывает индикатор Bloomberg Commodity (рис. 2.9), усредненная цена сырьевых товаров выросла на 43% с апреля 2020 г. – это и есть индикатор начала сырьевого суперцикла.

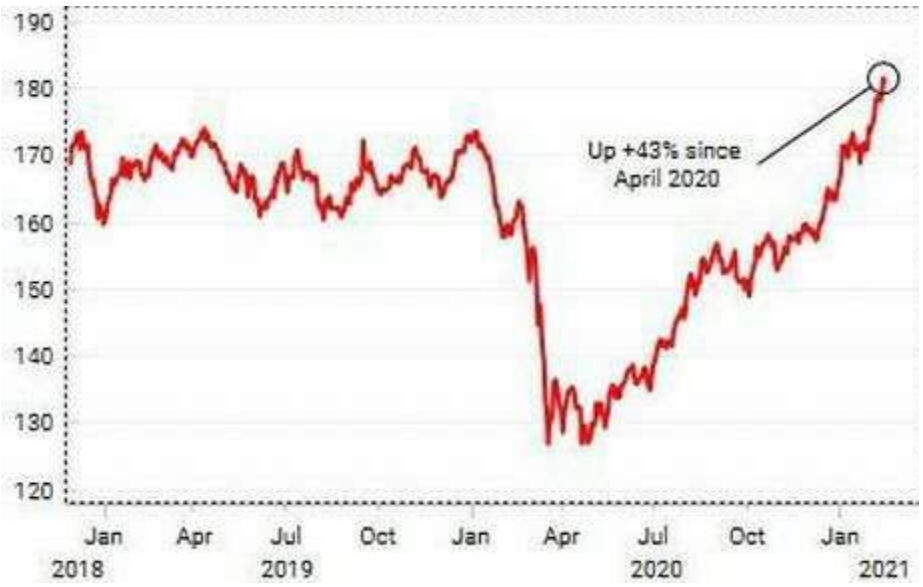

Рис. 2.9. Индикатор Bloomberg Commodity.

Источник: Bloomberg. Bloomberg Commodity Index. URL: https://www.bloomberg.com/quote/BCOM:IND.

На современном этапе недостаточное инвестирование в предыдущие годы в сырье означает, что эти секторы не смогут отреагировать на резкое восстановление спроса, которое ожидается в 2021 г. и далее, когда мир выходит из пандемии, включая рост потребительских расходов. Так, можно говорить об использовании потенциала так называемых быстрорастущих экономик: Руанда (минералы, кофе, чай), Танзания (золото), Мозамбик (уголь и природный газ), Бутан (продукция сельского и лесного хозяйства), Новая Гвинея (золото, медь, нефть), Кот-д`Ивуар (какао-бобы, кофе и пальмовое масло), Узбекистан (хлопок, природный газ, золото), Эфиопия (текстиль, продукция сельского хозяйства). Однако прогнозы сырьевого супер-цикла осложняются ожиданием повышения инфляции, включая рост цен на продовольственные товары, и, соответственно, сопряженные с ними рост цен на энергию и металлы. Таким образом, с одной стороны, ожидаемый сырьевой бум будет однозначно привлекателен для развивающихся стран, однако он несет в себе риски повышения инфляции, что является достаточно распространенной и долгосрочной проблемой для них.

В целом в рамках действия механизмов международной торговли даже необходимость высокотехнологичного развития производства будет диктовать реализацию потребности в обновлении и совершенствовании добывающей промышленности в странах, что будет компенсировано за счет импорта высокопроизводительного оборудования, как правило, разрабатываемого и изготавливаемого компаниями из развивающихся стран, а также электронных компонентов. Безусловно, многие страны в условиях восстановления экономики после шоков геополитического происхождения (эмбарго, торговые войны, политические противостояния, неблагоприятные изменения цен на сырьевые товары) начинают ориентироваться на внутренний спрос (Китай) и на политику импортозамещения (Россия). Так, импортозамещение может быть реализовано как создание новых производств, техническое обновление действующих или полная консервация непроизводительных, устаревших производств, так и вовлечением национальных производителей в глобальные производственные цепочки.

Отдельно следует заметить тренд в торговле, который получил название «зеленый протекционизм»[231] в связи с риском роста напряжения по поводу реализации или, наоборот, выхода из международных торговых соглашений, связанных с энергетическим будущим и экологией будущего. Так, например, в США изменение климата признано «проблемой национальной безопасности», и, согласно разрабатываемым законам[232], американские власти могут ограничивать торговлю с государствами, не сокращающими свои промышленные выбросы, - таким образом, по мнению авторов закона, возможно бороться с компаниями, которые стремятся выводить производство в страны со слабым экологическим законодательством (например, Китай) и, таким образом, получать

[231] Rothkopf D. Is a Green World a Safer World? A guide to the coming green geopolitical crises. URL: https://foreignpolicy.com/2009/08/22/is-a-green-world-a-safer-world/.
[232] Funk C., Kennedy B. How Americans see climate change and the environment in 7 charts. URL: https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/04/21/how-americans-see-climate-change-and-the-environment-in-7-charts/.

конкурентное преимущество. Европейский Союз для достижения нулевого выброса парниковых газов и нулевого загрязнения окружающей среды к 2050 г. рассматривает введение с 2023 г. углеродного сбора на импорт товаров в зависимости от углеродного следа[233], к которому относится нефть, газ, металлы, цемент, удобрения и т.д., не соответствующих европейским экологическим стандартам. По оценкам, например, он может быть отнесен к примерно 40% российских экспортируемых товаров, а сумма налога составит ежегодно не менее 2 млрд. евро. Следует отметить, что вопросы экологической повестки не является новыми, но теперь они окрашиваются политическими аспектами международных торговых отношений. В зеленых торговых войнах заложены риски повышения международной напряженности между развитыми и развивающимися странами.

2.3.5. Экологические риски

Как было показано выше, экологические риски лидируют (наиболее вероятны) в 2018 г. в карте глобальных рисков по версии Всемирного экономического форума, а с 2020 г. они входят в топ-5 карты. Их источниками являются экстремальные погодные условия и неспособность их контролировать (и зачастую прогнозировать), стихийные бедствия и т.п. Возможный ущерб от природных катастроф оценивается аналитиками Кембриджского университета в ежегодном отчете «Cambridge Global Risk Outlook» в 179 млрд. долларов[234], что выше ущерба как от финансовых кризисов и торговли и геополитических событий.

---

[233] Медведев Ю. И все пойдет лесом. Чем грозит России новый углеродный налог ЕС на импортную продукцию. Российская газета, 26.01.2021. URL: https://rg.ru/2021/01/26/chem-grozit-rossii-novyj-uglerodnyj-nalog-es-na-importnuiu-produkciiu.html.

[234] Иванов О.Б. Глобальные риски и новые вызовы человеческой цивилизации // Журнал «ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика», 2020, №2, с. 7-20. DOI: 10.24411/2071-6435-2020-10009.

Следует отметить, что повышенная оценка экономистов к окружающей среде и природным ресурсам в частности стала особенно существенной с начала 21 века (хотя интегрированная модель взаимовлияния экономики и климата была представлена нобелевским лауреатом У. Нордхаузом[235] еще в последнем десятилетии 20 века, концепция устойчивого развития, которая легла в основу целей ООН, которые концентрируют следование, прежде всего, социальным и экологическим задачам человечества и ратуют за бережное использование ресурсов, безотходное производство и экологическую продукцию, и в 1992 году была подписана Рамочная конвенция ООН об изменении климата). Классическая проблема ограниченности ресурсов в отношении энергоносителей видоизменилась вследствие открытия новых месторождений и соответственно увеличения доказанных запасов ресурсов и развития альтернативной энергетики. Но это привело к повышенному влиянию на природную среду из-за нарастания нагрузки производств и населения, необходимости утилизации отходов, увеличения выхода CO_2 и парниковых газов от промышленного производства, глобального потепления климата.

Анализ динамики изменения выбросов CO_2 за последние 15 лет (рис. 2.10) показывает устойчивую тенденцию к их росту со стороны развивающихся стран (они составляют не менее 60% объема всех выбросов), подтверждая факт темпов экономического роста Китая и Индии как стран, не только восстановивших экономику после шока 2008-2009 гг., но и в будущем ожидаемых лидеров мировой экономики.

[235] Nordhaus W.D. Climate change: The ultimate challenge for Economics // American Economic Review, 2019, vol. 109, no. 6, pp. 1991-2014.

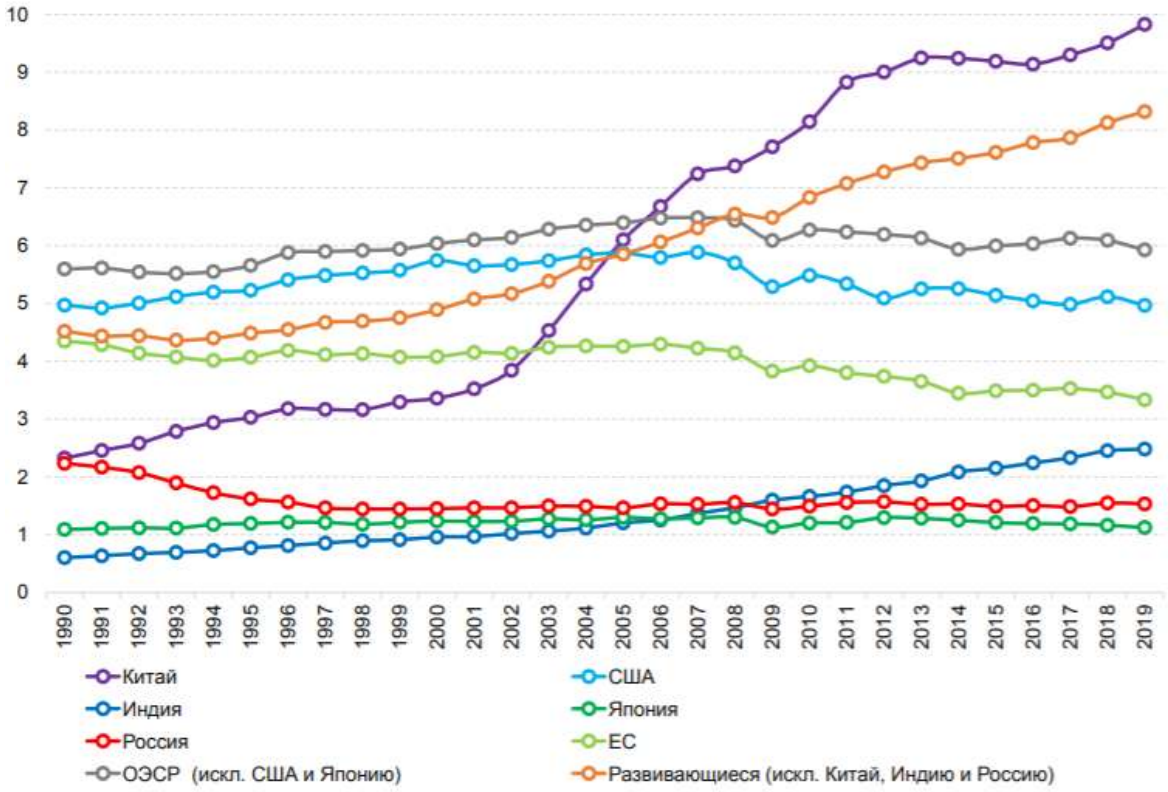

Рис. 2.10. Динамика изменения выбросов CO_2 по ведущим странам и регионам мира, млрд. т CO^2.

Источник: Экология и экономика: тенденция к декарбонизации. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики октябрь 2020, №66. Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/BRE/_октябрь_web.pdf.

При этом объемы выбросов со стороны развитых стран снижаются (поскольку потребление первичной энергии замедлилось, а возобновляемые источники энергии и природный газ вытеснили уголь из энергетического баланса), что также подтверждает реализацию усилий, направленных на решение экологических проблем современности и переход к источникам альтернативной энергетики (табл. 2.5), включая программы декарбонизации (здесь лидируют Япония, сократившая выбросы за 2019 г. на 3,5% и США – на 3,0%)[236]. Важным аспектом также является увеличение выбросов CO2 от передвижных источников (транспорт) – как, правило, последние годы в

[236] Экология и экономика: тенденция к декарбонизации. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики октябрь 2020, №66. Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/BRE/_октябрь_web.pdf.

большинстве стран выбросы от стационарных источников устойчиво снижаются.

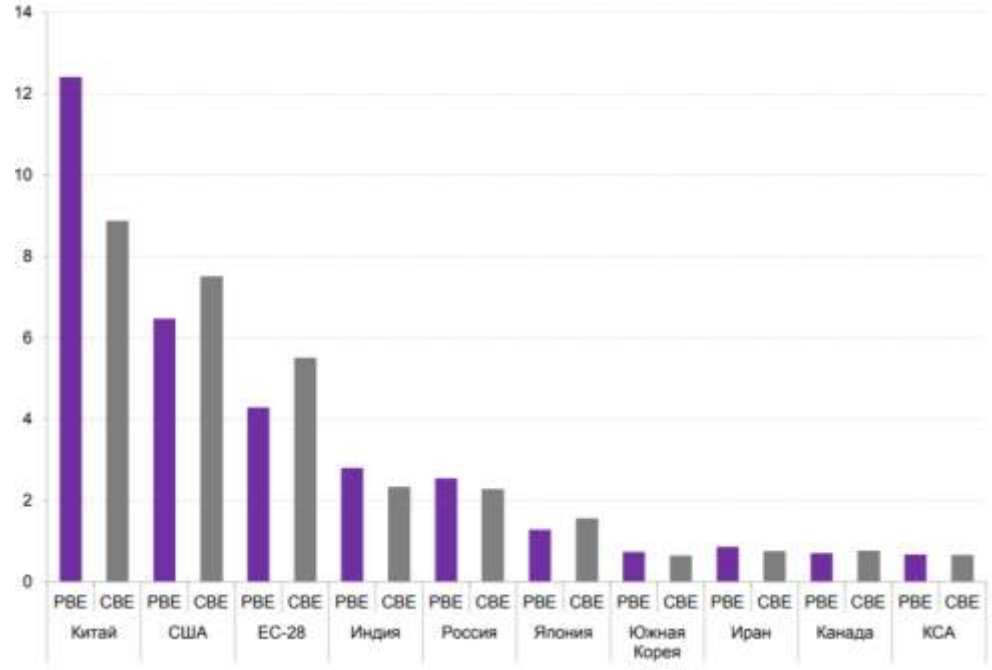
Таблица 2.5. Доля возобновляемых источников энергии в первичной энергии в 2019 г., %.

Страна / Регион	Доля, %	Прирост по сравнению с предыдущим годом, п.п.
США	6,2	0,4
Страны Северной Америки (исключая США)	4,0	0,7
Бразилия	16,3	1,2
Страны южной и Центральной Америки (исключая Бразилию)	4,3	0,7
Европейский Союз	11,0	1,0
Страны СНГ	0,1	0,0
Страны Ближнего Востока	0,3	0,1
Африка	2,0	0,5
Китай	4,7	0,4
Страны Азии (исключая Китай)	2,9	0,4
В среднем по миру	5,0	0,5

Источник: составлено автором на основе данных: BP. Statistical Review of World Energy 2020. 69th edition. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf.

В связи с тем, что страны с модернизируемой экономикой являются и сырьевыми экспортерами, то возникает определенная дилемма выбора при следовании стратегии экологизации экономики: фактически страны-экспортеры энергоресурсов являются источниками для формирования постоянных объемов выбросов стран-партнеров во внешнеэкономической деятельности. Так, это можно расценивать как риски сокращения экспортного рынка для стран, ориентированных на продажу сырьевых ресурсов, увеличение импортных пошлин и обострению конкуренции между странами одной сырьевой группы. Тем не менее, несмотря на поддержку спроса со стороны Китая как одного из крупнейших импортеров, все виды топлива (кроме ядерного) росли медленнее, чем в среднем за 10 лет, а, например, потребление угля сократилось в 4 раза за последние 6

лет[237]. Рост потребления нефти ожидается в связи с развитием нефтехимии, т.е. с использованием нефти для производства изделий из пластмассы – однако есть вполне измеримый риск повышения требований к такой продукции и, соответственно, возможности для замены нефти другим материалом. В целом, главным потребителем энергоресурсов будет традиционно промышленность и строительство (примерно 75%), при этом использование углеводородов в транспортном секторе будет ожидаемо замедляться в связи с распространением небензиновых двигателей и электромобилей и достижением целей энергоэффективности.

PBE учитывают эмиссию от внутреннего производства товаров независимо от того, потребляются ли они внутри страны или экспортируются, CBE учитывают выбросы в составе всех потребляемых товаров национального производства за вычетом экспорта, а также в составе импортируемой продукции.

Рис. 2.11. Страны – крупнейшие экспортеры и импортеры выбросов, млрд. т CO_2, 2016 г.

Источник: Экология и экономика: тенденция к декарбонизации. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики октябрь 2020, №66. Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/BRE/_октябрь_web.pdf.

[237] BP. Statistical Review of World Energy 2020. 69th edition. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf.

В целом, наблюдающееся последние 2 года падение цен на энергоносители (особенно секторах добычи угля и газа, где рост производства опережал потребление, а также нефти) привело к накоплению запасов у потребителей и соответственно снижению спроса. Восстановление экономики после пандемии очевидно способно подтолкнуть цены на энергоносители вверх, реализуя очередной сырьевой супер-цикл, включая ожидания роста энергопотребления с 21ТВтч в 2012 г. до 30 (и даже 40) ТВтч к 2050 г., когда возобновляемые источники энергии уже в 2030 г. компенсируют до 80% его[238].

По прогнозам Мирового энергетического агентства[239], среди энергоресурсов нефть и газ буду продолжать доминировать. Два сценария (STEPS (сценарий госполитики до докризисного уровня) и SDS (сценарий устойчивого развития, включая соблюдение Парижского соглашения к 2050 г.)) объединяет сокращение производства электроэнергии на угле и соответствующая модернизация электространций, но в сценарии SDS более активен переход к возобновляемым источникам энергии (рис. 2.12), что очевидно создаст большую защиту от экологических рисков.

Отдельного рассмотрения требует оценка негативных глобальных воздействующих факторов, помимо недостаточного внимания национальных правительств к вопросам охраны окружающей среды вследствие поощрения развития добывающей промышленности и повышения выбросов в окружающую среду от сжигания топлива электростанций и работы транспорта. Так, ядерная энергетика рассматривается как достаточно чистый источник энергетических ресурсов, генерирующий не менее 14% электроэнергии в мире, однако более 30 стран, использующих атомную энергию, не строят собственные установки для переработки или обогащения сырья, а покупают топливо у внешних

[238] Сидорович В. BP Energy Outlook 2020. Сравниваем с прошлогодними прогнозами. URL: https://renen.ru/bp-energy-outlook-2020-sravnivaem-s-proshlogodnimi-prognozami/.
[239] World Energy Outlook 2020. Part of World Energy Outlook. Flagship report – October 2020. URL: https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2020.

поставщиков. Поэтому здесь следует выделить два типа экологических рисков, которые имеют достаточно высокую вероятность для развивающихся стран в силу реализации задачи постоянной экономии финансовых ресурсов и нехватки высококвалифицированного персонала: 1) производство существенно токсичных, представляющих гигантскую опасность ядерных отходов (прежде всего, Плутоний-239 с периодом полураспада 24,4 тыс. лет, в результате чего образуется Уран-235, имеющий в 30 раз больше период полураспада); 2) упрощенные процедуры и оборудование недостаточной производительности для безопасного хранения радиоактивных отходов; 3) недостаточная защита от диверсий, терроризма, похищения материала.

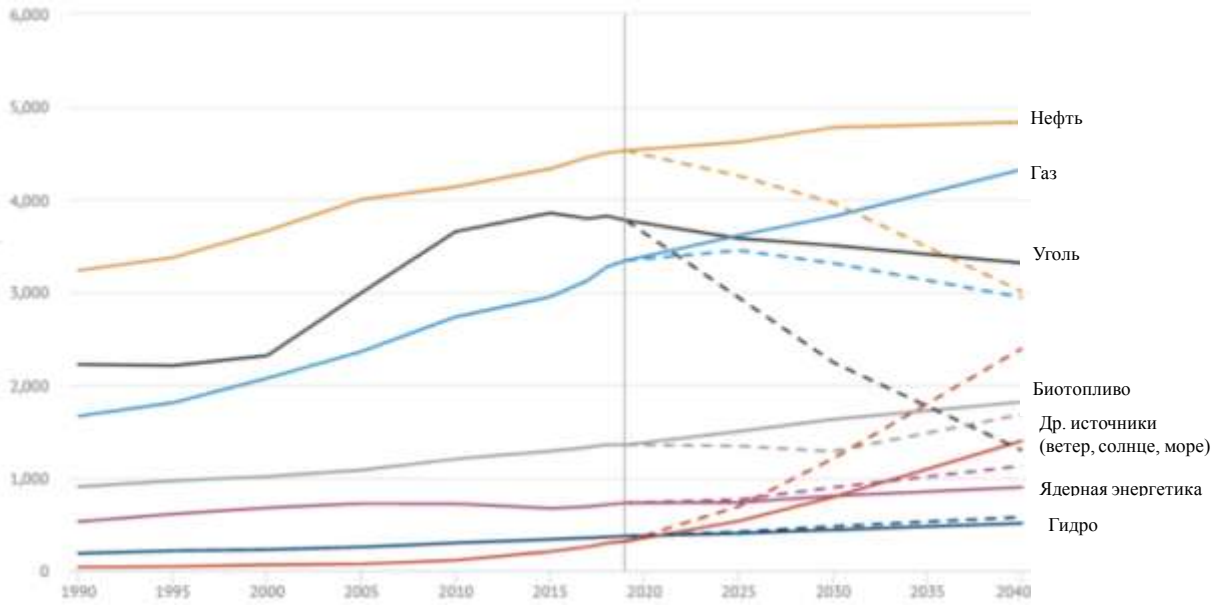

Рис. 2.12. Прогноз мирового спроса на первичную энергию из разных источников, млн. т нефтяного эквивалента (сценарий STEPS (сплошные линии) и сценарий SDS (пунктирные линии)).

Источник: World Energy Outlook 2020. Part of World Energy Outlook. Flagship report – October 2020. URL: https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2020.

Также, несмотря на тенденцию распространения электромобилей, которая в большинстве своем оценивается положительно, однако существуют риски существенного повышения спроса на ограниченный в

объеме литий, который используется в производстве батарей таких автомобилей. Следовательно, вполне гуманные стратегии перехода к «зеленой энергетике» в глобальном аспекте могут обернуться увеличением потребления воды для объектов гидроэнергетики (проблема водоснабжения и доступа к чистой питьевой воде уже является самой важной глобальной экологической проблемой, включая и глобальное потепление и повторяющиеся засухи). Будущее неопределенно, и усиление конкуренции за ресурсы очевидно может стать источником новых геополитических конфликтов.

2.3.6. Демографические риски

По мере того как страна развивается в направлении развитой экономики, она проходит через период демографических изменений, что ярко видно на графике роста населения, охватывающем почти два столетия (рис. 2.13). Рождаемость, как правило, снижается по мере улучшения образования, снижения младенческой смертности и повышения активности женщин в рабочей силе. В сочетании с увеличением продолжительности жизни в результате повышения уровня жизни и развития здравоохранения наблюдается старение населения и необходимость обновления рабочей сила для обеспечения вклада в устойчивое экономическое развитие общества.

Развивающиеся страны, включая страны с модернизируемой экономикой, показывающие относительно высокий темп экономического развития, но не относящиеся к развитым, не имеют таких ярко выраженных демографических проблем (здесь сосредоточено порядка 5 млрд. человек или 70% населения мира – это Китай, Мексика, Россия и другие страны СНГ, южноамериканские страны, Египет и многие арабские государства), как страны с низким уровнем благосостояния и бедным населением, где уровень доходов составляет менее 300 долларов на человека. В этих странах (как правило, к ним относят страны Африки и южно-азиатского региона)

проживает около 10% населения мира и для них характерны повышенные темпы роста населения.

Рис. 2.13. Прирост населения в странах, %.

Источник: Chamon M., Kremer M.R. Economic Transformation, Population Growth, and the Long-Run World Income Distribution // IMF Working Paper, 2006, No. 06/21. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Economic-Transformation-Population-Growth-and-the-Long-Run-World-Income-Distribution-18739.

Анализ статистических данных позволяет установить, что в период с 1991 по 2019 гг. рост мировой экономики сопровождался (вернее, обусловлен) ростом населения, причем последствия мирового финансового шока 2008-2009 гг. сломили опережение роста работоспособного населения от всего населения. Прогнозные оценки, в частности The Economist Intelligence Unit[240], свидетельствуют о резком снижении численности населения в среднем до 0,5% вплоть до 2050 г. Замедление же темпов роста населения трудоспособного возраста в мире будет еще более резким – до 0,3% по сравнению со средними темпами роста 1,7% в период 1991-2000 гг. (рис. 2.14).

[240] The Economist Intelligence Unit. Long-term macroeconomic forecasts Key trends to 2050.A special report. URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=ForecastingTo2050.

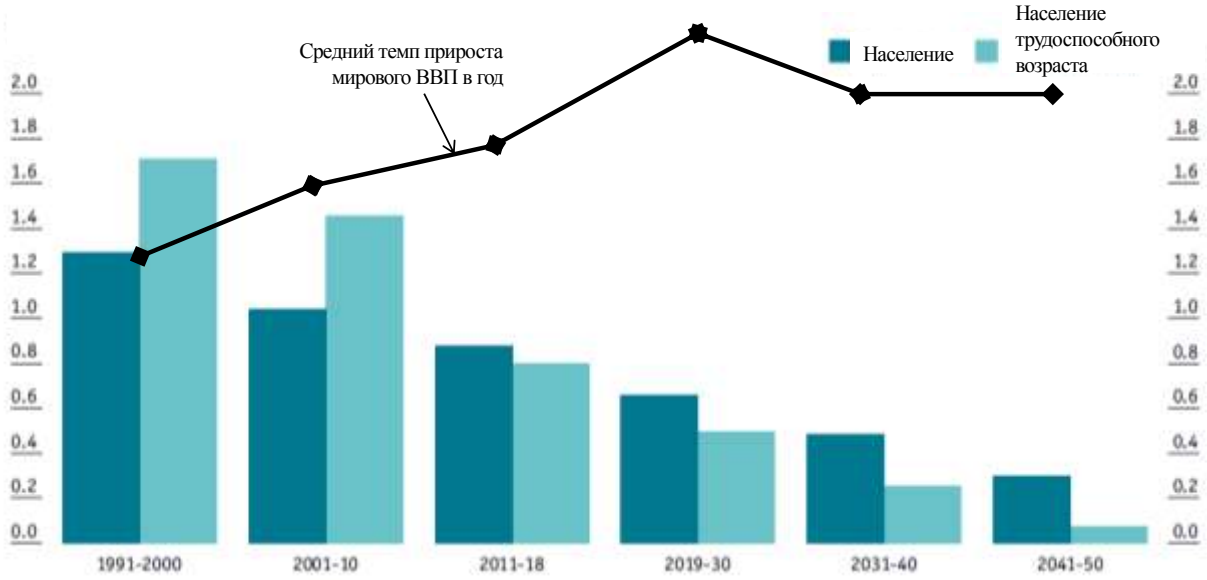

Рис. 2.14. Усредненные показатели мирового ВВП и роста населения, % в год.

Источник: рассчитано и разработано автором на основе данных: World Development Indicators. GDP per capita growth (annual %). URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#; The Economist Intelligence Unit. Long-term macroeconomic forecasts Key trends to 2050.A special report. URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=ForecastingTo2050.

Выигрыш от роста рождаемости и, соответственно, более благоприятной демографической ситуации получат такие страны как Ангола, Нигерия, Алжир и Кения, Египет и Иран – заметим, что это страны и с низким уровнем доходов – однако положительным моментом является ожидаемый прирост населения в трудоспособном возрасте (примерно в 2 раза к 2050 г.), что создает потенциал экономического роста и задачу создания новых рабочих мест. Причем также необходимо учитывать половозрастной состав этого прироста – больший прирост женщин требует однозначно иного подхода в организации их трудовой деятельности. Также необходимо формировать программы по адаптации лиц предпенсионного возраста, поскольку улучшение качества жизни в стране влечет и повышение среднего возраста в стране – данная тенденция характерна для большинства стран в независимости от уровня доходов граждан (рис. 2.15).

Неспособность достичь этого приведет к тому, что растущее число потенциальных работников не сможет найти работу, что приведет к серьезной политической нестабильности и упущенной возможности с точки зрения использования преимущества, предлагаемого благоприятной демографической ситуацией.

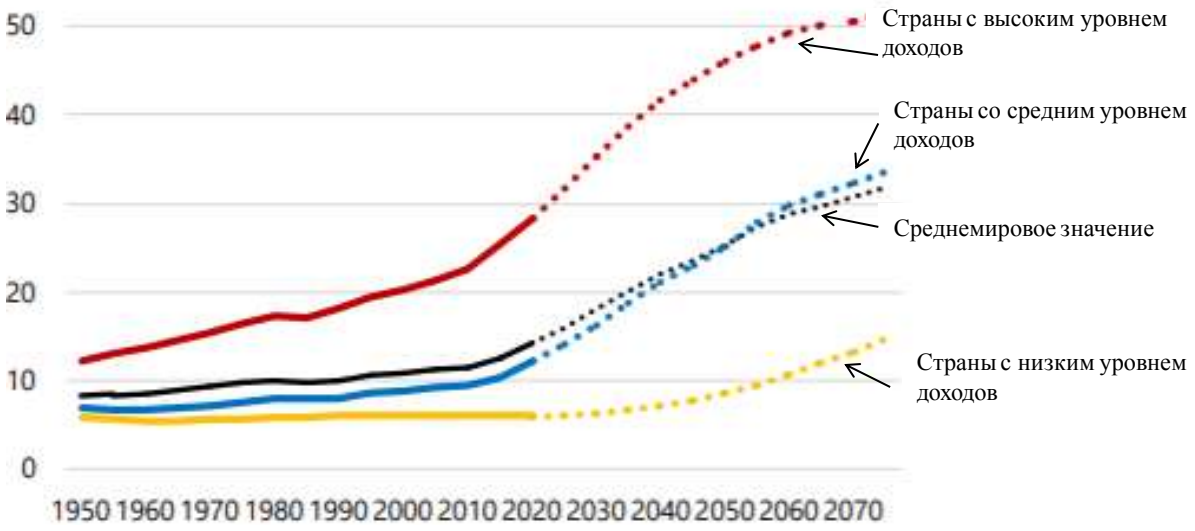

Рис. 2.15. Динамика коэффициента иждивенчества по старости, %.

Источник: Honda J., Miyamoto H. Would Population Aging Change the Output Effects of Fiscal Policy? // IMF Working Paper, 2020, WP/20/92.

Для смягчения негативных последствий неблагоприятной демографической ситуации для стран с модернизируемой экономикой, где прирост населения не ожидается достаточно весомым для повышения доли трудоспособного населения и, очевидно, будет наблюдаться постоянное сокращение имеющихся у них рабочей силы в диапазоне от 20% до 30%. Это будет способствовать торможению экономического роста, что потребует от правительств реализации соответствующей политики повышения уровня участия. Так, возможно более мягкая иммиграционная политика для привлечения ограниченного глобального резерва рабочей силы, в большей массе из таких же развивающихся стран.

Решающее значение будет иметь способность страны переключаться на разные источники роста. Так, что даже при благоприятных

демографических прогнозах для стран с развивающейся экономикой, вклад в ВВП от фактора трудовых ресурсов в самом лучшем соотношении относится к Анголе и Нигерии (примерно 2% вклад труда в ВВП) – все-таки превалирует во вкладе в ВВП капитал и технологии. Соответственно, в некоторых странах, которые начинают с низкой капитальной базы, будет потенциал для инвестиций для поддержки роста. Эти страны по-прежнему смогут получить прибыль за счет перехода от менее технологически интенсивного производства к капиталоемкому производственному производству, а также и осуществление инвестиций в исследования и разработки, которые будут стимулировать рост, но ограничены доступом к инновационной инфраструктуре, трансферу технологий и венчурному капиталу. Низкий уровень инвестиций после шоков 2008-2009 и 2020 гг. во многих странах предполагает, что перспективы такой выгоды будут не впечатляющими.

Тем не менее, развивающиеся страны, осознавая имеющиеся демографические проблемы со старением населения в развитых странах, предпринимают перспективные государственные усилия по созданию условий для повышения производительности труда большого числа потенциально трудоспособного населения. Правительства должны осуществлять структурные реформы для повышения эффективности, делая ценные долгосрочные инвестиции в технологии и науку для поддержки исследований и разработок. Кроме того, правительства также должны поддерживать экономику, чтобы обеспечить рабочие места для своего быстро растущего молодого населения. Они также должны поощрять предприятия к пожизненному обучению работников, гарантируя, что они будут обладать соответствующими и ценными навыками для поддержки занятости по мере старения.

Вопросы повышения производительности труда актуальны для стран, которые прошли определенные этапы модернизации экономики и достигли эффективности. Так, демографические изменения вследствие улучшения

качества жизни и роста среднедушевых доходов создали для Китая демографическую проблему: численность трудоспособного населения Китая в возрасте от 16 до 59 лет сокращается (как результат государственных решений по ограничению рождаемости), начиная с 2012 г., а численность населения старше 60 лет уже достигла 16% от общей численности населения. Китай начинает сталкиваться с проблемой, характерной для развитых стран как эффект сближения уровней жизни в развитых и развивающихся экономиках, - старение общества и сокращение работающего населения значительно увеличат затраты на рабочую силу и могут снизить конкурентоспособность и экономическую жизнеспособность Китая, если только это не будет компенсировано значительным ростом производительности за счет технологий.

2.3.7. Социальные риски

Дифференциация между странами мира в уровне доходов на душу населения (рис. 2.16), т.е. неравенство доходов, является определяющей в оценке социальных рисков, характеризуя различия в качестве жизни. Причем, как показывают исследования[241], с 1960 по 2007 гг. разница стабильно увеличивалась, достигнув 85-кратного превышения среднего дохода в 10 странах с высокими доходами над 10 странами с низкими доходами. Объективно, средний и высокий уровень доходов прямо связаны с уровнем потребительских расходов (что влияет на экономический рост страны), здравоохранения в стране и продолжительностью жизни, доступностью образования и саморазвития и т.п. По оценкам[242], даже при существенном росте среднедушевого дохода в странах к 2060 г. разрыв в

[241] Натхов Т., Борануков М. Институты и экономическое развитие: теория и эмпирика (обзор современных исследований) // Экономическая политика, 2010, № 5, с. 129-142.

[242] Йоханссон О., Гийемет И., Тернер Д., Николетти Д., де ла Мезонев К., Буске Г., Спинелли Ф. Сценарий долгосрочного глобального роста до 2060 г. // Вестник международных организаций, 2013, т. 8, № 4, с. 7-39.

дифференцированных доходах стран сохранится, и доходы в развивающихся странах не превысят 60% (ожидаемый диапазон 25-60%) от уровня жизни ведущих развитых стран.

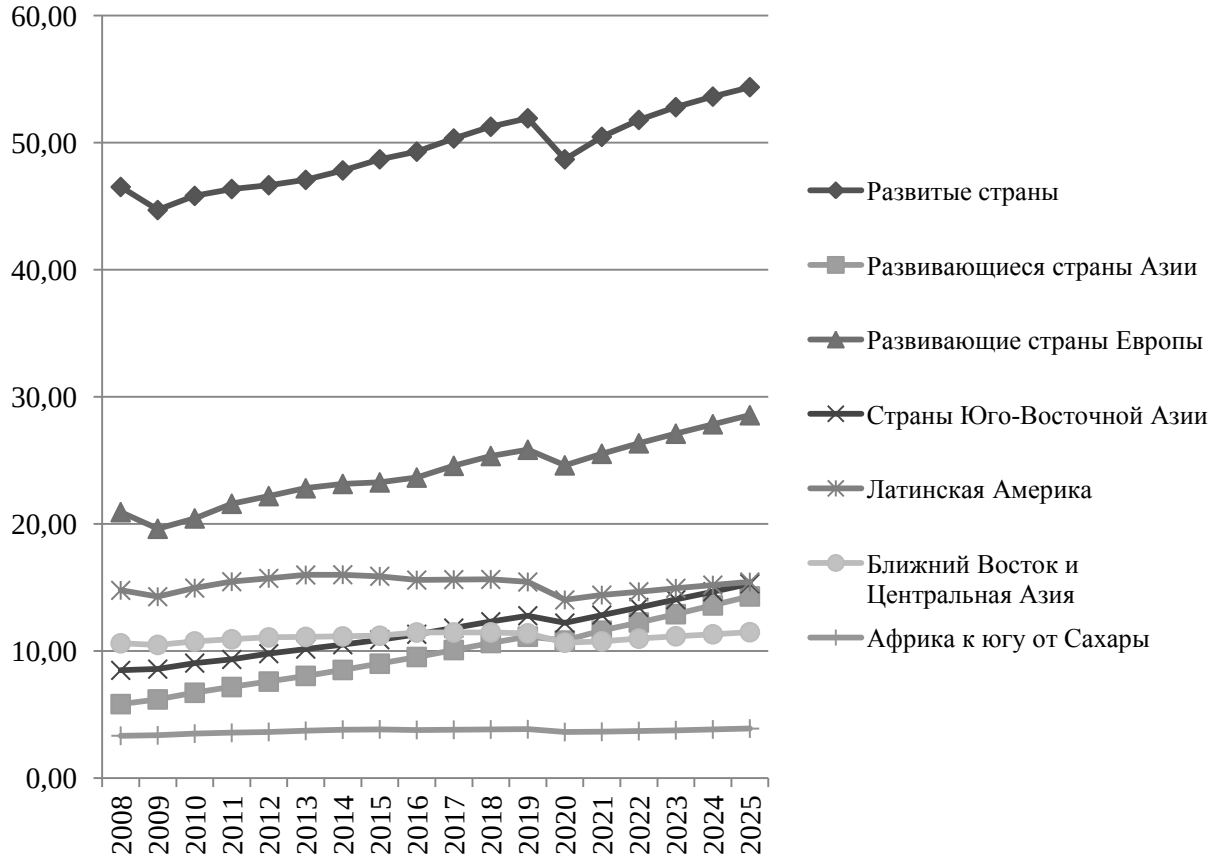

Рис. 2.16. Динамика роста ВВП на душу населения в постоянных ценах, тыс. долларов.

Источник: составлено автором на основе данных: International Monetary Fund, World Economic Outlook Database, October 2020. Gross domestic product per capita, constant prices. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/October/weo-report?a=1&c=001,110,163,119,123,998,505,511,903,205,400,603,&s=NGDPRPPPPC,&sy=2008&ey=2025&ssm=0&scsm=1&scc=0&ssd=1&ssc=0&sic=0&sort=country&ds=.&br=1.

Повышение качества жизни объективно связано с доступом к медицинским услугам и образованию. Если первое дает возможность продления жизни и более продолжительного участия в трудовой деятельности, то второе – повышает шансы на получение работы с более высокой заработной платой и далее, соответственно, приобретенная квалификация поможет в сохранении рабочего места в предпенсионный период, который по оценкам также вырастет в ближайшие десятилетия во

всех странах без привязки к социально-экономическому уровню. Изменения в системе образования, включая внедрение принципов постоянного обучения в течение жизни, приводят не только к увеличению средней продолжительности обучения взрослого населения, но и объективной необходимости осваивать новые профессии в связи с появлением новых технологий. Отсюда можно сделать вывод, что труд как фактор вклада в рост ВВП страны становится более окрашен качественным содержанием, и для развивающихся стран в связи с их усилиями по увеличению расходов на образование в структуре ВВП это является значимым двигателем экономического роста. Причем реализуемые программы касаются не только развития системы образования в конкретной стране, но и развития академической и студенческой мобильности. По причинам пандемии абсолютное большинство таких программ были остановлены, что ставит перед системой образования в развивающихся странах новые задачи – даже при сохранении дистанционного формата необходимы существенные инвестиции в качество инфраструктуры интернет-соединений.

Одними из самых значимых рисков для развивающихся стран всегда рассматривались рост безработицы, которая изначально всегда была на достаточно высоком уровне по сравнению с развитыми странами и странами, которые обладали большей устойчивостью в периоды экономических шоков (рис. 2.17). Демографические риски определяют и риски безработицы, которые осложняются необходимостью внедрять новые технологии для повышения производительности труда – и это неотвратимо влечет изменение распределения количества рабочей силы в различных отраслях экономики, порождая эффекты повышения безработицы в технологически развитых отраслях за счет большей автоматизации труда и внедрения робототехники. Естественно, роботизация достаточно дорогой процесс, и для большинства развивающихся стран он реализуется с минимальнейшей скоростью, но объективно понятно, что новые технологии

являются основой для развития промышленного производства и повышения экономического роста.

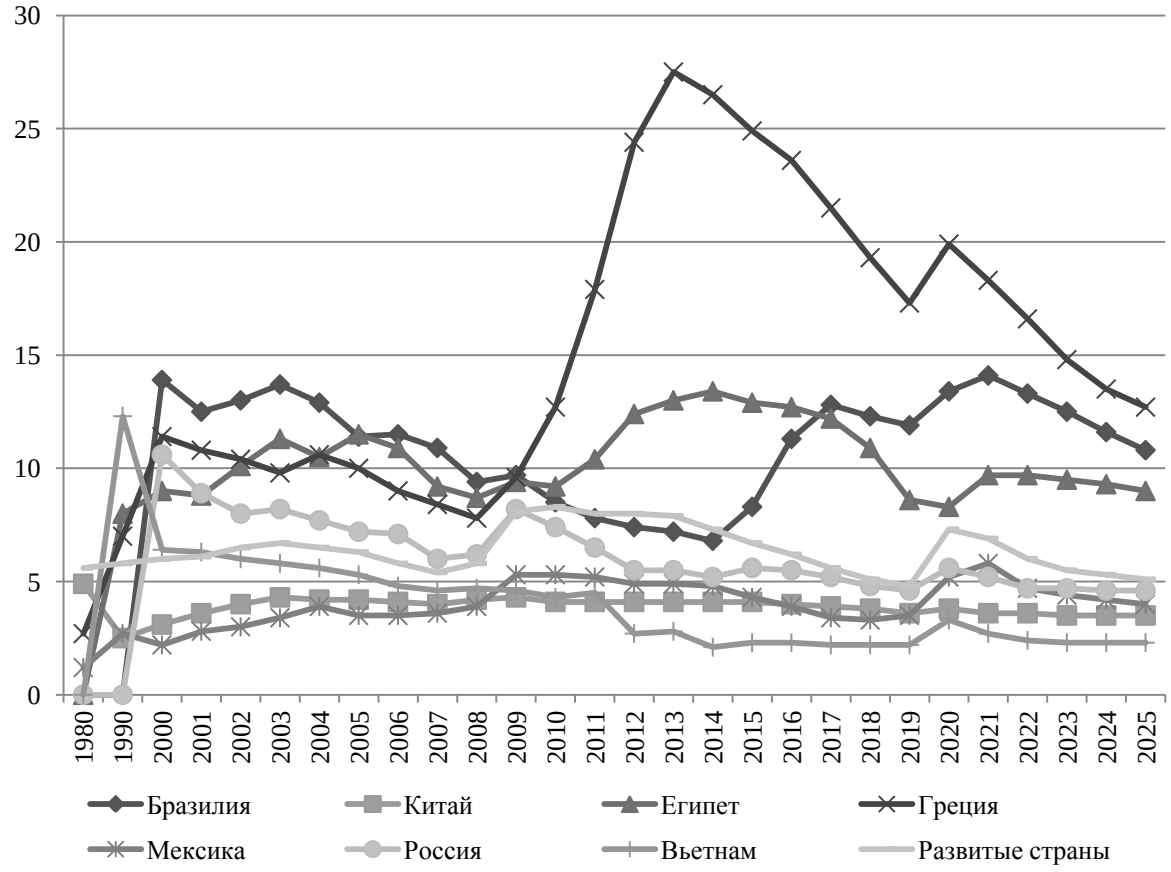

Рис. 2.17. Уровень безработицы (факт и прогноз МВФ) в отдельных странах, %.

Источник: составлено автором на основе данных: IMF. Unemployment rate (Percent). URL: https://www.imf.org/external/datamapper/LUR@WEO/ADVEC.

До 2020 г. следует говорить об улучшении ситуации с сокращением неравенства стран - с 2002 по 2019 г гг., благодаря, прежде всего, увеличению продолжительности жизни за счет внедрения механизмов большей доступности медицинских услуг и улучшения качества жизни, благосостояние стран с формирующимися рынками и развивающихся экономик выросло почти на 6% или на 1,3 п.п. выше реального роста ВВП

на душу населения, что говорит о том, что многие аспекты жизни людей улучшились [243].

Пандемийный шок 2020 г. привел мировую экономику в тупик, к падению доходов и снижению темпов экономического роста, когда страны будут неравномерно восстанавливаться в своем развитии, снижение доходов оценивается в среднем в 8% , но особенно сильно пострадали рабочие в беднейших странах мира, где достаточно большое число неформально занятых, закрылись экспортные отрасли, трудящиеся-мигранты столкнулись с ограничениями, а предприниматели-продавцы – с банкротством. Несмотря на призывы к солидарности и международной поддержке со стороны ООН, социальные задачи стали единолично решаемыми для всех стран мира, и для стран со средними и низкими доходами шок пандемии стал настоящим испытанием в поддержке населения в период кризиса и создания условий для восстановления.

Социально-экономические последствия особенно сильно ударили по странам с низким уровнем дохода, с меньшим количеством экономических ресурсов, более слабыми системами управления и ограниченными возможностями для социального дистанцирования. Помимо проблем, стоящих перед системами здравоохранения, уже возникает целый ряд социально-экономических проблем, который может только усугубиться со временем, поскольку ранее существовавшие экономические проблемы (высокий уровень внешнего долга, безработица) также были значимы для развития стран. Зависимость этих стран от глобальных обменов, замедление роста экспорта, остановка туризма оказывает значительное влияние, особенно в западноафриканских странах, где индустрия туризма только начала восстанавливаться после регионального шока Эболы[244].

---

[243] Cugat G., Narita F. How COVID-19 Will Increase Inequality in Emerging Markets and Developing Economies. URL: https://blogs.imf.org/2020/10/29/how-covid-19-will-increase-inequality-in-emerging-markets-and-developing-economies/.

[244] de Haan A. International support needed to respond to COVID-19 in low-income countries. URL: https://www.idrc.ca/en/perspectives/international-support-needed-respond-covid-19-low-income-countries.

Показательным примером отсутствия прямого соответствия между уровнем социально-экономического развития страны и решениями правительства о выплатах гражданам (рис. 2.18) в связи с падением трудовых доходов в период пандемии 2020 г. (это следует классифицировать как двойной шок неэкономического происхождения, который явился импульсом для кризисного падения темпов экономического роста), которые упали за 9 месяцев 2020 г. на 10,7%[245] (около 3,5 трлн. долларов), является то, что есть:

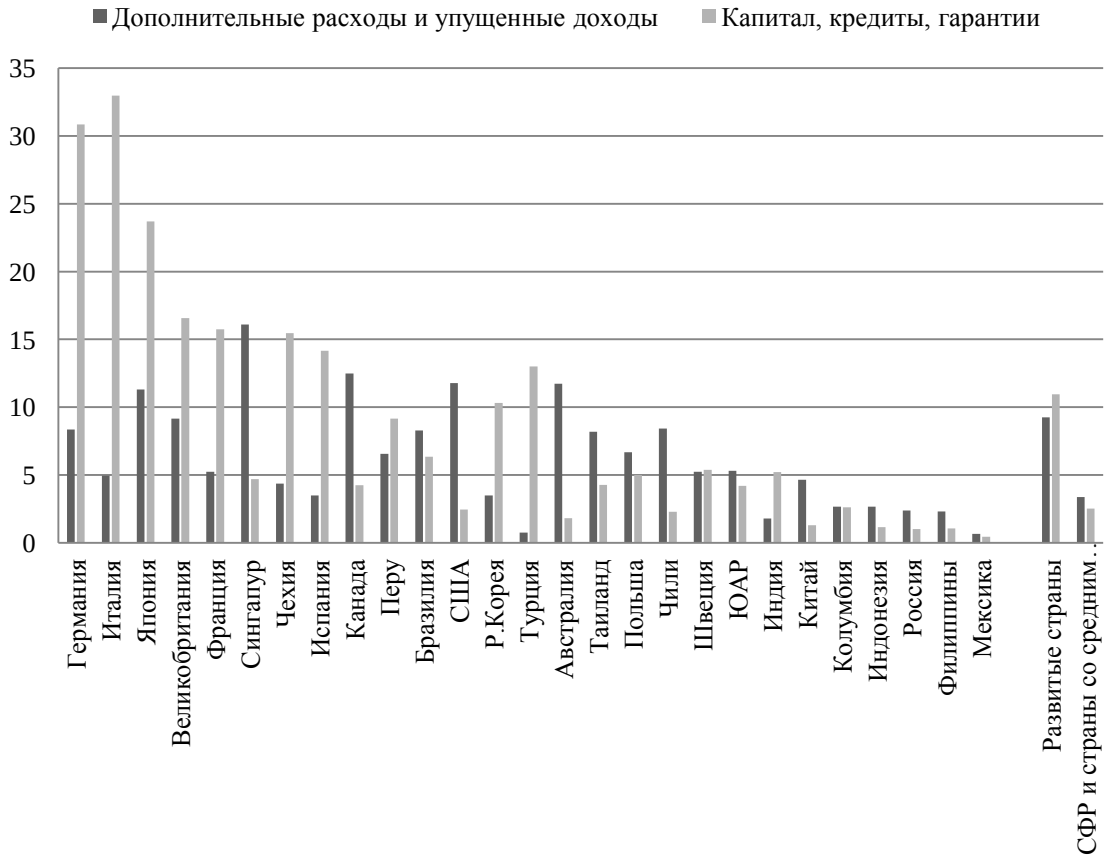

Рис. 2.18. Объем финансовой помощи и фискальных стимулов по странам в период пандемийного шока, % от ВВП по оценкам МВФ.

Источник: Обзор финансовой стабильности. Информационно-аналитический материал. II – III кварталы 2020 года. М.: Банк России, 2020.

а) страны, компенсировавшие более 50% потерянных доходов (США, Западная Европа, Турция, Саудовская Аравия, Чили, Уругвай, Габон,

[245] Koop A. Mapping Global Income Support During COVID-19. URL: https://www.visualcapitalist.com/mapping-global-income-support-during-covid-19/.

Бенин). В данной группе как страны-мировые лидеры, так и страны с низким уровнем дохода – это связано с существенным ростом уровня безработицы (к примеру, только в США она выросла с 3,7% до 8,9% в период с 2019 по 2020 г.). При этом отметим, что по прогнозу Международного валютного фонда до 2025 г.[246], ситуация должна восстановиться и уровень безработицы будет снижаться как в развитых, так и в развивающихся странах;

б) страны, компенсировавшие менее 50% потерянных доходов граждан (Россия, Италия, Китай, Австралия, ЮАР и др.). Так, в Южной Африке один из самых высоких уровней безработицы в мире (37%), поэтому финансовая помощь государства была более чем востребована вследствие еще большей потери рабочих мест в период пандемии;

в) страны, не оказавшие поддержку гражданам (большинство стран Африки, Индия, Бразилия, Белоруссия, Казахстан и др.) – в основном, это страны с низким и ниже среднего уровнем дохода, где падением доходов в период пандемии усилилось до 15,1%. Развивающиеся страны, как правило, испытывают значительный дефицит финансовых стимулов, в котором они не имеют возможности компенсировать потерю доходов или рабочих мест. По оценкам Международной организации труда, странам с низким и ниже среднего уровнем дохода потребуется дополнительно вложить в свою экономику 982 млрд. долларов для достижения того же уровня финансового стимулирования, что и странам с высоким уровнем дохода.

2.3.8. Технологические риски

Развитие технологий, как правило, расценивается экспертами как благо для экономики, тем более, если речь идет о модернизируемых экономиках. Если сделать экскурс в историю успеха азиатской модели

[246] IMF. Unemployment rate (Percent). URL: https://www.imf.org/external/datamapper/LUR@WEO/ADVEC.

развития (Японии, Китая, Южной Кореи, Тайвань), то они основаны на следующих положениях:

- индустриализация экономики с ориентацией на экспорт промышленных товаров, поскольку работа только на внутренний рынок не даст значительного рывка в экономическом росте;

- использование преимуществ в виде низких ставок оплаты труда в промышленности;

- реализации необходимых структурных сдвигов при нарастании преобладания промышленного сектора над исторически превалировавшим сельским хозяйством с учетом большей экономической эффективности первого;

- благоприятствование развитию как национального бизнеса, так и приходу международных компаний.

Но с другой стороны, развитые страны также ориентированы на поддержание темпов экономического роста, потому и последние 10 лет происходят процессы новой индустриализации, т.е. возвращение производства из развивающихся стран в развитые страны, но при этом это производство уже оснащено новыми прогрессивными технологиями, что повышает ВВП товаров с высокой добавленной стоимостью этих стран. В тоже время развивающиеся страны, подобно развитым 40 лет назад, видят свое дальнейшее развитие в деиндустриализации, так и не достигнув достаточного уровня доходов на душу населения. Страны становятся постиндустриальными на низком уровне развития, либо стопорится процесс первичной индустриализации, и переток рабочей силы из аграрного сектора перенаправляется сразу в сферу услуг. Либо эти два процесса сочетаются[247]. Поэтому развитие технологий, помимо собственно недостатка (или фактически отсутствия) инновационного потенциала и достаточного уровня финансирования исследований и разработок, достаточно заторможено при

[247] Зотин А. Тупиковая ветвь развития. Как технический прогресс остановил рост экономики в бедных странах // Коммерсантъ, 2018, 17 февраля. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3533278.

общеглобальном тренде. Технологические новинки при этом более доступны в развивающихся странах для населения с доходами выше средних по стране, таким образом еще более усиливая неравенство.

Технологические риски для стран с модернизируемой экономикой связаны с возможным повышением безработицы вследствие распространения роботизации и автоматизации. Если сами национальные предприятия не готовы реализовывать такие дорогостоящие технологические изменения, то транснациональные компании видят в этом все больше экономических и этических преференций. Очевидно, что риски технологической безработицы вполне реальных для развивающихся стран, тем более что постоянные флуктуации на рынке труда происходят в странах независимо от уровня социально-экономического развития. Эксперты прогнозируют больший рост технологической безработицы в развитых странах, где автоматизация может затронуть в среднем 57% рабочих мест, и некоторые профессии могут вообще исчезнуть[248].

Несмотря на дороговизну собственных решений и/или приобретения робототехники для стран с модернизируемой экономикой, тем не менее, следует отметить вполне отчетливый тренд постепенного внедрения новой техники в производство и в сфере услуг (судя по закупкам робототехники (рис. 2.19) – такие страны, как Индия и Мексика приближаются по объему приобретения роботов к Франции, а Китай на протяжении последнего десятилетия остается самым крупным покупателем робототехники в мире, опережая Японию в 2,8 раза и Германию в 7 раз), включая появление новых профессий или замену существующих профессий. При этом конечно обостряется вопрос квалификации кадров – новые технологии требуют обучения или переобучения, а в целом современное производство – это уже сфера для высококвалифицированного труда.

[248] Arntz M., Gregory T., Zierahn U. The risk of automation for jobs in OECD countries: A comparative analysis. OECD Social, Employment, and Migration Working Papers, 2016, № 189.

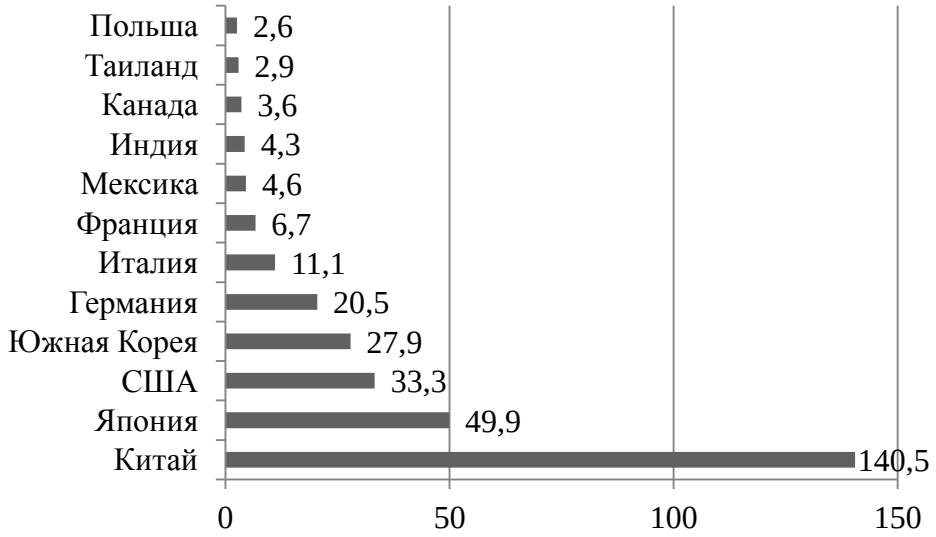

Рис. 2.19. Закупки робототехники по странам в 2019 г., тыс. ед.

Источник: составлено автором на основе данных: WorldRobotics2020. IFR Press Conference, 24th September 2020. URL: https://ifr.org/downloads/press2018/Presentation_WR_2020.pdf.

В связи с этим вполне реален больший уклон в сторону развития сферы услуг как отрасли с возможностью обеспечения большей занятости населения в странах с модернизируемой экономикой. Вполне традиционные сектора сферы услуг еще не трансформировались и не требуют кардинального технологического обновления, но такие сектора как IT-услуги или финансовые услуги сейчас требуют максимально обновленных знаний и опыта, что ставит под вопрос развитие именно данных секторов в экономике развивающихся стран (исключение, безусловно, есть – Индия и Китай).

По оценкам экспертов PWC[249], темпы догоняющего роста в среднем по миру будут приближаться к годовым темпам роста 1,5% от общего разрыва в производительности факторов производства с США, хотя ранее академические исследователи оценивали рост в 1-2% в год[250]. При этом в некоторых странах (Индия, Индонезия и Бразилия) прогнозируются более

[249] PWC. The World in 2050 – Summary report. The Long View: How will the global economic order change by 2050. URL: https://www.pwc.com/gx/en/world-2050/assets/pwc-the-world-in-2050-full-report-feb-2017.pdf.

[250] Miles D., Scott A. Macroeconomics and the global business environment. John Wiley & Sons, 2004. 346 p.

медленные темпы технического прогресса в краткосрочной перспективе, но темпы догоняющего роста ускорятся в долгосрочной перспективе по мере укрепления институциональной базы этих стран. Следует отметить, что такие оценки не учитывают последствия возможных глобальных шоков разного происхождения (кстати, более вероятно именно неэкономическое происхождение шоков) в долгосрочной перспективе, которые способны обнулить весь рост, который сформирован странами с модернизируемой экономикой в течение среднесрочного периода. Также не предполагается, что страны с модернизируемой экономикой будут способны создать прорывные технологии, которые способны кардинальным образом изменить превосходство текущих технологических лидеров в мире.

Еще одни принципиально важный момент в оценке технологических рисков – это тот вклад, который можно получить в виде роста производительности в экономике (также и при понимании наличия парадокса производительности, выделенного еще Р. Солоу[251] и сейчас активно исследуемом в научной литературе[252],[253]). Согласно ранее проведенной нами систематизации шоков (п. 2.2 диссертации), технологические изменения могут вызвать технологический шок как позитивный вариант распространения новых технологий в экономике и обществе – например, внедрение инфокоммуникационных и цифровых технологий способно повысить производительность труда во многих отраслях экономики.

[251] Solow R. Technical change and the aggregate production function // Review of Economics and Statistics, 1957, vol. 39, no. 3, pp. 312-320. DOI: 10.2307/1926047.
[252] Acemoglu D., Autor D., Dorn D., Hanson G.H., Price B. Return of the Solow Paradox? IT, Productivity, and Em-ployment in US Manufacturing // American Economic Review: Papers & Proceedings, 2014, vol. 104, no. 5, pp. 394-399.
[253] Brynjolfsson E. The productivity paradox of information technology // Communications of the ACM, 1993, vol. 36, no. 12, pp. 66-77.

2.3.9. Риски цифровизации

Цифровизация является самым ярким явлением настоящего времени, которое не просто меняет сложившиеся процессы в жизни человека и общества, но и с большой скоростью способствует структурным сдвигам в экономике. Распространение цифровых технологий, несмотря на очевидные преимущества, можно считать определенным шоком, имеющим разные последствия для стран с разной готовностью к таким прорывным изменениям. Безусловно, катализатором цифровизации стала также и пандемия 2020 г., когда бизнес и правительства вынуждены были быстро приспосабливаться к изменившимся условиям и вводить новые правила. Тем не менее, развитие, например, цифровых финансовых технологий или электронной коммерции позволило фактически выжить и бизнесу и гражданам.

Тем не менее, цифровизация невозможна без достаточной инфраструктуры и проникновения интернета – страны с модернизируемой экономикой рассматривают эти вопросы как первоочередные, решения которых позволят им как повысить уровень жизни граждан, так и приблизиться к желаемым целям глобальной конкурентоспособности. И как любое изменение, цифровизация имеет также и негативные оценки, ведь она может привести к неравным результатам в образовании, возможностях и доступе к здравоохранению и финансовым услугам[254]. Автоматизация более активно начинает уничтожать рабочие места – значит, требуется переобучение граждан; в целом же цифровизация становится определенным фактором усиления социального и экономического неравенства стран, особенно стран с низкими доходами.

Оценку уровня цифровизации стран можно сделать на основе рейтингов и индикаторов, имеющих международное признание:

---

[254] Bhatt G. The Haves and Have-nots Of the Digital Age. URL: https://blogs.imf.org/2021/03/01/the-haves-and-have-nots-of-the-digital-age/.

- International Digital Economy and Society Index (I-DESI) для стран Европейского союза, включая оценку по уровню подключенности, человеческому капиталу, использованию интернета, интеграции цифровых технологий, цифровым государственным услугам;

- индекс цифровизации экономики в версии компании BCG (E-intensity), оценивающий развитие инфраструктуры, онлайн-расходы и активность пользователей, использование Интернет компаниями, потребителями и государством;

- «Глобальный индекс сетевого взаимодействия» в версии компании Huawei (GCI - Global Connectivity), учитывающий прогресс крупнейших стран мира в области перехода на цифровые технологии по уровню развития цифровых технологий, характеристикам рыночных компетенций участников;

- мировой рейтинг цифровой конкурентоспособности (World Digital Competitiveness Ranking) в версии IMD World Competitiveness Center (WCC) формируется на основе 50 критериев, позволяющих измерить потенциал и оценить готовность стран принять и исследовать цифровые технологии в качестве ключевого фактора экономических преобразований в бизнесе, правительстве и обществе в целом.

Не концентрируясь на конкретных странах, понимая, что все высокие позиции занимают развитые страны мира, следует признать, что доступность интернета является одним из основных факторов цифровизации в странах с модернизируемой экономикой. Данные (рис. 2.20) показывают, что самые весомые успехи были продемонстрированы Россией, Китаем, Бризилией, Мексикой, Турцией, что дает возможность им претендовать на более высокие места в рейтинге стран по объему ВВП и существенно повышать качество жизни граждан (при абстрагировании влияния пандемийного шока 2020 г.).

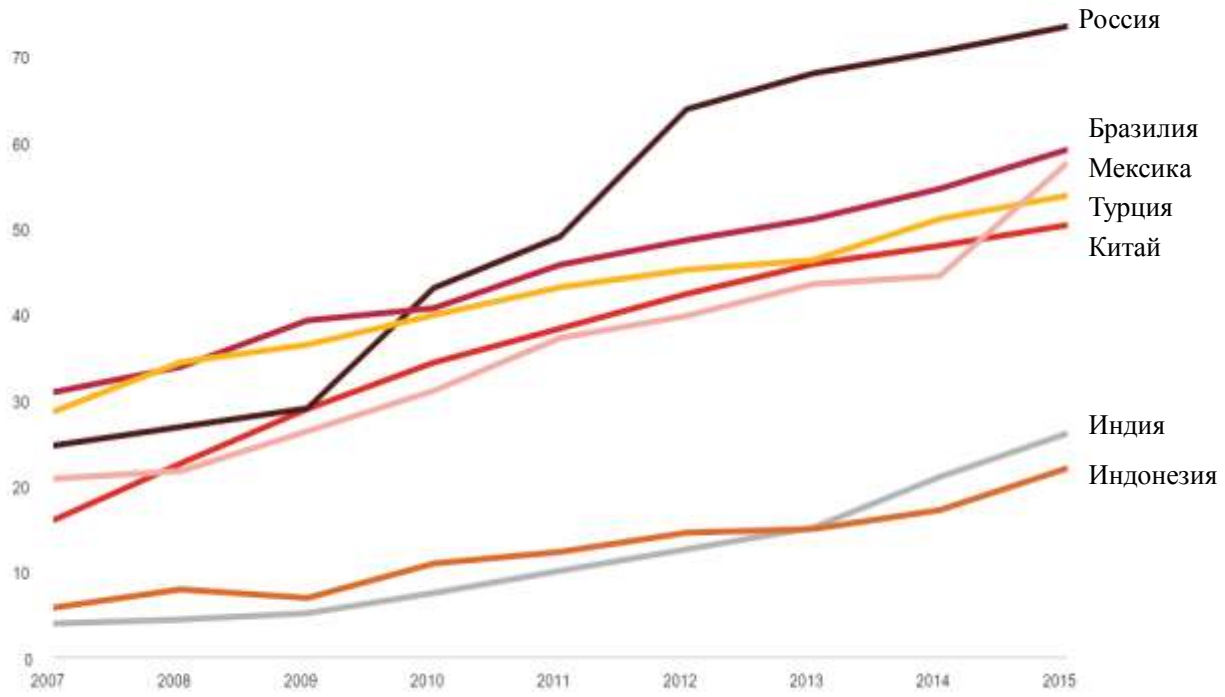

Рис. 2.20. Рост пользователей Интернет в странах с модернизируемой экономикой, чел. на 100 человек.

Источник: PWC. The World in 2050. Full Report. URL: https://www.pwc.com/gx/en/world-2050/assets/pwc-the-world-in-2050-full-report-feb-2017.pdf.

Однако, развитию цифровой экономики препятствуют вполне традиционные факторы для экономик, которые находятся в режиме модернизации, даже несмотря на хорошие темпы и объемы подключения граждан к интернету и повышение скоростей – это нехватка подготовленных кадров (почти 18,8% респондентов в России отмечают это[255]), нормативно-правовые барьеры, финансовые проблемы, развитие информационной инфраструктуры.

Особенно значимо стало обращение к оценке доступности интернета в связи с пандемийным шоком 2020 г., когда в абсолютном большинстве стран взрослые были вынуждены перейти на удаленную работу, а школьники и студенты – на дистанционное обучение. Здесь вскрылось особенно ярко неравенство в цифровой доступности – ведь, согласно отчету

[255] Барьеры в развитии цифровой экономики в субъектах Российской Федерации. Аналитический доклад, ноябрь 2019. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/25838.pdf.

UNICEF и Международного союза электросвязи (ITU)[256], в мире 2,2 млрд. детей и молодых людей в возрасте 25 лет не имеют доступа к Интернету. Еще до локдауна только 5% детей и молодых людей в Западной и Центральной Африке имеют доступ в Интернет дома по сравнению со средним глобальным показателем в 33%. Различия между развитыми странами и странами с низкими доходами более значительны: только 6% детей и молодых людей в странах с низким уровнем дохода имеют доступ к Интернету по сравнению с 87% в странах с высоким уровнем дохода (рис. 2.21).

Рис. 2.21. Доля детей и молодых людей до 25 лет имеющих подключение Интернет дома в 2020 г., %.

Источник: составлено автором на основе данных: UNICEF, 2020. How many children and young people have internet access at home? URL: https://data.unicef.org/resources/children-and-young-people-internet-access-at-home-during-covid19/.

Возникновение и распространение рисков цифровизации связано с технологическими факторами, прежде всего: обеспечение доступа в интернет, технологии связи физических и юридических лиц с информацией и поставщиками разных услуг (коммерческих, финансовых, государственных, социальных и т.п.), технологии и инфраструктура для

[256] UNICEF, 2020. How many children and young people have internet access at home? URL: https://data.unicef.org/resources/children-and-young-people-internet-access-at-home-during-covid19/.

хранения и обработки больших объемов цифровых данных (облачные вычисления, машинное обучение, технология распределенных бухгалтерских книг и биометрические технологии), киберзащита. Данные технологические факторы несут конкретные угрозы в виде развития использования искусственного интеллекта (вследствие непроработанности правовой базы, прежде всего, и необходимости обеспечивать максимальный уровень кибербезопасности, поскольку искусственный интеллект может стать новым видом оружия), возможности информационных и кибервойн, распространения дезинформации или заведомо ложной информации в массовых объемах и каналах, включая политическое вмешательство и кибератаки при проведении выборов, острый дефицит в специалистах информационной безопасности.

Необеспечение данных факторов конкретными технологиями и инструментарием сведет на нет все усилия по распространению в странах цифровизации как положительного процесса. Страны должны наращивать инвестиции в цифровые технологии и инфраструктуру, при этом понимая своей главной задачей – создание общественной ценности из цифровизации.

2.3.10. Риски цифровых финансов

Сейчас уже абсолютно определенно, что распространение цифровизации всего привело к трансформации финансовой системы как глобальной, так и каждой страны в мире. Традиционные финансовые системы, которые придерживались годами отработанным практикам и классическому представлению о денежно-кредитной политике, сейчас находятся в авангарде изменений. Этому способствует также и глобальные шоки последних 12 лет, когда монетарная политика государства стала одним из определяющих инструментов антикризисного регулирования.

Очевидно, что в независимости от социально-экономического уровня развития стран, мы можем фиксировать распространение электронных

кошельков, криптовалют и уже государственных цифровых валют, поскольку начинается период их признания государствами как официальной денежной единицы. Очевидно эти новые финансовые инструменты серьезно потеснят традиционные банки и существенно видоизменят финансовую систему мира, создавая не только возможности, но и угрозы. Кстати, глобальный пандемийный шок только усилил эти процессы, хотя сам и имел неэкономический источник происхождения. Цифровые технологии значительно упростили расчеты при покупках ограниченных в передвижениях граждан, а мобильные приложения увеличили набор финансовых услуг, включая переводы денежных средств физическим лицам и компаниям, кредитование, инвестирование, торговлю криптовалютами.

Глобализация и уникальные условия, сформированные в 2020 г., подтвердили необходимость нового платежного инструмента для осуществления расчетов в режиме он-лайн, с минимальной комиссией и по возможности без посредников. Идея о цифровой валюте стала все более актуальной, и, по оценкам Всемирного банка, порядка 20% из 66 центробанков разных стран (и развитых и развивающихся) рассматривают возможность введения государственных цифровых валют в ближайшие шесть лет[257].

На сегодня в следующих странах уже запущены национальные цифровые валюты как дополнительные формы денег: Дубай (Emcash), Венесуэла (El Petro/Petro Moneda), Эстония (Estcoin), Швеция (E-Krona), Япония (J-Coin). Иран, Индия, Китай, Израиль и многие другие страны[258] пытаются применить новую технологию для создания государственной цифровой валюты. В Китае уже запущено тестирование цифровой валюты

[257] World Bank Group. Committee on Payments and Market Infrastructures. Payment aspects of financial inclusion in the fintech era. April 2020. URL: https://www.finextra.com/finextra-downloads/newsdocs/d191.pdf

[258] Mahtani S. Carrie Lam’s Problem and Ours: China’s State-Backed Digital Currency // American Affairs, 2021, Spring / vol. V, no. 1. URL: https://americanaffairsjournal.org/2021/02/carrie-lams-problem-and-ours-chinas-state-backed-digital-currency/.

DC/EP (англ. digital currency/electronic payment ― цифровая валюта/электронный платеж). Выпуском актива занимаются четыре госбанка: Agricultural Bank of China, Industrial and Commercial Bank of China, Bank of China и China ConstructionBank[259] – здесь хорошо видна отраслевая заинтересованность, учитывая макроэкономическую политику этой страны. Россия также рассматривает данный вопрос о цифровом рубле как дополнительной форме национальной валюты и не заменяющей наличные денежные средства[260].

Если сформулировать преимущества, то они лежат в следующих плоскостях:

- для государства: возможность снижения затрат на обработку наличных денег, с учетом масштаба территорий страны при организации расчетов на отдаленных, малонаселенных и труднодоступных территориях – увеличение объемов транзакций, что будет способствовать росту ВВП; необходимость разработки программного обеспечения, сервисов и приложений, информационной инфраструктуры может стимулировать собственные разработки, т.е. поддерживать отечественных специалистов в инновационной деятельности; внедрение государственной цифровой валюты может повысить и упростить собираемость налогов вплоть до 100%, а также повысить прозрачность и контроль бюджетных расходов;

- для граждан: расширение спектра финансовых услуг, включая ведение сберегательных счетов и доступ к кредитованию, в целом повышение финансовой доступности;

- для бизнеса: расширение платежных возможностей и процедур, включая цифровые кошельки, а также развитие цифрового бизнеса вплоть до создания экосистем;

---

[259] Аксельрод А. Как государственные цифровые валюты изменят нашу жизнь. URL: https://vc.ru/finance/128259-kak-gosudarstvennye-cifrovye-valyuty-izmenyat-nashu-zhizn.

[260] Банк России. Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций. URL: https://www.cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble/.

- формирование механизма государственных защиты цифровых валют в отличие от криптовалют, которые неоднозначно оцениваются как финансовый актив специалистами и экспертами;

- для стран с определенными проблемами на геополитической арене национальная цифровая валюта может выступать как решение в виде свободно конвертируемой валюты в условиях санкций как в отношении отдельного государства, так и в отношении конкретных компаний.

Однако есть и угрозы, которые нужно учитывать и выработать механизмы противодействия:

- для государства (центральных банков стран) имеется необходимость противодействовать лидирующим мировым компаниям, которые предъявляют свои требования по организации платежей внутри страны, - в этом случае задача государства видится в формировании альтернативы такому доминированию в виде некоторой резервной копии платежной системы, которая может работать автономно и может быть встроена в мировую финансовую систему;

- центральные банки должны взять на себя дополнительную технологическую функцию и даже стать технологической компанией для обеспечения работы цифровой валюты;

- необходимость учета и противодействия кибератакам и случайным сбоям программного обеспечения, которые неизбежны вследствие природы цифровых технологий и распространяемых данных;

- необходимость противодействия преступным, незаконным механизмам и процессам отмывания денежных средств и финансирования терроризма;

- для банковского бизнеса вследствие ухода клиентов в цифровую среду возможно снижение объема привлеченных средств, что автоматически приведет к снижению объемов доступного кредитования вследствие традиционной специфики банковского бизнеса;

- частные инвесторы будут привлечены более выгодными параметрами цифровых валют других стран, поэтому возникнет проблемная ситуация для национального центрального банка в осуществляемом им денежно-кредитной политике через регулирование процентных ставок по активам в национальной валюте;

- ужесточение требований к финансово-кредитным учреждениям (банкам), поскольку именно центральный банк, эмитировавший цифровую валюту, становится единственным владельцем базы данных и портала для всей платежной системы в стране, непосредственно обращаясь практически к каждому пользователю в экономике, вплоть до потребителей и малых и средних предприятий, и управляя подавляющим большинством внутренних платежных потоков[261].

[261] The Group of Thirty. DIGITAL CURRENCIES AND STABLECOINS. Risks, Opportunities, and Challenges Ahead. Washington, D.C. July 2020. URL: http://bmcenter.ru/users/3078/photos/editor/doc/G30_Digital_Currencies.pdf.

ГЛАВА 3. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВА И КОРПОРАЦИЙ В ПРЕОДОЛЕНИИ ПОСЛЕДСТВИЙ ШОКОВ

3.1. Методологический подход к идентификации последствий глобальных шоков и их влияния на экономику стран и корпораций

Идентификация сущности и видов глобальных шоков, которые представлены в п. 2.2 диссертации, позволяет далее, в соответствии с целью и задачами диссертационного исследования, обратиться к тому, какие последствия следует ожидать от глобальных шоков для экономических систем разного уровня (прежде всего, для страны и для корпораций как важных экономических агентов), оказывающихся под ударом шоков и способных предпринять значимые действия для постепенного или быстрого выхода, в зависимости от степени влияния, глубины проникновения и распространения и локализации шока, а также осуществляющих последовательность определенных действий для сокращения ущерба от последствия глобальных шоков или уменьшения затрат на восстановление функционирования элементов или подсистем.

Последствия глобального шока[262] сегодня наиболее ярко можно проследить на примере современной глобальной пандемии[263], которая как глобальный шок неэкономического происхождения вызвала не просто кризис общественного здравоохранения, но и серьезно повлияла на мировую экономику и финансовые рынки. Она стала источником для нарастания нарушений спроса и предложения в мировой экономике, фактически приобретая характер самовоспроизведения из глобального шока других типов шоков, прежде всего, шока спроса, шока

[262] Chudik A., Mohaddes K., Pesaran H.M., Raissi M., Rebucci A. Economic consequences of Covid-19: A counterfactual multi-country analysis // VoxEU.org, 19.10.2020. URL: https://voxeu.org/article/economic-consequences-covid-19-multi-country-analysis.

[263] Carlsson-Szlezak P., Reeves M., Swartz P. What Coronavirus Could Mean for the Global Economy // Harvard Business Review, 03 March, 2020. URL: https://hbr.org/2020/03/what-coronavirus-could-mean-for-the-global-economy.

предложения. Значительное сокращение доходов, рост безработицы и перебои в работе транспорта, сферы услуг и обрабатывающей промышленности являются одними из последствий мер по смягчению последствий болезней, которые были приняты во многих странах. И поскольку вспышки болезней вряд ли исчезнут в ближайшем будущем, необходимы активные действия правительств стран в рамках антикризисных стратегий и международные действия, направленные не только на спасение жизней, но и на защиту экономического процветания.

Последствия глобального шока могут быть теоретически идентифицированы в следующих параметрах:

- экономические последствия (падение ВВП, снижение рыночного спроса на отдельные товары и услуги, снижение выручки компаний, увеличение банкротств, инфляция, перебои в поставках в отдельных отраслях экономики, сжатие производства, временная приостановка деятельности компаний или закрытие, снижение потребительского спроса и потребительских расходов в экономике, падение инвестиций в основной капитал, снижение бюджетных поступлений, удорожание текущих расходов ведения предпринимательской деятельности, разрыв торговых связей);

- социальные (сокращение рынка труда и повышение безработицы, увольнения вследствие закрытия или приостановки деятельности предприятий, снижение доходов населения, увеличение социальных разрывов, демографические проблемы, повышение преступности; снижение внутристрановой и межстрановой мобильности);

- финансовые (падение финансовых рынков, процентное регулирование, падение курсов национальных валют, рост сбережений в связи с повышением рисков, банкротства, неустойчивость банковской системы, спекуляции на финансовых рынках, неплатежи кредиторов);

- политические (нарастание межгосударственных конфликтов, торговые войны, смена политического курса или правящей партии,

зависимость от большого внешнего государственного долга, необходимость ускоренных реформ);

- экологические (природная катастрофа, нарушение экобаланса, рост затрат на возмещение ущерба, негативное влияние на человека);

- и др.

Одним из самых существенных последствий глобального шока, по нашему мнению, следует считать возникновение риска рецессии с экономики, т.е. зарождение кризиса (при этом это может происходить даже в том случае, если глобальный шок имеет неэкономическое происхождение). Это вызвано уязвимостью экономики в независимости от их уровня социально-экономического развития. Риск рецессии может быть:

- обоснован классическим представлением о цикличности развития экономики, когда за бумом инвестиций вследствие времени следует спад экономических процессов;

- подкреплен финансовым дисбалансом, возникшем в сильных экономиках и распространяющемся на остальные страны, или неправильной денежно-кредитной и экономической политикой правительств;

- появляется вследствие серьезного нарушения в функционировании экономики, вызванного сбоем в процессах, обеспечивающих ее устойчивость, что ведет к нарастанию кризиса и спаду в экономике.

Далее определимся с возможными траекториями реагирования на проникновение глобального шока в экономические процессы, понимая, что данные процессы сопряжены с неопределенностью будущего, продолжительности и масштабов последствий. Так, очевидно, что следующие траектории и, соответственно, состояния экономической системы возможны к появлению:

1) благоприятная траектория – для экономической системы глобальный шок становится драйвером развития, благодаря ее устойчивости к внешним воздействиям и способности сохранить связи между элементами в исходном или обновленном вариантах;

2) негативная траектория – для экономической системы глобальный шок становится драйвером разрушения, что определяется потерей свойства устойчивости и постепенной или быстрой потерей связей между элементами и подсистемами, что ведет к потере сбалансированности и в конечном счете система приходит к завершению своего функционирования;

3) нейтральная траектория – для экономической системы глобальный шок не оказывает значимого давления, она адаптируется под влиянием проявлений шока, благодаря внутренней устойчивости, что приводит к появлению у системы эмерджентности (т.е. новых свойств), возможно принятия новых элементов или подсистем для сохранения устойчивости и продолжения адаптации;

4) реактивная траектория – для экономической системы глобальный шок ощутим, и, благодаря предпринимаемым действиям по сохранению качества функционирования элементов и связей между ними, она стремится сохранить равновесие и устойчивость;

5) проактивная траектория – для экономической системы очевидно наличие рисков для появления и нарастания влияния глобального шока, что она заранее предпринимает действия для защиты элементов и связей между ними, пытаясь обеспечить устойчивость при реальном проявлении шока.

Представленная типология траекторий проникновения глобального шока и влияния на процессы в экономических системах позволяет идентифицировать возможности использования этих траекторий реагирования для разного типа экономических систем – для страны и для корпорации (табл. 3.1). Также следует отметить, что при возникновении и проникновения разного типа шока (прежде всего, для большей обоснованности нами используется типология по источнику происхождения) страной или корпорацией будут применяться разные траектории в зависимости от характера действия шока и вероятности разрушения экономической системы в принципе (очевидно, что для страны такая вероятность близка к нулю).

Таблица 3.1. Применимость траекторий реагирования на проникновение глобального шока в разных типах экономических систем.

	Глобальный шок экономического происхождения		Глобальный шок неэкономического происхождения	
Типы траекторий	Страна	Корпорация	Страна	Корпорация
благоприятная траектория	✓	✓	✓	✓
негативная траектория		✓		✓
нейтральная траектория	✓	✓		
реактивная траектория		✓	✓	✓
проактивная траектория	✓		✓	✓

Источник: разработано автором.

Преодоление последствий глобальных шоков также может носить разнонаправленный характер, включая распространение процессов восстановления, прежде всего по скорости и амплитуде. По нашему мнению, следует выделить следующие типы динамики преодоления последствия глобальных шоков в совокупности с выбором разработанных выше траекторий реагирования на их проникновение (рис. 3.1 – 3.6):

1) постепенное, нормальное преодоление с незначительными провалами в устойчивости экономической системы и ее восстановлении;

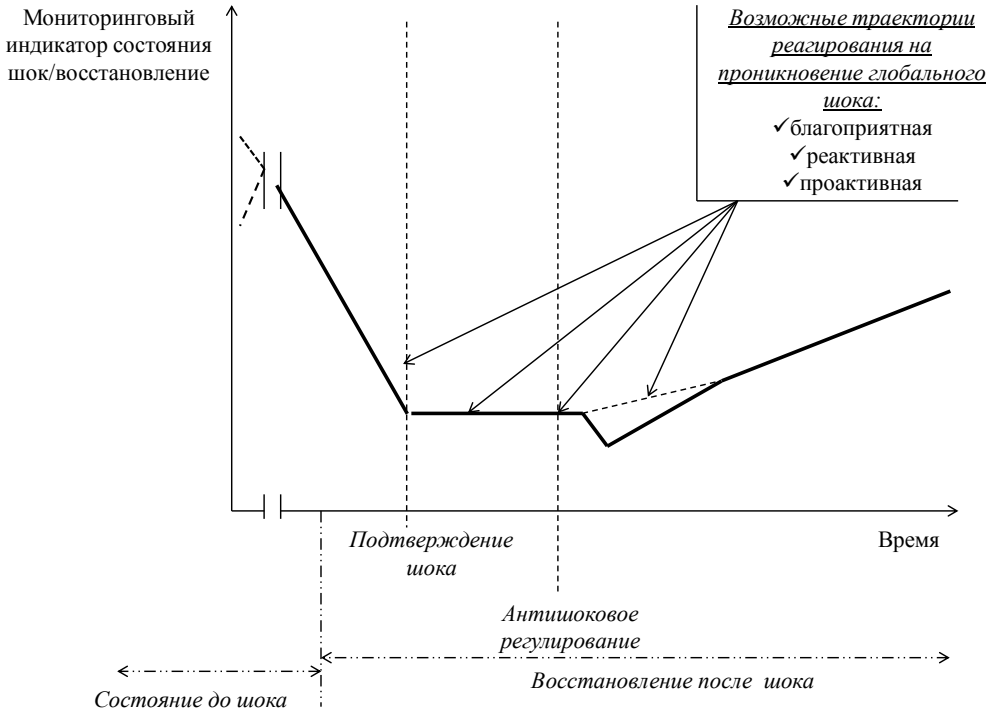

Рис. 3.1. Постепенное, нормальное преодоление глобальных шоков.
Источник: разработано автором.

2) постепенное преодоление с отдельными, достаточно длительными по времени провалами в устойчивости и отсрочке в ее восстановлении;

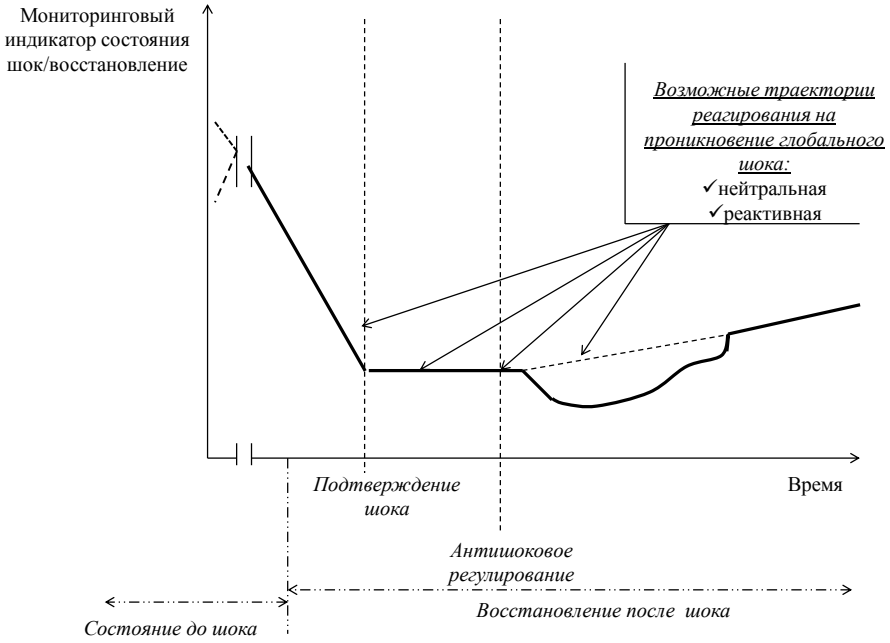

Рис. 3.2. Постепенное преодоление глобальных шоков.
Источник: разработано автором.

3) постепенное преодоление с провалами в устойчивости экономической системы средней продолжительности и более быстрым восстановлением, чем в 2-ом типе динамики, но более медленным, чем в 1-ом типе динамики;

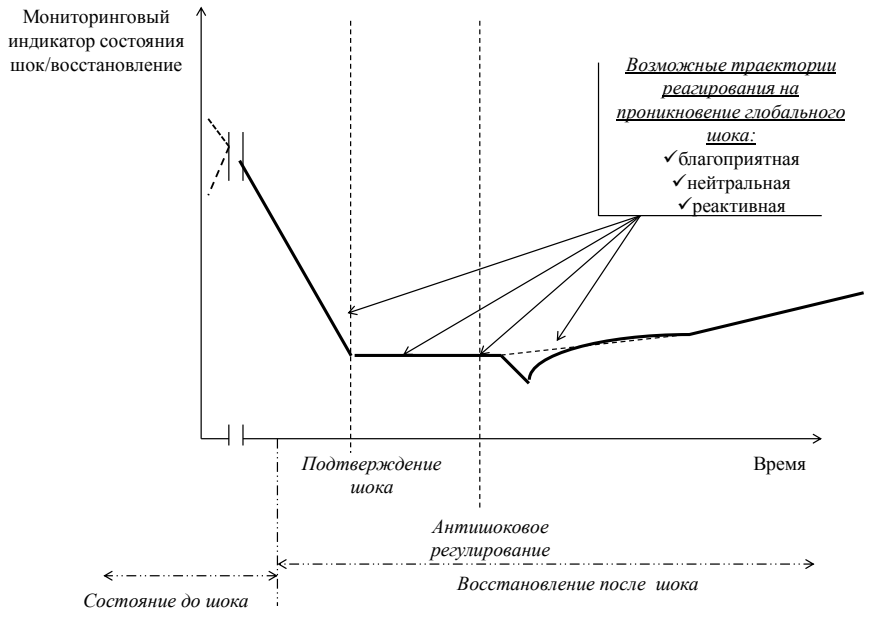

Рис. 3.3. Постепенное преодоление глобальных шоков с провалами.
Источник: разработано автором.

4) преодоление с разнонаправленными эффектами сохранения устойчивости экономической системы, в целом положительного тренда на восстановление функционирования;

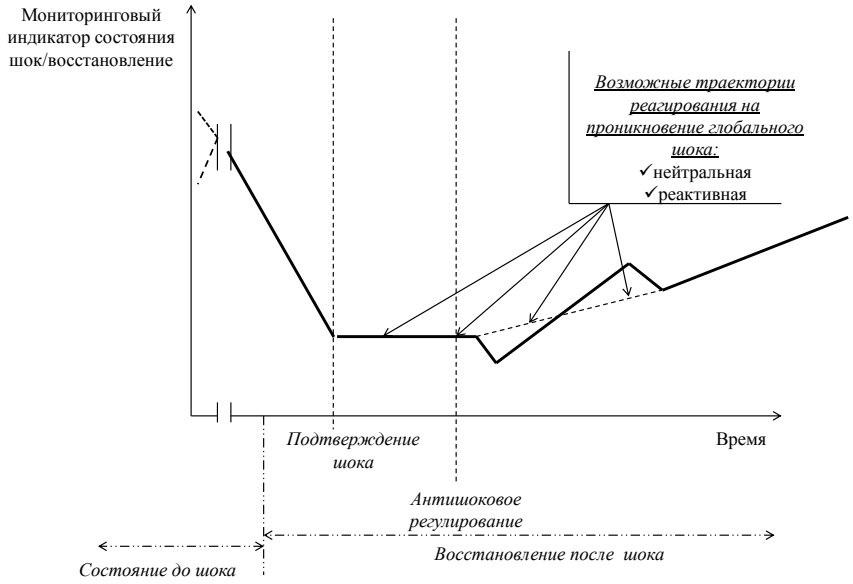

Рис. 3.4. Преодоление глобальных шоков с разнонаправленными эффектами.
Источник: разработано автором.

5) преодоление с повторяющимися волнами провалов в устойчивости экономической системы, которые уменьшаются с каждым этапом прохождения последствий, и в целом ориентированы на длительное восстановление функционирования;

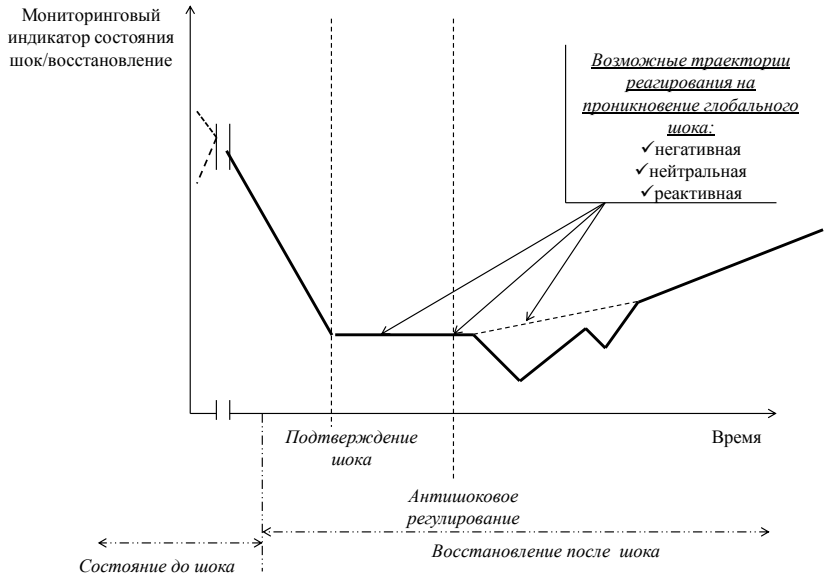

Рис. 3.5. Преодоление глобальных шоков с повторяющимися провалами.
Источник: разработано автором.

6) преодоление с длительно продолжающимися негативными последствиями даже при реализации поддерживающих мероприятий и не сопровождающееся конкретными перспективами о восстановлении функционирования.

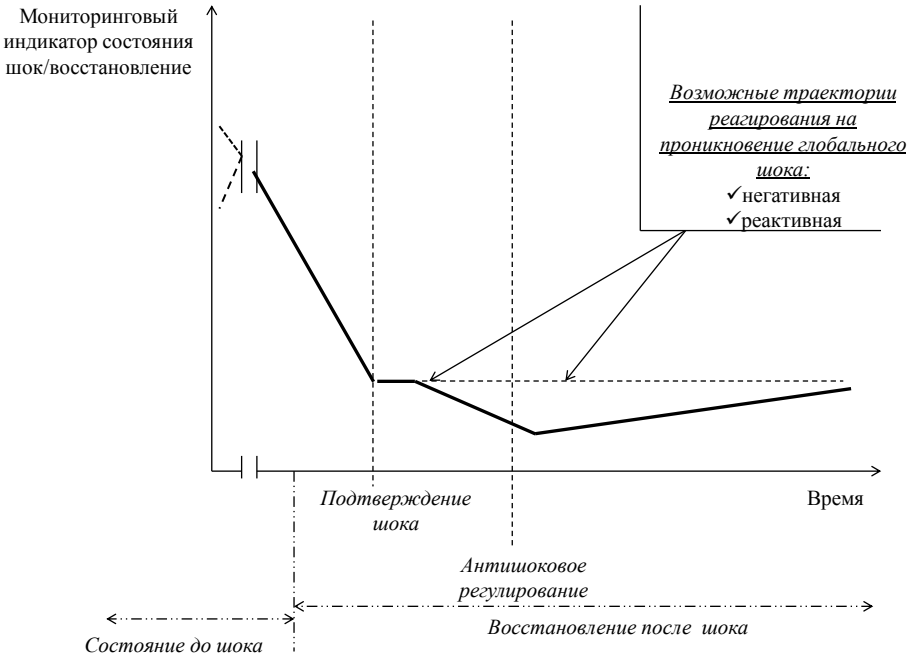

Рис. 3.6. Преодоление глобальных шоков с негативными последствиями.

Источник: разработано автором.

Идентификация глобального шока должна быть осуществлена в соответствии с выбранными макроэкономическими индикаторами (для стран) и показателями экономической безопасности (для компании). При этом следует учесть определенные рекомендации и опыт разных стран – чаще всего, используются так называемые опережающие индикаторы (биржевые индексы; количество новых заявок на пособия по безработице и средняя продолжительность рабочей недели в обрабатывающей промышленности; количество новых заказов потребительские товары; инвестиции в основной капитал; изменение запасов произведенных товаров; индекс цен на промышленные товары; объемы кредитов населению и организациям), для значений которых устанавливаются нормальные, критические зоны показаний, при попадании в которые можно судить о

влиянии негативных событий на соответствующий индикатор. Для компаний, как правило, индикаторами наступления кризисных событий становится, прежде всего, падение выручки, вследствие чего далее нарастают проблемы с финансовой дисциплиной, т.е. рост кредиторской задолженности и снижение объемов собственных оборотных средств.

Именно имеющий место в настоящее время глобальный шок неэкономического происхождения – пандемийный шок – достаточно отчетливо показал не только влияние на экономику, но и в целом на жизнь общество, приведя к проявлению различного типа кризисов и на практике установив новые зависимости – как краткосрочный шок может стать драйвером структурных сдвигов в экономике стран, более облегченному переходу на новые прогрессивные технологии и комбинированию вариантов как антикризисного управления со стороны государств, так и поиску механизмов долгосрочного восстановления экономики.

В период действия глобального шока неэкономического происхождения (пандемия) 2020 года отчетливо проявились угрозы выживанию ранее хорошо функционировавших предприятий и, следовательно, процветанию и благополучию экономики и общества в целом. В данный период объективно возникают вопросы относительно роли и влияния, которое корпоративное управление может иметь для поддержки эффективного реагирования компаний на нынешний шок и вызванный им кризис.

В этой связи имеет место необходимость обоснования связей между государственным и корпоративным управлением в период противостояния последствиям глобальных шоков (рис. 3.7). Раскроем далее авторское видение этой взаимосвязи.

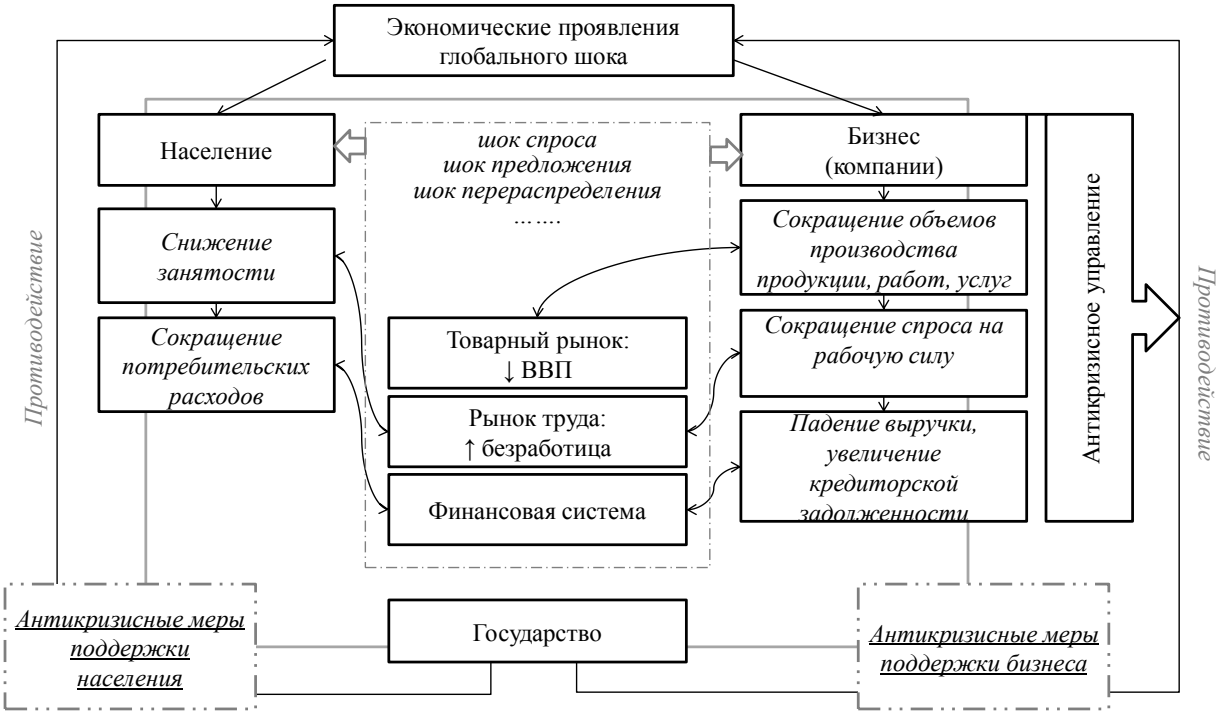

Рис. 3.7. Взаимосвязь государственного и корпоративного управления в процессах преодоления последствий глобальных шоков.

Источник: разработано автором.

По нашему мнению, самыми уязвимыми элементами экономической системы государства объективно являются население и бизнес. Население чаще всего подвержено влиянию шока спроса вследствие падения потребительских расходов на товары и услуги (причем, это также и сказывается на спросе на товары первой необходимости) – этот шок может быть поддержан нестабильной ситуацией на рынке труда, который в свою очередь вызван финансовыми и организационными проблемами в деятельности компаний-работодателей. Ели организационные проблемы проявляются, как правило, в нарушениях поставок сырья и материалов или сбоев в сбыте продукции, то финансовые – в целом в возможности усугубить зависимость от кредиторов, включая нехватку собственных финансовых средств или ограничение доступа (в силу долговой нагрузки) к заемным средствам. В этой связи государство выступает гарантом поддержки устойчивости функционирования макроэкономической системы, за счет содействия устойчивости рынка труда, функционирование бизнеса

(как минимум недопущение банкротств) и отдельно финансовой системы страны как источника расходов на поддержание системы. Хотя и тут есть определенная дилемма – если государство предпринимает также в совокупности с институциональными механизмами и программы финансовой поддержки – то финансирование расходов должно компенсироваться определенной устойчивостью налоговой политики и потенциалом суверенных фондов (если таковые рассматриваются государством не только для поддержки развития, но и как источник финансовых ресурсов для текущего финансирования).

Следовательно, управление последствиями глобальных шоков представляется совокупность интегрированных механизмов государственного и корпоративного управления с учетом возможных принимаемых траекторий реагирования.

Учитывая выявленные в п. 2.1 диссертации основные характеристики шоков и тезис о том, что шок экономического происхождения, как правило, имеет негативный эффект для экономики и может повлечь шок спроса, шок со стороны предложения, валютный шок (как утрата доверия к финансовой системе) и стать источником для формирования глобального шока. Тогда традиционными составляющими в рамках государственной политике по противодействию нарастания кризиса в экономике выступают:

- денежно-кредитная политика, которая направлена на регулирование инфляционных процессов (таргетирование) и поддержку темпов экономического роста за счет регулирования процентной ставки, а также в отдельных случаях – на регулирование валютного курса и оценку угроз вследствие наращивания внешнего государственного долга (хотя таковое может быть затруднительно для стран с модернизируемой экономикой или испытавших разрушительное влияние шока);

- налоговая (фискальная) политика, обеспечивающая формирование государственного бюджета, расходы которого включают не только финансирование текущих задач, но и незапланированных расходов на

поддержание устойчивости экономики в период значительных экономических потрясений (отметим также, что усиление мобилизации внутренних ресурсов страны является одной из целей устойчивого развития ООН);

- промышленная политика, направленная на формирование сбалансированной структуры экономики и стимулирование экспорта;

- внешнеэкономическая политика как возможности принятия временной финансовой помощи от надгосударственных структур (МВФ, банков развития и т.п.), которые, как правило, устанавливают определенные требования к реструктуризации экономики страны на основе проведения реформ для повышения эффективности экономики, включающих приватизацию, изменение секторов государственного регулирования или изменения в налоговой политике.

Со стороны корпораций мерами по противодействию последствий глобального шока в экономике чаще всего выступают инструментарий антикризисного управления, включая большее внимание системе оперативного управления компанией и введение новых (или корректировка) правил и положений для усиления управления рисками, усиленный контроль за финансовым состоянием и исполнением обязательств – перед персоналом по оплате труда, перед налоговыми органами, по кредитам и займам, перед поставщиками и другими контрагентами. Это позволяет, с одной стороны, сохранить устойчивость компании как экономической системы или постепенно выводить из состояния неустойчивости, соблюдая контроль за уровнем доходов, с другой стороны, - для государства доходы бизнеса важная задача в части реализации бюджетной политики – ведь доходы бизнеса являются налогооблагаемой базой по федеральным налогам.

Так, согласно данным ВЭБ.РФ[264], в России доходы бизнеса за счет оптимизации налоговой политики и стабилизации выплат заработной платы способны поддержать рост ВВП около 1,6%, при этом рост доходов бизнеса может быть обеспечен на 2,1% ВВП за счет механизма кредитных гарантий от государства и снижения налогового бремени и/или отсрочки по налогам (рис. 3.8). Эти меры направлены как на поддержку бизнеса, так и поддержку населения, конечной задачей которых является восстановление потребительских расходов и инвестиционных процессов.

Рис. 3.8. Потенциальное влияние антикризисных мер государства на рост ВВП.

Источник: Российская экономика в условиях пандемии и возмущений на рынках углеводородов. М.: ВЭБ, Институт исследования и экспертизы, июль 2020. 44 с. – с. 13.

Таким образом, реализация антикризисных мер поддержки со стороны государства в отношении бизнеса – важная часть подтверждения взаимосвязи с государственным и корпоративным управлением в период противостояния последствиям глобальных шоков.

Глобальный шок, свидетелями которому мы стали в 2020 году, стал показательным в отношении еще большей структуризации параметров таких сложных явлений:

1) существенны (или даже разрушительны) для экономики не только шоки экономического происхождения, но и шоки неэкономического

[264] Российская экономика в условиях пандемии и возмущений на рынках углеводородов. М.: ВЭБ, Институт исследования и экспертизы, июль 2020. 44 с.

происхождения, и это еще раз подтверждает хрупкость мировой экономики и подверженность рискам;

2) наложение глобального шока на восходящую волну шестого длинного кондратьевского цикла создает принципиально новый процесс стимулирования распространения его технологических драйверов (прежде все, цифровых технологий и всего, что с ними связано);

3) проявления глобального шока подтверждают не просто существенность экономических последствий, но и взаимовлияние и взаимозависимость между социальными, политическими, технологическими и экологическими рисками.

Следовательно, важно создать механизмы, которые позволят организовать процессы восстановления, которые сами в дальнейшем создадут потенциал устойчивости к глобальным шокам. Эти механизмы должны быть ориентированы на решение комплекса задач, включая оптимизацию налогообложения бизнеса и населения, активизацию функций социальной защиты и борьбы с неравенством, экологическую направленность и, обязательно, использование возможностей международного сотрудничества в преодолении последствий шоков и создании системы реагирования и взаимопомощи в рамках цивилизованного развития ради будущего.

3.2. Структурные изменения в экономике как реакция на глобальные шоки: роль государства и стратегии бизнеса

Как было показано в п. 2.1, структурные изменения, как правило, сопровождают процессы восстановления экономики страны и включают как положительные проявления, которые способны усилить потенциал восстановления экономической системы и устойчивого роста, так и сформировать предпосылки к ее разрушению или негативной динамике.

Глобальный шок, вызванный пандемией COVID-19 (рассматриваем его как глобальный шок неэкономического происхождения) уже сформировал прецедент комплексных изменений в структуре экономики практически всех стран, но при этом мы отмечаем соответствующее подтверждение ранее зафиксированных последствий пандемий прошлых периодов[265] (хотя отдельные авторы критикуют подобные сравнения[266]). Прежде всего, следует отметить падение темпов роста мирового ВВП, которые различались как по типам пандемий, так и по динамике восстановления (рис 3.9), при этом число жертв в пандемию 1918 г. было более 675 тыс. чел., 1958 г. – около 116 тыс. чел., 2002 г. – 286 чел. По состоянию на 18 марта 2021 г. число жертв пандемии COVID-19 составило 2,7 млн. чел.[267], при этом по оценкам ОЭСР падением ВВП в мире в среднем составило -3,4%[268], что близко к показателям 1917 г., но некорректно в сравнении в связи с возможностью увеличения числа жертв.

Испанка (1918 г.) H2N2 (1958 г.) SARS (2002 г.)

Рис. 3.9. Динамика темпа роста ВВП в периоды до и после пандемий.

Источник: адаптировано автором на основе данных: Carlsson-Szlezak P., Reeves M., Swartz P. What Coronavirus Could Mean for the Global Economy // Harvard Business Review, 03 March, 2020. URL: https://hbr.org/2020/03/what-coronavirus-could-mean-for-the-global-economy.

[265] Baker S.R., Bloom N., Davis S.J., Kost K., Sammon M., Viratyosin T. The Unprecedented Stock Market Reaction to COVID-19. URL: https://policyuncertainty.com/media/StockMarkets_COVID.pdf.

[266] Donadelli M., Ferranna L., Gufler I., Paradiso A. Using past epidemics to estimate the macroeconomic implications of COVID-19: A bad idea! // Structural Change and Economic Dynamics, 2021. DOI: 10.1016/j.strueco.2021.03.002.

[267] ТАСС. Смертность из-за коронавируса в мире достигла максимума за пандемию. URL: https://tass.ru/obschestvo/10505233.

[268] Global Economic Effects of COVID-19. Congressional Research Service. R46270, version 64, 2021. URL: https://fas.org/sgp/crs/row/R46270.pdf

Если провести сравнение последствий двух глобальных шоков, но имеющих разное происхождение, то имеет место наличие некоторых расхождений именно в проявлении последствий шока – мы констатируем определенные различия вызванные, прежде всего, изменившейся ситуацией после финансового кризиса и так и не состоявшимся полным восстановлением экономики, а также более активным проникновением цифровых технологий, которые кардинально обновили их значение для экономики и общества (табл. 3.2).

В итоге следует констатировать, что экономические последствия, вероятно, будут различаться в разных странах, отражая различия в сроках и степени мер сдерживания – однозначно, это еще и определяется тем, насколько сильно пострадала экономика в этих странах.

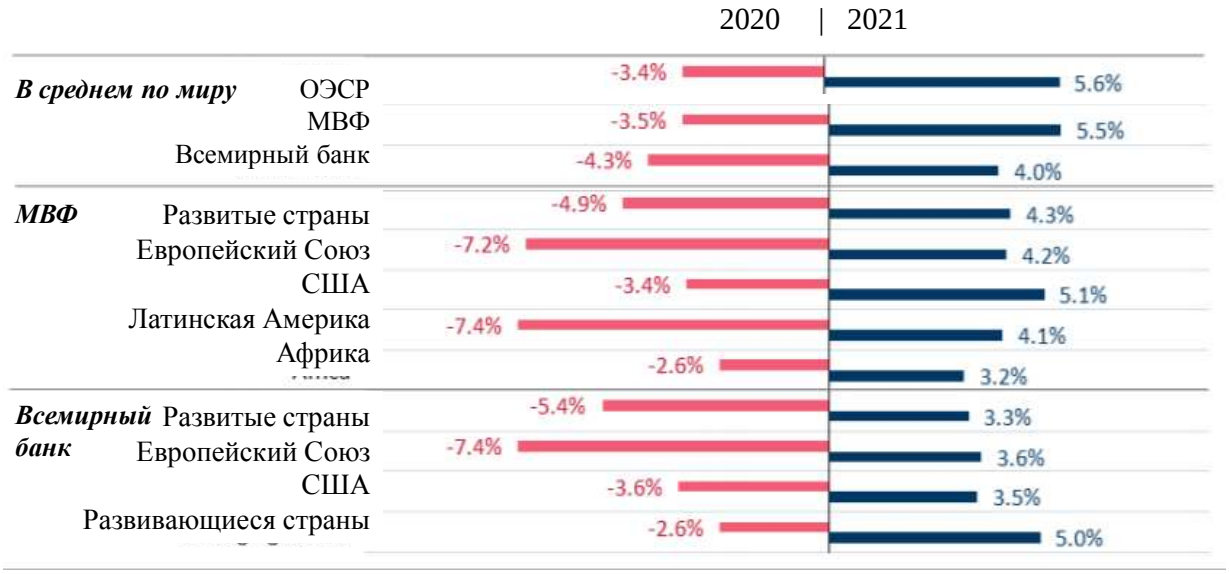

Рис. 3.10. Прогнозные оценки по темпам роста ВВП в 2020-2021 гг.

Источник: составлено автором на основе данных: Global Economic Effects of COVID-19. Congressional Research Service. R46270, version 64, 2021. URL: https://fas.org/sgp/crs/row/R46270.pdf; IMF. World Economic Outlook, Update, International Monetary Fund, January 26, 2021. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/01/26/2021-world-economic-outlook-update; World Bank. 2021. Global Economic Prospects, January 2021. URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/34710.

Таблица 3.2. Сравнение последствий отдельных глобальных шоков.

Последствия глобального шока	Финансовый кризис 2008-2009 гг.	Пандемия Covid-19 2020 г.
Падение мирового ВВП	-1,7%	-4,3%
Настроения в обществе	Финансовые потери	Угроза жизни
Ограничения	На финансовые операции	На физическое перемещение
Глобализационные процессы	Формирование глобальных цепочек поставок	Разрушение глобальных цепочек поставок, больший сдвиг к децентрализации и локализации
Политические процессы	Разрозненность проявления финансовых проблем для каждой страны	Единение в силу общей угрозы жизни человечества
Денежно-кредитная политика	Программы восстановления экономики	Программы антикризисной поддержки населения и бизнеса
Изменение на рынках труда	Безработица вследствие банкротств компаний	Максимальный переход на удаленный формат работы, безработица вследствие приостановки деятельности или закрытия компаний вследствие локдауна
Изменение бизнес-моделей компаний	Постепенное, эволюционное внедрение инфокоммуникационных технологий в деятельность компаний	Цифровизация всего, начиная от оцифровки данных и до цифровизации всех процессов (производство, закупки, продажи, взаимодействие с клиентами)
Налоговая политика государства	Не имеет приоритета	Страны пересматривают налоговое законодательство, исходя из принятых антикризисных мер для поддержки бюджетных расходов
Стимулирование внедрения новых технологий	Относительная приостановка в связи с опасением потери доходов орт новых финансовых технологий	Максимальное распространение, начиная от массового перехода к онлайн-продажам до электронного обучения и искусственного интеллекта в здравоохранении
Сопутствующие шоки	Шок спроса	Шок спроса и шок предложения, шок перераспределения

Источник: составлено автором.

При этом большинство экспертов и ученых[269] отмечают, что есть существенные контрасты между двумя последними самыми разрушительными глобальными шоками. Прежде всего, несмотря на

[269] De Grauwe P., Ji Y. A tale of three depressions // Voxeu.org, 24.09.2020. URL: https://voxeu.org/article/tale-three-depressions.

неэкономическое происхождение пандемийного шока, эксперты продолжают мониторить банковские риски и оценивать риски входа в рецессию, которые достаточно показательны. Например, для России, также как и для других стран мира, присутствует негативная динамика ВВП, при этом отмечается позитивное повышение уровня бизнесуверенности в России и одновременно рост индикатора OECD для США[270]. Анализ значений опережающего индикатора входа в рецессию для России хоть и показывает высокое значение 0,85 на конец 2020 г., однако следует отметить недостижение этим индикаторов критических значений, характерных для глобального кризиса 2009 г. и локального кризиса 2016 г. (рис. 3.11).

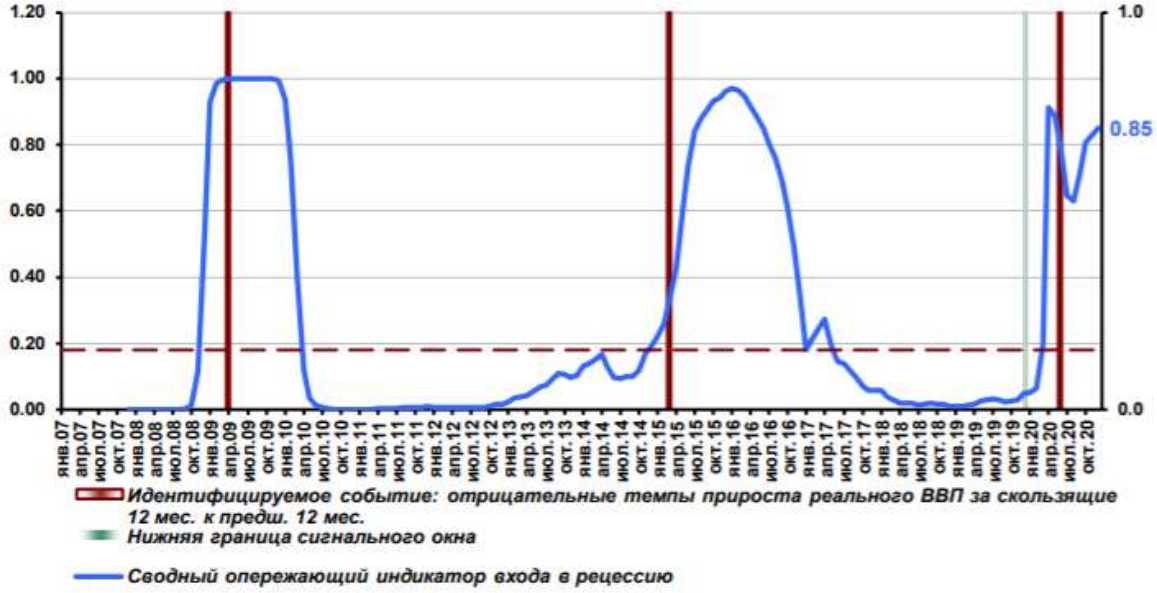

Рис. 3.11. Прогнозные оценки по темпам роста ВВП в 2020-2021 гг.

Источник: Что показывают опережающие индикаторы системных финансовых и макроэкономических рисков? (по данным статистики на 01.01.2021). Центр макроэкономического анализа и долгосрочного прогнозирования. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analitics/SOI/SOI_february_2021.pdf.

Еще одним показательным трендом следует считать более быстрое восстановление промышленного производства в период постпандемийного

[270] Что показывают опережающие индикаторы системных финансовых и макроэкономических рисков? (по данным статистики на 01.01.2021). Центр макроэкономического анализа и долгосрочного прогнозирования. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analitics/SOI/SOI_february_2021.pdf.

шока, когда начали снимать ограничения и постепенно открывать производства и торговые точки (рис. 3.12), – это происходило намного быстрее, чем в период финансового кризиса.

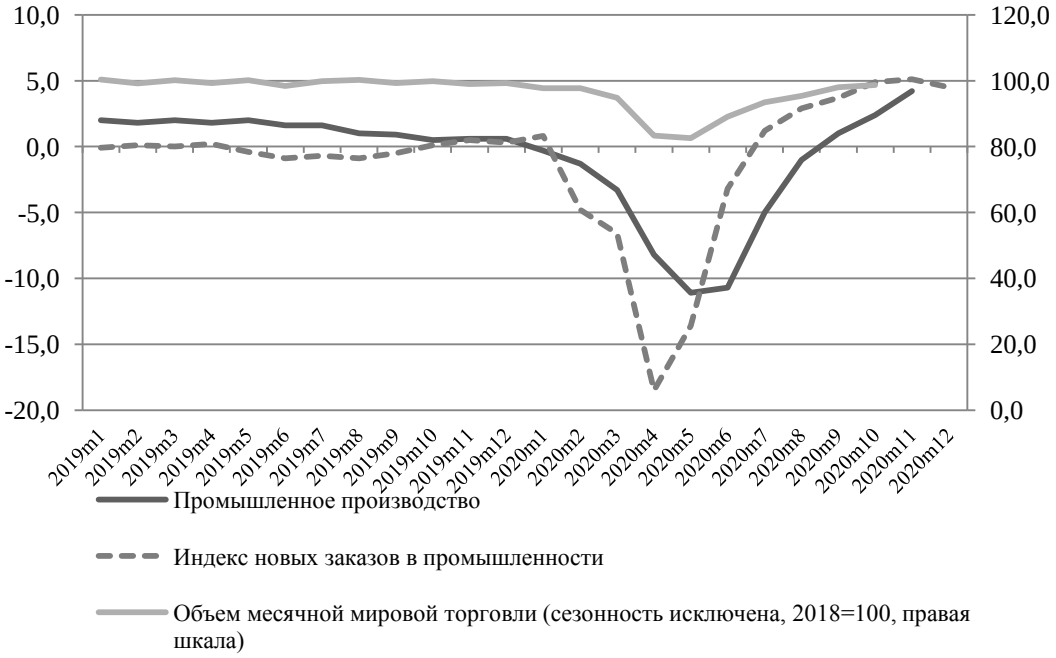

Рис. 3.12. Изменение общемировых индикаторов, трехмесячная скользящая средняя, %.

Источник: адаптировано автором на основе данных: IMF. World Economic Outlook, Update, International Monetary Fund, January 26, 2021. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/01/26/2021-world-economic-outlook-update

И в этом можно видеть, очевидно, преимущества более активного вмешательства правительств стран в своеобразное возрождение экономики вследствие реализации мер антикризисной поддержки бизнеса (кредитные программы, включая для целей выплаты заработной платы, налоговые каникулы) и населения (денежные выплаты) (табл. 3.3) – таким образом, компаниям помогли не доводить свое состояние до банкротств, а гражданам – сохранить покупательскую способность.

Таблица 3.3. Элементы антикризисных мер государственной поддержки в период пандемии 2020 г. в странах с модернизируемой экономикой.

Меры	Бразилия	Китай	Индия	Мексика	Россия
Поддержка населения					
Целевые трансферы	✓	✓	✓		✓
Другие меры поддердки расходов	✓	✓	✓		✓
Субсидии на заработную плату	✓	✓			✓
Снижение налогов	✓	✓	✓		✓
Отсрочка уплаты налогов	✓	✓	✓	✓	
Поддержка бизнеса					
Отсрочка уплаты налогов	✓	✓	✓	✓	✓
Поддержка ликвидности	✓	✓	✓	✓	✓
Снижение налогов	✓	✓	✓		✓
Целевые трансферы	✓	✓			✓

Источник: составлено автором на основе данных: Global Economic Effects of COVID-19. Congressional Research Service. R46270, version 64, 2021. URL: https://fas.org/sgp/crs/row/R46270.pdf.

Причем следует отметить, что правительства стран более активно сосредоточились на разработке антикризисных мер поддержки, в отличие от финансового кризиса 2008-2009 гг., когда банки были достаточно уязвимы, как и финансовая система государств, – в этом проявилось и некоторое единение (учитывая рекомендации МВФ), а также осознание глобальности проблемы. Одновременно с этим, исследователи отмечают, что страны с модернизируемой экономикой накопили определенную степень устойчивости своих финансовых систем, включая стабильность банковского сектора в части кредитования бизнеса и частного сектора, работу фондового и страхового рынка, что позволило им воспользоваться финансовыми возможностями для осуществления мер поддержки (рис. 3.13).

Тем не менее, глобальный шок привел к обострению двух взаимозависимых проблем особенно для модернизируемых экономик, которые предпринимали усилия по повышению устойчивости, - проблема безработицы и влияния пандемии на отдельные значимые для экономики сектора.

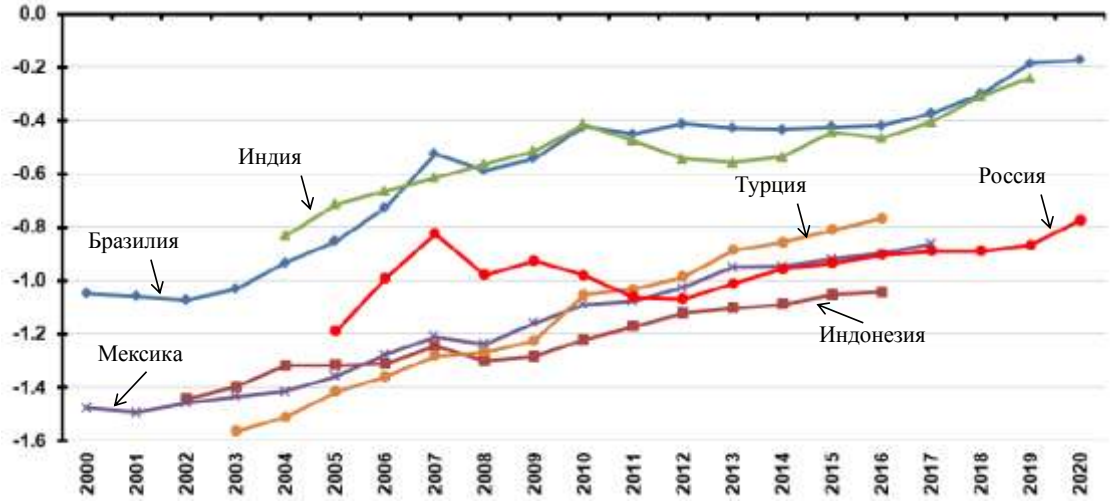

Рис. 3.13. Сводный индекс финансового развития.

Источник: Solntsev O., Pankova V., Akhmetov R. Post-crisis development: is there too much finance? URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/Soln/Post_Covid_Finance_CMASF-E.pdf.

По оценкам, около 81% экономически активного населения мира столкнулись с проблемами занятости[271] - ведь во многих странах был объявлен карантин, что ограничило работу бизнеса и спровоцировало часть закрыться, что привело к росту безработицы (как показано на примере России, которая показала незначительный рост безработицы при существенном падении ВВП – рис. 3.14).

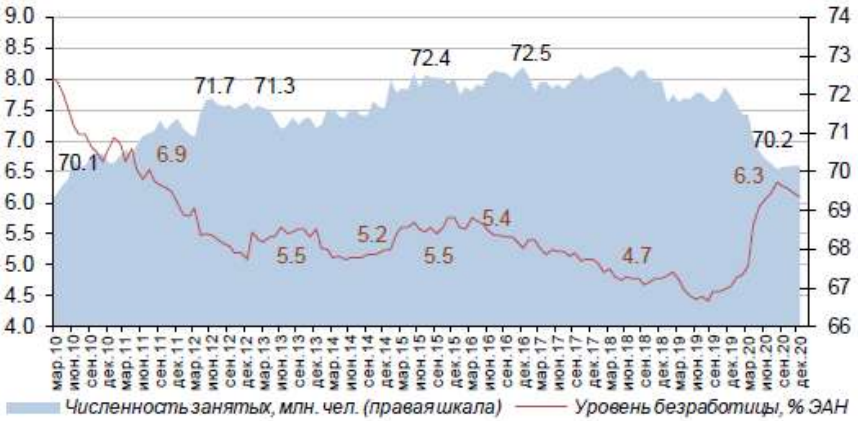

Рис. 3.14. Показатели рынка труда в России, %.

Источник: Центр макроэкономического анализа и долгосрочного прогнозирования. Анализ макроэкономических тенденций, 12.03.2021. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_MK/2021/macro14.pdf.

[271] Центр макроэкономического анализа и долгосрочного прогнозирования. Мировая экономическая ситуация и перспективы 2021. Восстановление, устойчивое к шокам. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/DBelousov/WESP_2021_full.pdf.

Тем не менее, существенным решением со стороны компаний следует считать переход на удаленную работу, что позволило сохранить рабочие места в таких секторах экономики, как программирование, дизайн, частично финансовые услуги, консалтинг, издательский бизнес, образовательные услуги. Важным шагом является то, что развитие форм занятости создает потенциал для формирования устойчивости предприятий и организаций в решении задач социальной защиты работников, а также возможность экономии на текущих издержках в части содержания служебных помещений, электроэнергии, обслуживании вычислительной техники, и разовых издержках на реализацию ремонтных работ.

Примерно в большинстве стран, вне зависимости от уровня социально-экономического развития, список отраслей, наиболее пострадавших от пандемии и приостановки деятельности примерно аналогичен: транспорт и пассажирские перевозки (в основном, авиа-); организации культуры, досуга и развлечений, спорта и оздоровления; гостиничный бизнес; общественное питание; бытовые услуги для населения (ремонт, стирка, химчистка, услуги парикмахерских и салонов красоты); розничная торговля непродовольственными товарами; туризм. Зато существенно нарастили обороты фармацевтические предприятия, организации, оказывающие медицинские услуги, услуги доставки и логистику, компании, деятельность которых связана с интернет-услугами и коммуникационными технологиями.

Представляется интересным оценка глобального шока, который произвели P. Brinca, J.B. Duarte, M. Faria e Castro[272], основываясь на объеме отработанных часов и заработной платы для оценки шоков спроса (при однонаправленном темпе их роста) и шоков предложения рабочей силы (при разнонаправленном, противоположном темпе их роста) для совокупной

[272] Brinca P., Duarte J.B., Faria e Castro M. Decomposing demand and supply shocks during COVID-19 // Voxeu.org, 17 June 2020. URL: https://voxeu.org/article/decomposing-demand-and-supply-shocks-during-covid-19.

экономики и для различных секторов с помощью эконометрической модели (рис. 3.15).

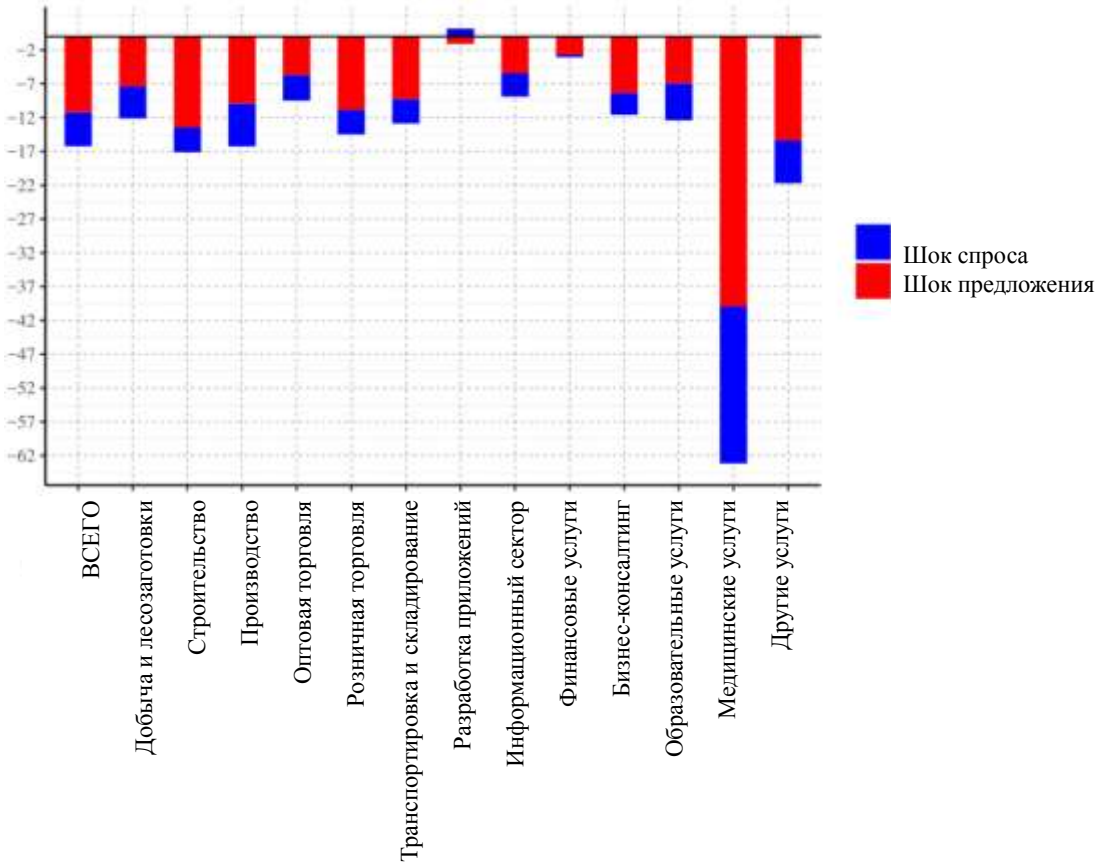

Рис. 3.15. Декомпозиция шоков спроса и предложения за апрель 2020 г.

Источник: адаптировано автором на основе данных: Brinca P., Duarte J.B., Faria e Castro M. Decomposing demand and supply shocks during COVID-19, figure 2 // Voxeu.org, 17 June 2020. URL: https://voxeu.org/article/decomposing-demand-and-supply-shocks-during-covid-19.

Анализ отраслей, наиболее пострадавших в России в период глобального шока пандемии (табл. 3.4), еще раз подтвердил важность реализации государством сбалансированной структурной политики и структурной модернизации (отраслевой и технологической) экономики как значимого этапа развития, включая отраслевую реструктуризацию при снижении доли сырьевого экспорта и необходимость постиндустриальных преобразований с учетом увеличения наукоемкости секторов экономики с целью перехода к производству продукции с высокой добавленной стоимостью и снижение вклада сектора торговли. Этому может способствовать корректировки промышленной политики (с учетом большей

ориентации на высокотехнологичное производство, что реализует Китай как меру поддержки темпов роста ВВП как уход от массового производства к производству товаров на высокотехнологичный экспорт) и инновационной политики (с учетом реализации мер поддержки науки и технологий и инновационного развития предприятий реального сектора экономики).

Таблица 3.4. Темпы роста в разрезе наиболее уязвимых секторов российской экономики, %.

Показатель	2019 год	2020 год				
		1 кв.	2 кв.	3 кв.	4 кв.	итого
Обрабатывающая промышленность	1,6	3,7	-17,5	0,0	2,1	-2,9
Строительство	0,4	1,5	-11,2	0,0	5,0	-0,2
Оптовая и розничная торговля	1,7	5,0	-26,1	0,0	3,2	-4,3
Транспорт	2,1	-1,0	-40,2	-2,0	1,0	-10,6
Гостиницы и общественное питание	3,2	0,0	-69,5	-15,0	-5,0	-22,2
Здравоохранение	-2,0	2,0	2,3	2,0	1,5	2,0
Культура и спорт	1,8	-1,0	-78,9	-10,0	5,0	-21,2
ВВП, в целом	1,3	1,8	-18,0	-0,9	1,3	-3,8

Источник: Тенденции развития российской экономики в условиях пандемии коронавируса и возможные антикризисные меры. М.: ВЭБ, Институт исследования и экспертизы, апрель 2020. 20 с. – с. 10.

При этом бизнес-компании в условиях разрастания последствий глобального шока получили также шанс на внедрение инноваций (цифровых технологий), которые ранее не были запланированы, и которые способны решить не только саму проблему функционирования бизнеса как такового, но и усовершенствовать организационную структуру компании, обработку данных, оптимизировать функции управления. Учитывая неопределенность ситуации, пока еще рано однозначно говорит об эффективности таких инновационных решений, но однозначно они стали механизмом для поддержания устойчивости функционирования компаний и противодействия существенному падению доходов. Причем уже ранее в постпериод пандемии 2002 г. достаточно быстро начала распространяться

электронная торговля – поэтому в современный период этот переход уже был более обоснован и технологически возможен.

Государство является самым заинтересованным актором в структурных сдвигах в экономике – ведь именно они создают определенную устойчивость отраслевой структуре и обеспечивают условно нормальную реакцию экономической системы на глобальный шок экономического происхождения (и повышает вероятность смягчения последствия вследствие глобального шока неэкономического происхождения). При этом следует отметить, что и исследователи отмечают, что конкретно структурные шоки в экономике становятся менее предсказуемыми, как и их влияние на экономические перспективы, причем это характерно для всех стран - как развитых, так и развивающихся, включая слаборазвитые страны[273].

Эффектом структурной модернизации экономики через механизм структурной политики должна стать сбалансированность структурных пропорций в отраслевой структуре экономики с учетом перераспределения секторов с экспортной ориентацией и приоритетной деятельностью на внутренние рынки, включая оптимизации пропорции между добывающей и обрабатывающей промышленностью. Здесь определенную роль для стран играет импортозамещение (что и произошло в России после 2014 г.), которое запустило структурные изменения практически во всех отраслях российской обрабатывающей промышленности и способствовало росту ВВП и наращиванию конкурентных преимуществ как на национальном рынке, так и на рынках приграничных государств как минимум. Современная ситуация достаточно обострила проблематику здравоохранения и развития биотехнологий и фармацевтики, поэтому объективно этот сектор будет восприниматься не только как значимый для социальной защиты населения, но и как объект для возможных будущих

[273] Landesmann M.A., Stöllinge R. Structural change, trade and global production networks: An appropriate industrial policy‘ for peripheral and catching-up economies // Structural Change and Economic Dynamics, 2019, no. 48, pp. 7-23.

коммерческих преференций и глобальных конкурентных преимуществ будущего. Фактически сейчас фиксируется шок предложения в фармацевтике в связи с невозможностью выпуска достаточного количества вакцины для масштабной вакцинации населения в мировом масштабе[274]. При этом этот шок также влияет и на восстановление в ряде отраслей (прежде всего, транспорт и туризм), что очевидно потребует времени на улучшение ситуации. Но также, например, отрасль металлургии и машиностроение испытывает проблемы от структурных преобразований: если увеличиваются заказы на производство медицинского оборудования, то сокращается закупка комплектующих для транспортных систем и их инфраструктуры.

Если обратиться к объекту настоящего диссертационного исследования, то, как было установлено в главе 1, для стран с модернизируемой экономикой характерна реализация программ развития, однако при этом сохраняется определенная направленность на традиционные или более эффективные сектора экономики. Для отдельных стран это экспорт сырья, для других – туризм. И первый, и второй претерпели существенные вызовы в период глобального шока пандемии.

Как показывает анализ развивающихся стран, некоторые из них сделали туризм своим приоритетом в модернизации экономики – отдельные страны просто максимально использовали географические возможности и климатические условия, другие – диверсифицировали экономику путем развития инфраструктуры через туристические перспективы, что создало потенциал краткосрочного экономического роста. За последние 25 лет экспорт туризма вырос с 5,42% в мировом ВВП в 1995 г. до 7,11% в 2017 г. или на 31% благодаря снижению транспортных расходов и росту доходов от туризма – значимость этого подтверждается тем, что за тот же период среднемировая доля экспорта обрабатывающей промышленности в ВВП

[274] Sukharev O. Economic crisis as a consequence COVID-19 virus attack: risk and damage assessment // Quantitative Finance and Economics, vol. 4, issue 2, pp. 274-293. DOI: 10.3934/QFE.2020013.

увеличилась на 27% (с 11,91% до 15,17%)[275], т.е. экспорт туризма вырос на большую величину чем экспорт обрабатывающей промышленности.

Так, максимальную долю туризма в ВВП страны имеет Мальдивы (67% на конец 2018 г., причем максимально в 2014 г. она составляла 79%), Грузия (34%), Исландия (33%), Албания (28%), Хорватия (25%), Кипр (22%), Черногория (22%), Таиланд (22%), Греция (21%), Португалия (19%), Марокко (19%), Доминиканская Республика (17%), Мексика (17%). Из развитых стран Австрия имеет 15% долю туризма в ВВП. Для России 5%-ный вклад туризма в ВВП не является определяющим (нет определенно доказанного существенного вклада туризма в повышение ВВП на душу населения стран, хотя есть и исключения, например, ОАЭ), но и как для любой страны – это рабочие места и функционирование сопутствующей инфраструктуры, поэтому для из-за пандемийных ограничений кризисная ситуация очевидно ожидаема на Мальдивах, в Грузии, Исландии, Филиппинам, Черногории и Таиланде и др., которые сделали ставку на туризм и повысили его долю в ВВП вдвое за десятилетие.

Для устранения последствий глобальных шоков и адекватного планирования структурных изменений важен опыт прохождения предыдущих кризисов, включая те же возможности специальных займов, которые предлагает МВФ в рамках оказания помощи беднейшим странам или странам, наиболее пострадавшим от кризиса. Это делает их более зависимыми в своих собственных структурных реформах, что не должно происходить со странами, которые последовательно реализуют программы модернизации экономики. В целом, структурные реформы представляют собой комплекс государственных мер, которые коренным образом меняют способ организации экономики. Такие реформы включают в себя открытие экономики для торговли, конкуренции и прямых иностранных инвестиций, передачу государственных активов частному сектору, дерегулирование

[275] Chen Y., Ioannides Y. International tourism and short-run growth: Reviewing the trade-off in the age of COVID-19 // Voxeu.org, 15 September 2020. URL: https://voxeu.org/article/international-tourism-and-short-run-growth.

товарных рынков и меры, направленные на повышение гибкости рынков труда.

Важную составляющую структурных преобразований также составляет структура экспорта страны – очевидно, что для стран с модернизируемой экономикой чаще всего встает дилемма «сырьевого проклятия» и, соответственно, попытки максимизации использования имеющихся природных богатств на благо развития государства. При этом данные МВФ свидетельствуют о нелинейной зависимости между доходом страны (ВВП на душу населения) и диверсификацией ее экспорта[276].

Экспорт является одним из основных факторов колебаний экономического роста и оказывает сильное влияние на траектории развития страны. В краткосрочной перспективе экспорт является важнейшим источником иностранной валюты, уменьшая ограничения платежного баланса. В среднесрочной перспективе диверсификация экспорта ведет к более высокому и устойчивому росту, а экспорт также имеет решающее значение для роста производительности труда. Здесь необходимо учитывать рыночную конъюнктуру и возможные риски торговли и конкуренции, как это было выделено в п. 2.3.4 диссертации. В периоды, когда сырье дешевеет, формируется выгодная ситуация для импортеров, но не для экспортеров - поэтому страны, специализирующиеся на экспорте сырья, попадают в ситуацию ухудшения экономических показателей экспорта, и происходит распределение ущерба и выгод, поскольку ущерб одних превращается в пользу других. На волне современного глобального шока дополнительное разрастание ущерба в экономике, например, крах ресторанного бизнеса, туризма приводит к снижению заказов в сфере питания, гостиничный бизнес переживает кризис, потребность в энергии и других услугах снижается. Кризис также приводит к ограничению транзакций (в том числе из-за карантина), что ограничивает экономическую

[276] United Nations Conference on Trade and Development. State of Commodity Dependence 2019. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditccom2019d1_en.pdf.

активность (даже в тех странах, где масштабы эпидемии не так велики). Сокращение возможностей для транзакционной активности будет означать ограничение воздействия этого сектора на экономическую динамику, что вызывает сначала замедление темпов роста, а затем отрицательные темпы – это и означает полноценный экономический кризис.

Уход от преимущественного сырьевого экспорта стоит в повестке модернизации экономики абсолютного большинства стран с модернизируемой экономикой, включая Россию, однако данные процессы достаточно затягиваются именно из-за необходимости поиска сбалансированных структурных преобразований экономики и развития потенциала высокотехнологичного производства и необходимой инфраструктуры. До пандемии, например, в России в 2019 г. уже имело место быть снижение экспорта в целом на уровне -2,1%, включая падение экспорта металлов (кроме драгоценных) до -12,2%, минеральных ресурсов до -5,1%, древесины и целлюлозно-бумажных изделий до -5,3%, а в период активной фазы глобального шока пандемии 2020 г., по экспертным оценкам[277], ожидается общее падение до -3,1%, включая негативные оценки относительно фактического падения по отдельным товарным группам.

При этом сохраняется риск развития экономики модернизирующихся стран под воздействием сырьевой зависимости экспорта. Когда экономика страны не диверсифицирована и в значительной степени зависит от основных продуктов, она оказывается во власти международных рыночных цен. Учитывая ожидания роста цен при восстановлении экономики после пандемии (включая наибольшие ожидания от роста спроса на сырьевые товары со стороны Китая и уже имеющее место восстановление цен на мировых сырьевых рынках (рис. 3.16)) и повышение потребности на отдельные металлы и элементы (прежде всего, медь, литий) в связи с масштабным огромнейшим ростом потребления электроники и ее

[277] Российская экономика в условиях пандемии и возмущений на рынках углеводородов. М.: ВЭБ, Институт исследования и экспертизы, июль 2020. 44 с.

компонентов, у стран с сырьевым экспортом есть вполне объективный фактор использования сырьевых возможностей для восстановления своих экономик после глобального шока, однако это должно стать лишь временной мерой, не отменяющей общую государственную стратегию по реализации сбалансированных структурных изменений в экономике.

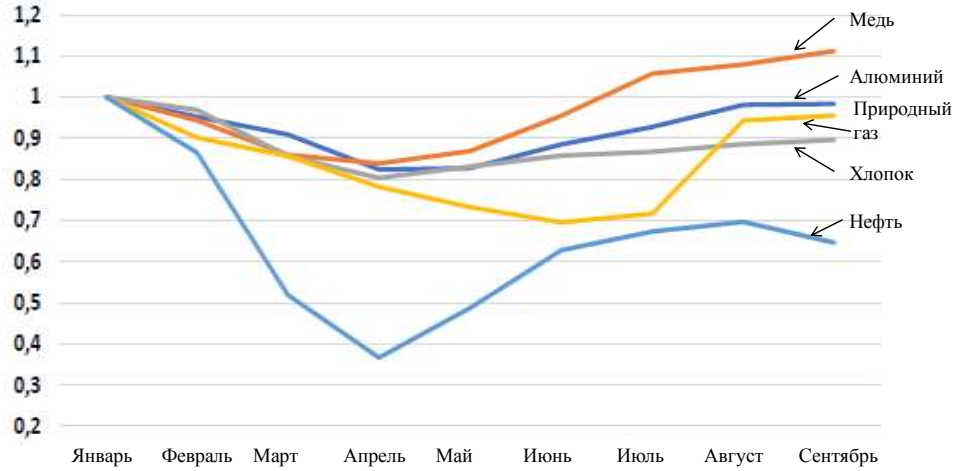

Рис. 3.16. Мировые цены на отдельные товары, экспортируемые странами с модернизируемой экономикой, индекс, январь 2020 г. =1.

Источник: UN. World Economic Situation and Prospects 2020. New York, 2020. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wesp2020_en.pdf.

Следовательно, роль государства состоит в необходимой поддержке приоритетным отраслям экономики в соответствии с программами модернизации, учитывая реализуемые компаниями стратегиями развития высокотехнологичного производства и активизации экспорта на этой основе. Государственная поддержка может состоять не только в целевых бюджетных инвестициях, но и содействии государственно-частному партнерству, проведению государственных закупок, реализации программ льготного лизинга или под государственные гарантии. При этом бизнес-стратегии должны быть ориентированы на поддержку программ импортозамещения, включая инновационную деятельность и развитие человеческого капитала.

Эффективность структурных изменений подтверждается чаще всего при реализации в их нормальные периоды (т.е. не во время рецессии),

поэтому важна их разработка в рамках «профилактики» шоков и кризисов, а также определенная новизна в силу того, что изменения, проводимые развитыми странами в периоды индустриализации реиндустриализациии, не могут быть целесообразны в новейший период постиндустриализации (или новой индустриализации), а также лидерства в мире, где цифровые технологии приоритетны.

Таким образом, учитывая определенное эволюционное изменение структуры факторов производства в экономике и то влияние, которое оказывали и могут оказать глобальные шоки разного происхождения, следует сделать вывод о том, что оптимальная отраслевая структура экономики конкретной страны на разных стадиях развития будет различной – поэтому экономическое развитие как динамичный процесс требует модернизации промышленности и соответствующего совершенствования инфраструктуры на каждом этапе, включая технологические и социальные аспекты. При этом компании, ориентируясь на отдачу от инвестиций и возможности, предоставляемые финансовой системой государства, также будут заинтересованы в этих процессах.

3.3. Учет последствий трансформаций национальных экономик в моделях риск-менеджмента корпораций

Сочетание факторов постиндустриализма, постмодернизма, цифровой трансформации, глобализма, проанализированное в главе 1 диссертации, создает предпосылки к оценке будущего – каким именно оно окажется для многих предприятий и организаций, и существуют ли способы воздействия на это будущее сегодня, в ожидании предупреждения тех или иных рисков, вызванных описываемыми выше концепциями. Современный экономический мейнстрим ориентирован на то, что именно представления о будущем оказывают наибольшее влияние на принятие многих решений.

Прежде всего, нарастание цифровизации в мире, в обществе в целом и в экономике приводит к тому, что существенное количество рисков инициируется самим процессом модернизации общества, вызывая к жизни множество процессов, так или иначе проявляющих уже в текущей деятельности. Так, например, рост сервисизации приводит к сокращению объемов производства той или иной продукции, а потребность поиска моделей монетизации цифровых решений приводит к замене иными, не связанными с предыдущими подходами к извлечению дохода. Сокращение потребления автоматически приводит к снижению экономической устойчивости предприятий при сохранении издержек, вынуждая сокращать численность работающих, что, соответственно, приводит к кризисным ситуациям не только на микроуровне, но и на национальном уровне. Кроме того, нестабильность новой экономической модели приводит к тому, что новые организационные и финансовые решения оказываются не всегда удачными и приводят к банкротству. Особое место занимает процесс сокращения издержек в связи с технологическим обновлением, что также может привести к риску банкротств из-за возникновения дополнительных проблем с персоналом. Речь идет не только о сокращении персонала, но и о давлении потребителя по снижению издержек или принятию дополнительных затрат, относившихся ранее на потребителя (например, при электронной торговле), что также приводит к существенным рискам.

Традиционно проблемами предприятий, для которых нарастание рисков приводит к существенному ухудшению показателей и угрозе банкротства, занимался кризисный менеджмент (в российской практике антикризисное управление), предусматривая два сценария действий: 1) либо, применение совокупности процедур по выводу бизнеса из негативной зоны, 2) либо применение превентивных мер по недопущению вхождения бизнеса в зону турбулентности. Становление кризисного менеджмента позволяет говорить о том, что возможно формирование методов, моделей и инструментов, позволяющих компенсировать будущие риски в текущем

управлении. Эти особенности кризисного менеджмента, как наиболее востребованные, стали основой развития методологии риск-менеджмента корпораций с учетом последствий цифровых трансформаций национальных экономик.

Футуристическая ценность текущих управленческих решений, их степень превентивности к будущим рискам зависит от набора инструментов, используемых для достижения поставленных стратегических целей[278]. Необходимость и возможность применения инструментов нового поколения обусловлена появлением новых технологий антикризисного управления на всех уровнях экономики, а также информационно-аналитическим сопровождением экономических процессов на основе предиктивной аналитики.

Представление результатов аналитики для подготовки решения о включения инструментария в базовый портфель наиболее удобно для уровня стратегических решений на основе матричного подхода, предоставляющего возможности парного сравнения инструментов антикризисного управления с учетом динамики (или силы) проявления воздействий.

Поскольку проблема предпочтения моделирования или прогнозирования до настоящего времени не решена для современных трендов (в части конкуренции между моделированием и прогнозированием в будущей цифровой среде принятия решений), то методы, которые используются в этой области, нуждаются в существенном совершенствовании.

Использование матричного метода для формирования сценариев позволяет решить вопрос о включении ситуационного моделирования в набор методов кризисного управления, что позволит формировать интегральные оценки эффективности принимаемых решений в различных

[278] Pnevmatikoudi, K., Stavrinoudis, T. (2016), “Classification of hotel performance measurement indicators presented in international scientific research”, European Journal of Tourism Research, No. 12, pp. 82-98.

функциональных областях деятельности организации (от финансового управления до лояльности потребителей, от управления закупками до проектирования новых продуктов и услуг), для которой вероятность наступления кризисной ситуации из-за модернизационных процессов в обществе определена как существенная.

Обязательной составляющей методов исследования, применяемого для риск-менеджмента, является теория жизненного цикла организаций, предполагающая совпадение последовательных стадий развития различных организации, что позволяет говорить и о сходстве проблем, рассматриваемых на этих стадиях. Устойчивость развития организации для таких моделей характеризуется наличием в портфеле инструментов, позволяющих осуществлять переход с одной стадии на следующую.

Уже в настоящее время инструменты антикризисного управления и риск-менеджмента выходят за рамки традиционных представлений, представленных в известных публткациях[279],[280],[281]. Ориентируясь на прогрессивные управленческие практики, от создания ценностей при устойчивом развитии[282],[283] до обратных инноваций[284], от открытых инноваций[285] до цветовой теории изменений[286], от социальной

[279] Booth, S.A. (2015), Crisis Management Strategy: Competition and Change in Modern Enterprises, Routledge.

[280] Coombs, T.W. (2006), "The Protective Powers of Crisis Response Strategies: Managing Reputational Assets During a Crisis", Journal of Promotion Management, Vol. 12, Issue 3-4, pp. 241-260. DOI: 10.1300/J057v12n03_13.

[281] Lachlana, K.A., Spence, P.R., Lin, X., Najarian, K., Del Greco, V. (2016), "Social media and crisis management: CERC, search strategies, and Twitter content", Computers in Human Behavior, Vol. 54, pp. 647-652. DOI: 10.1016/j.chb.2015.05.027.

[282] Hart, S.L., Milstein, M. (2003), "Creating Sustainable Value", Academy of Management Executive, Vol. 17, No. 2, pp. 56-69. DOI: 10.5465/AME.2003.10025194

[283] Simanis, E., Milstein, M. (2012), "Back to Business Fundamentals: Making "Bottom of the Pyramid" Relevant to Core Business", Field Actions Science Report, special Issue 4, pp. 82-88.

[284] Govindarajan, V., Ramamurti, R. (2016), "Reverse Innovation in Emerging Markets", in Haar, J., Ernst, R. (eds.), Innovation in Emerging Markets, Springer, pp.140-157. DOI: 10.1057/9781137480293_8.

[285] Chesbrough, H.W. (2003), Open innovation: The new imperative for creating and profiting from technology, Harvard Business Press.

трансформации[287] до пирамиды ROI в социальных сетях[288], от «синей экономики»[289] до Game Design MDA – “Mechanics, Dynamics, and Aesthetics”[290], особенно касающиеся устойчивого развития, цели которого кореллируют с задачами сокращения вероятности кризисных ситуаций в будущем. Использование сравнительного анализа, отбора инструментов и синтеза будущих решений является логическим продолжением систематизации различных подходов.

Для выявления особенностей риск-менеджмента как некоторого направления «менеджмента для будущего»[291] в качестве логической конструкции используем следующую последовательность:

базовые концепции, принятые на данном этапе развития общества, → факторы влияния базовых концепций на эффективность развития → оценка возможности негативной составляющей проявления факторов в экономике → оценка рисков негативных последствий → прогнозирование возникновения кризисной ситуации на микро-уровне (уровне предприятий и организаций) → сравнительный анализ инструментария → оценка применимости инструментария к различным стадиям цикличного развития организаций → включение инструментария в набор инструментов и стратегий кризисного менеджмента → имплементация инструментария в текущий менеджмент организаций → прогнозирование последствий на

---

[286] Vermaak, H., De Caluwe, L. (2018), “The Colors of Change Revisited: Situating and Describing the Theory and its Practical Applications”, Research in Organizational Change and Development, Vol. 26, pp. 167-216. DOI: 10.1108/S0897-301620180000026005.

[287] Li, C., Solis, B. (2013), The Seven Success Factors of Social Business Strategy, Jossey-Bass.

[288] Owyang, J. (2010), “Framework: The Social Media ROI Pyramid”, Web Strategist, 13 Desember, available at: https://web-strategist.com/blog/2010/12/13/framework-the-social-media-roi-pyramid/ (accessed 06 January 2020).

[289] Pauli, G. (2010), Blue Economy-10 Years, 100 Innovations, 100 Million Jobs, Paradigm Pubns.

[290] Hunicke, R., LeBlanc, M., Zubek, R. (2004), “MDA: A Formal Approach to Game Design and Research”, Proceedings of the Nineteenth National Conference on Artificial Intelligence.

[291] Tikhonova M., Sarkisyan Zh. Managing for the Future: Crisis Management under Post-Industrial Modernization (Chapter 3). In: Post-Industrial Society: The Choice between Innovation and Tradition. Palgrave Macmillan, 2021. DOI: 10.1007/978-3-030-59739-9_3.

микро- и макро-уровне экономики → оценка устойчивости системы в целом.

В качестве основной посылки исследования мы принимаем наличие последовательности действий, включающей как критерии, так и рекомендации по формированию портфеля инструментов для управления компанией, расширяющей возможности до уровня противодействия ситуациям с повышенными рисками, способными стать основой для возникновения кризисной ситуации. Несмотря на привлекательность идеи о создании инструмента превентивного управления кризисами, она до сих пор не решена, поэтому наша гипотеза о формировании портфеля инструментов, соответствующих тому или иному проявлению кризиса (а не устранению самого кризиса), остается востребованной.

Таким образом, матрица мер кризисного риск-менеджмента, включая набор сценариев, исходя из возможны траекторий реагирования на проникновение глобального шока для компаний, по нашему мнению, будет представлять собой следующий инструментарий выбора управленческих воздействий, направленных на снижение влияния последствий глобального шока и/или иных существенных проблем, нарушающих устойчивость или функционирование компании как экономической системы (рис. 3.17).

Согласно этому, мы выделяем на каждый тип траектории реагирования соответствующий сценарий с признаками оптимистичных, базовых или пессимистичных оценок. Наличие проактивной траектории позволяет также учитывать опережающий сценарий, который в совокупности с инструментарием стратегического государственного управления может дать существенный потенциалв преодолении последствия глобального шока и формировании устойчивых к возмущениям экономических систем разного уровня.

Управленческие воздействия в рамках риск-менеджмента	Сценарии				
	++	+		+/-	-
	опережающий	оптимистичный	адаптивный	базовый	пессимистичный
	Траектории				
	проактивная	благоприятная	реактивная	нейтральная	негативная
стратегической направленности для обеспечения устойчивости в долгосрочном периоде:					
Повышение конкурентных преимуществ продукции	✓	✓	✓		
Антикризисный маркетинг (деятельность, превращающая потребности покупателя в доходы предприятия)	✓	✓	✓	✓	
Увеличение денежного компонента в расчетах	✓	✓		✓	✓
Повышение оборачиваемости активов	✓		✓		
стратегической направленности для обеспечения восстановления в среднесрочном периоде:					
Оптимизация расходов и максимально быстрое и радикальное снижение неэффективных расходов, включая выведение из состава предприятия затратных объектов	✓	✓	✓	✓	✓
Остановка (закрытие, продажа) нерентабельных производств	✓				✓
Совершенствование организации труда и оптимизация численности занятых на предприятии, включая развитие форм занятости и организации работы	✓		✓		
Уменьшение текущей финансовой потребности (реструктуризация долговых обязательств)	✓		✓		✓
Конвертация заимствований в уставной капитал (при целесообразности и правовой возможности)	✓				
Форвардные контракты на поставку продукции	✓				
оперативной направленности для обеспечения бесперебойного функционирования в краткосрочном периоде:					
Продажа запасов готовой продукции и избыточных производственных запасов	✓	✓	✓		✓
Реструктуризация кредиторской задолженности и банковских кредитов	✓	✓		✓	✓
Улучшение инкассации дебиторской задолженности				✓	✓
Реализация маркетинговых мер для стимулирования продаж продукции		✓		✓	
Реорганизация системы производства и управления	✓	✓	✓		

Рис. 3.17. Матрица выбора сценариев и мер управленческих воздействий в риск-менеджменте компаний в условиях реагирования на глобальные шоки.

Источник: разработано автором.

Следует отметить, что, по нашему мнению, в ситуации противодействия последствиям глобальным шокам, не имеет корректности обращение к ряду известных классификаций методов и инструментов кризисного менеджмента (например, таких как классификация по времени применения и последовательности – антиципативное, превентивное, реактивное и реабилитационное управление; по функциональным областям – персонал, ресурсы, издержки; по степени государственного регулирования процедур банкротства - наблюдение, санация, временное управление, конкурсное производство), так как возникновение этих методов связанно с обработкой конкретной ситуации, уже выявленной на предприятии. В рамках же нашей гипотезы мы говорим о том, что в условиях постиндустриальной модернизации, действие которой коснется большинства предприятий, методы противодействия угрозам устойчивости предприятия должны быть включены в арсенал каждого менеджера с целью максимального снижения последствий потенциальных кризисных ситуаций, включая и уход с рынка в определенных сегментах, т.е. ликвидацию части операционной деятельности. Такой подход не означает, что мы отказываемся от классических процедур антикризисного управления, принятого в России, и кризисного управления, принятого в ряде других стран, но ограничиваемся только тем инструментарием, который применим на текущей стадии управления.

1. Систематизация базовых концепций развития, известных на данном этапе общественных отношений.

Опираясь на логическую предпосылку, что кризисный менеджмент ориентирован на установление баланса взаимодействия с внешней средой, первоначально необходимо установить влияние известных на текущий момент доктрин на развитие общественных отношений, прежде всего, экономических.

Кроме перечисленных в п. 1.2 концепций постиндустрального общества, постмодернизма, модернизации социально-экономических систем, следует обратить внимание на феномен оцифровки знаний и информации, приводящий к возникновению множественных цифровых стратегий. Кроме того, обязательным для рассмотрения являются множественные вариации концепций циклической природы кризисов, утверждающие, что избежать кризисов в современной экономической модели невозможно полностью. Следовательно, основные задачи должны рассматриваться в плоскости смягчения результатов воздействия кризиса (как минимум) на снижающихся фрагментах циклических волн и усиления конкурентной позиции организации при выходе из кризиса (на повышательной волне цикла).

Несмотря на то, что кризис может быть вызван ошибками управления и/или (что характерно для современного этапа развития общества) ошибкой выбора социальной группы, тем не менее, субъективная составляющая кризиса значительно меньше составляющей объективной, связанной с необходимостью замены устаревающей функциональной модели.

Не менее важной (с точки зрения возникновения угроз действующему бизнесу) концепцией современного развития является доктрина технологического лидерства, основанная не только на определении приоритетов развития, но и выявлении селективной поддержки исследований и разработок, которая воплощается затем в программах развития, обновляемых институтах и механизмах[292]. ОЭСР выделила около 40 ключевых производственных технологий будущего, полагая, что развитие именно этих технологий позволит адекватно реагировать на глобальные вызовы и обеспечивать технологическое лидерство.

Особое значение приобретает и доктрина устойчивого развития. Так, подтверждено статистически (на примере пищевой промышленности

[292] OECD (2018), “Main Science and Technology Indicators”, Volume 2018, Issue 1, OECD Publishing, Paris, https://doi.org/10.1787/msti-v2018-1-en.

Китая), что предприятия лидеры в области корпоративной социальной ответственности демонстрируют меньшую вероятность попасть в кризисную ситуацию, и их управление оказывается более эффективным[293].

В целом учитывая идею «самосбывающихся пророчеств», менеджменту, ориентированному на будущее, следует включить в свой арсенал инструменты систематизации прогнозируемых последствий и мониторинга выдвигаемых концепций и их интеграции по признакам изменения социально-экономических систем с целью формирования единой базы знаний.

2. Выявление будущих факторов влияния (и установления возможности негативного характера такого влияния) в предположении принятия (признания) базовых концепций.

Особенность современного общества, послужившая основой объективности выводов о необходимости изучения доктрин развития общества, заключается в том факте, что предсказания Д. Белла по формату будущего постиндустриального общества сбылись, и действующая модель социально экономических отношений скорее стремится к его осуществлению, чем противодействию. Обобщая этот факт с точки зрения кризисного управления, можно сделать вывод, что если известны последствия постиндустриализации, то, следовательно, имеется (и имелась) возможность (далеко не гипотетическая) выявить основные черты преобразования экономической системы и общества и выдвинуть предположение о факторах влияния. К числу, например, таких факторов следует отнести вывод о том, что сервисизация является основой для экономики совместного потребления, и что существенное влияние на производство автомобилей окажет сокращение покупок в пользу совместного использования. В таком случае автомобильные концерны

[293] Qijun, J., Cong, Z. (2010), "An Empirical Study on the Crisis Management about Food Enterprises Based on Corporate Social Responsibility", Proceedings of International Conference on Management and Service Science, IEEE, Wuhan, China. DOI: 10.1109/ICMSS.2010.5576484.

должны учитывать этот фактор в своих стратегиях и предусматривать новые возможности (в частности, сохранение собственности на произведенные автомобили и передачу их в аренду новым формам бизнеса). Существенное значение в новых концепция приобретает и аутсорсинг, что приводит к изменению цепочек создания добавленной стоимости. Не менее важным становится и сокращение трансакционных издержек, ведущее к изменению структуры затрат на производство продукции и оказание услуг.

Установление данных факторов на стадии появления новых доктрин носит эвристическую природу, имеет более короткий лаг прогнозирования, чем оценка влияния доктрин, и может опираться на уже известные факты, которые как могут быть приняты сообществом, так и нет.

Оценка негативных последствий не может быть выполнена без ситуационного (чаще сценарного) анализа и прогнозирования возникновения кризисной ситуации на микро-уровне. Опираясь на определение кризиса[294] как такого стечения обстоятельств, непредвиденных и непредсказуемых, из-за которых возникает угроза приоритетным целям организации, отметим, что ключевым ограничением остается либо время для принятия решений либо доступная совокупность ресурсов.

3. Сравнительный анализ инструментария и оценка применимости к различным стадиям цикличного развития организации.

Ряд исследователей и практиков антикризисного управления[295] считают, что методы кризисного менеджмента составляют особый набор знаний, и в российской практике выделяют особое место среди управленческих наук для антикризисного менеджмента как сложившегося подхода. С позиции выдвинутой гипотезы, следует допустить, что существуют специальные приемы кризисного управления, но, рассматривая

---

[294] Hermann, C.F. (1963), “Some consequences of crisis which limit the viability of organizations”, Administrative Science, No. 8, pp. 61-82.

[295] Ryakhovskaya, A.N., Kovan, S.E. (2015), “Crisis management: modern concept and basic tools”, Management science, No. 3, pp. 45-55.

концепцию менеджмента, ориентированного на будущее, нами признается большая правомочность позиции, что нужно включать и традиционные методы управления, и специальные кризисные, а не ставить цель разделения инструментария по отдельным областям знания. Прежде всего, это связано с единоначалием корпоративного управления, осуществляемого как текущим менеджментом, специально назначенным или выбранным собственниками. Даже в случае назначения антикризисного управляющего, он не обойдется только приемами кризисного управления, а также должен сочетать и владеть методами традиционного менеджмента.

Более того, смена приоритетов в менеджменте с повышения эффективности функционирования к обеспечению устойчивого развития также служит хорошей основой объединения приемов и методов как традиционного, так и кризисного управления. При этом исследователи, отстаивающие право на самостоятельность антикризисного менеджмента, соглашаются с тем, что различные мероприятия по предупреждению и предотвращению кризисных ситуаций могут осуществляться и силами обычного менеджмента, вплоть до стадии необратимого преобладания

При сравнительном анализе следует учитывать не только возможность противодействия негативным проявлениям в будущем, но и учитывать стадии жизненного цикла организации. Поэтому обязательным этапом формирования портфеля инструментов является соотнесение инструментов к текущим и будущим стадиям жизненного цикла. Такая рекомендация требует также корректного построения и самого жизненного цикла организации. Циклическая модель развития организации не претерпевает изменений продолжительное время.

Для осуществления аргументированного выбора инструментов можно использовать два подхода: либо формирование матриц сравнения для каждой стадии жизненного цикла, либо включение этапов жизненного цикла непосредственно в матрицы. Каждый из подходов обладает определенными недостатками, и выбор в пользу того или иного варианта

должен осуществляться с точки зрения необходимой детализации. Если второй подход обеспечит достаточную детализацию (более применим для малых и средних предприятий), то следует отдавать предпочтение данному варианту.

4. Включение инструментов и стратегий в портфель кризисного менеджмента и имплементация инструментария в текущий менеджмент организаций.

Включение отобранного инструментария должно аргументироваться не только перспективами его использования, но и возможностью использования. Именно на этой стадии должно быть обеспечено восприятие принимаемых инструментов персоналом организации. Например, внедрение методологии Agile на стадиях роста обеспечивает ее широкое признание, однако нет известных примеров о том, что такая методология внедрялась в случае возникновения кризисной ситуации. Тем не менее, можно утверждать, что уже внедренная методологии Agile будет применима для снижения последствий кризиса.

Таким образом, «менеджмент для будущего», обладая портфелем инструментария, обладающего свойствами кризисного управления, включая антишоковое и/или управление последствия глобальных и локальных шоков, несомненно, обладает высокой перспективой внедрения в практику деятельности предприятий. Высокая неопределенность будущего, вызванная трансформацией многих отношений в обществе (включая цифровое взаимодействие), требует овладения новым инструментарием, оценивающим не только возможность выхода из кризиса организациями, но и предупреждение кризиса. Особенностью выдвинутой гипотезы является сопоставление противоречивых явлений на основе контекстного подхода, позволяя в простой системе координат осуществить попарное сравнение разнонаправленного влияния постиндустриализации на результативность деятельности организаций. Предполагаемое формирование портфеля инструментов, обладающих возможностью преодоления кризисных

последствий, позволит расширить возможности менеджмента до управления будущими последствиями.

3.4. Адаптация антишокового регулирования к национальным решениям по стабилизации и восстановлению экономики

Экономическая волатильность и неустойчивый экономический рост является ключевой особенностью стран с модернизируемой экономикой (за редким исключением) по сравнению с большинством стран с развитой экономикой. Такой переменный экономический рост является нормальностью для стран, которые предпринимают усилия по повышению темпов социально-экономического развития и благосостояния населения, включая рост доходов на душу населения. Поэтому разработки долгосрочных стратегий в таких странах является важной составляющей государственной политики, несмотря на постоянное присутствие глобальной неопределенности (рис. 3.18). Однако не всегда стабильная ситуация на мировых рынках, включая изменения цен на сырьевые товары (преимущественно падение с 2014 г.) как один из важных компонентов экспортной стратегии, а также влияние последствий непрогнозируемых глобальных шоков может существенно отодвинуть эти страны от намеченной цели. Неустойчивость и переменный рост также влияет на и на развитие бизнес-среды в стране и состояние бизнес-структур, порождает неопределенность для бизнеса и часто является результатом нестабильной инфляции, характерной для рынков экспорта сырьевых товаров, которая может привести к росту производственных издержек и снижению внутреннего потребления. Но изменчивость является неизбежной чертой развивающихся рынков по мере их взросления в стабильные экономики.

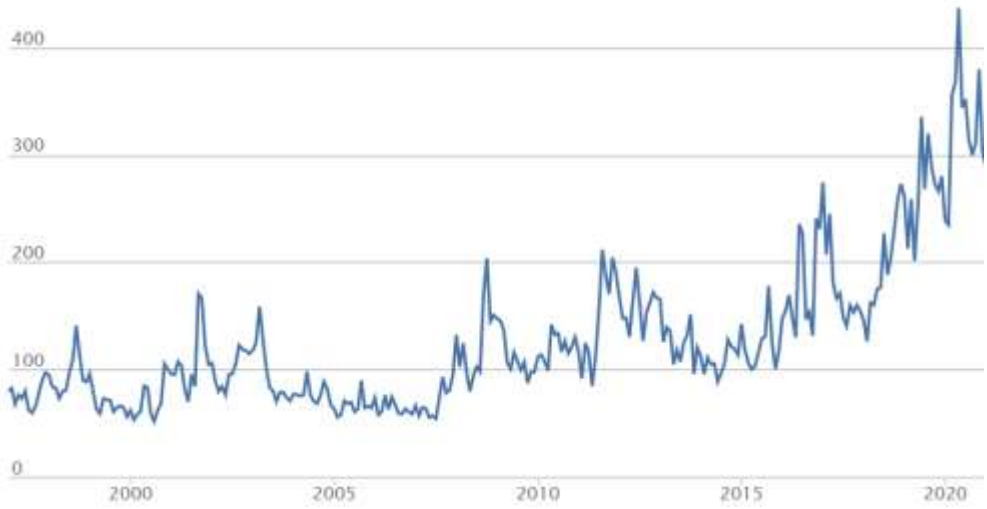

Рис. 3.18. Индекс глобальной неопределенности, 1960-2020 гг.

Источник: Monthly Global Economic Policy Uncertainty Index. URL: https://policyuncertainty.com.

Как было показано выше, глобальный шок неэкономического происхождения, вызванный пандемией, стал основой для возникновения глобального экономического шока и отдельных локальных шоков – причем исследователи отмечают такие последствия в отношении практически всех изученных мировых пандемий[296]. Это привело к нарастанию как глобальных рисков, так и рисков влияния последствий глобального шока на экономику стран с разным уровнем социально-экономического развития. Не оценивая глубину проникновения финансово-экономических рисков и понимая, что правительства стран будут предпринимать усилия в меру своих возможностей по их устранению или смягчению последствий от них, сформируем авторское видение относительно глубины разрастания рисков, выделенных нами в п. 2.3 диссертации, связанные с экономическими и неэкономическими шоками при оценке их в текущий период времени (рис. 3.19). Такая оценка позволит сформировать более обоснованный в силу учета экспертных оценок набор механизмов для целей противодействия или

[296] Бобылева А.З., Аньшин В.М., Птицын А.В. Новые вызовы: сравнительный анализ международных реактивных антикризисных мер в связи с пандемией COVID-19 // Государственное управление. Электронный вестник, 2020, выпуск № 81, с. 25-49.

снижения ущерба от влияния последствий данных шоков на экономику стран с модернизируемой экономикой с учетом приоритетов антишокового регулирования.

	Шок экономического происхождения	Шок неэкономического происхождения
Риски глобальной нестабильности	3 → 4	3 → 5
Риски приоритета национальных интересов	2 → 5	2 → 4
Риски неравномерности экономического развития	3 → 6	3 → 4
Риски торговли и конкуренции	2 → 5	2 → 2
Экологические риски	6 → 7	6 → 8
Демографические риски	3 → 4	3 → 3
Социальные риски	3 → 4	3 → 5
Технологические риски	2 → 2	2 → 2
Риски цифровизации	2 → 4	2 → 2
Риски цифровых финансов	5 → 8	5 → 7

Рис. 3.19. Экспертная оценка значимости влияния рисков при распространении шоков экономического и неэкономического происхождения (от 1=min до 10=max).

Источник: разработано автором.

Нарастание данных рисков становится базисом проблем, которые могут сопровождать функционирование компаний и снижать устойчивость

макроэкономической системы. При этом данные проблемы не несут свойства исключительно финансово-экономических, а затрагивают комплексно многие сферы жизнедеятельности общества и функционирования экономики, включая действие глобальных рисков, определенных в табл. 2.2 диссертации, и связаны с преодолением глобального пандемийного шока, учета его последствий для будущих решений и, безусловно, восстановление мировой экономики в целом.

Ограничениями для реализации эффективных механизмов антишокового регулирования в странах с модернизируемой экономикой являются следующие: 1) недостаточные объемы доступных финансовых ресурсов как для реализации антикризисных мер поддержки, так и для содействия развитию экономики в пост-восстановительный период (отметим, что здесь велика вероятность попасть в зависимость от внешних займов, включая финансирование МВФ, что приведет к еще большей нагрузке на экономику и ее налоговую систему); 2) достаточно высокие объемы государственного долга; 3) высокие ставки кредитования бизнеса, что делает этот инструмент дорогим и, таким образом, процессы обновления могут затормаживаться; 4) зависимость от сырьевого экспорта в условиях относительно низких цен на сырье, металлы и т.п. может спровоцировать ориентацию на длительное ожидание будущих возможностей роста, что, в конечном счете, приведет к потере времени и ресурсов.

На долгосрочной основе, как элементы системы циклического регулирования и противодействия влиянию шоков разного типа происхождения, в странах с модернизируемой экономикой следует сосредоточиться на: 1) антициклической денежно-кредитной политике, которая уже принесли определенные результаты после преодоления финансового кризиса 2008-2009 г., когда появилась возможность снижения процентных ставок и пусть долгого, но постепенного восстановления экономики; 2) последовательное реформирование приоритетных секторов

экономики: а) государственный сектор – совершенствование промышленной и инновационной политики, поддержка малого бизнеса и самозанятых граждан в части мер по регулированию рынка труда; б) корпоративный сектор – снижение доли участия государства в уставной капитале больших корпораций, реструктуризация бизнес-процессов с учетом трендов на цифровизацию, технологическое обновление, использование разнообразных инвестиционных инструментов; в) финансовый сектор – развитие финансовых рынков, включая новые цифровые валюты.

Тем не менее, при некоторой видимости решений в рамках антишокового регулирования и проектирования будущего антикризисного регулирования в условиях неопределенности констатируем достаточно высокие риски нарастания геополитических проблем, а также социальной нестабильности. Это также подтверждается и аналитиками S&P Global[297] и Bloomberg[298], которые дают прогнозы по еще большему снижению спроса в случае обострения пандемии, что уже не будет способствовать более благоприятной политической поддержке развитых стран по отношению к странам с переходной экономикой, что вынудит их прибегнуть к ужесточению налоговой политики с целью изыскания дополнительных финансовых ресурсов на восстановление экономики, ведь антикризисные меры поддержки населения и бизнеса оказались достаточно значимыми даже для профицитных бюджетов стран-лидеров мировой экономики.

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть значимость национальных экономических интересов в рамках риск-менеджмента компаний при соответствующей государственной политике. Следует отметить, как было показано в п. 2.1 диссертации, к одним из существенных

---

[297] Lysenko T., Oliveros-Rosen E. Emerging Markets: A Tenuous And Varied Recovery Path. S&P Global, 29.09.2020. URL: https://www.spglobal.com/ratings/en/research/articles/200929-emerging-markets-a-tenuous-and-varied-recovery-path-11671390.

[298] Jamrisko M., Flint S. China Lags as Thailand, Russia Rank Top Emerging Market Picks. Bloomberg, 17.12.2020. URL: https://www.bloomberg.com/graphics/2020-emerging-markets-recovery-ranking/.

признаков глобального шока следует отнести невозможность однозначного определения его воздействия – оно может быть как негативным (отрицательным), так и позитивным, когда в период восстановления экономики запускаются процессы, которые придают экономической системе новые свойства и обеспечивают ее устойчивость в будущем.

Достижение национальных интересов как цель долгосрочного стратегического развития страны возможно: а) либо в условиях закрытой экономики (что нереально в существующих экономических условиях, и фактически является теоретическим вариантом); б) либо в условиях противоборства с другими странами, которое может быть реализовано в разных формах: начиная от ограничений и торговых эмбарго до военных действий; в) либо в условиях сотрудничества и взаимодействия с другими странами, когда они совместно достигают своих политических и экономических целей, не противоречащих их национальным интересам, приоритетам, традициям, культуре.

Для стран с модернизируемой экономикой характерно достаточно значимое влияние внешних шоков, которые являются отражением геополитической и экономической турбулентности, которая особенно не прогнозируема последние десятилетия. Это происходит вследствие комплексного влияния множества экзогенных факторов, учитывать которые в совокупности не представляется возможным в силу достаточно большого числа акторов, а также их непредсказуемой политики и поведения. Страны, предпринимающие попытки через программы модернизации экономики выйти на новые прорывные траектории развития (или даже вернуться к своим историческим позициям в мире, которые были для отдельных стран в предыдущем веке, столетия назад или даже в прошлом тысячелетии), как правило, рассматривают в качестве приоритетов свои национальные особенности и национальные интересы превыше всего, делая их одним из драйверов развития и, соответственно, модернизации.

Если глобализации усиливает проявления внешних шоков и их проникновение в экономику и общественные отношения в странах мира, то эти шоки также вносят изменения в международные отношения, включая как политические, межнациональные, таки и экономические отношения. Это создает необходимость: 1) всемерного комплексного учета рисков геополитической нестабильности в мире; 2) признание обоснованности следования национальным интересам при реализации государственной политики; 3) целесообразность разработки, выбора и развития инструментария согласования национальных интересов разных стран для обеспечения их плодотворного и эффективного международного сотрудничества и при достижении корректных целей с обоих сторон взаимодействия.

Одним из самых ярких примеров международной помощи странам, пострадавшим от последствий шоков различного происхождения, являются программы внешней финансовой поддержки, осуществляемые, прежде всего, МВФ. Однако практика показывает не только положительные моменты этого, но и негативные, когда страна может потерять свою идентичность, становится зависима от внешнего управления, вынуждена реализовывать программы жесткой экономии и налогового регулирования. Сейчас, когда страны с неустойчивой экономикой столкнулись с бюджетным дефицитом вследствие снижения экономической активности из-за пандемии, снижения цен на сырьевые товары, снижения или даже приостановка экспорта, прекращения прямых иностранных инвестиций, без значительного и скоординированного международного реагирования глубина и вероятная продолжительность современного глобального шока может поставить под угрозу те достижения, которые были достигнуты странами в целях повышения своего экономического роста и благосостояния граждан за последние 20 лет. Благодаря рекомендациям

МВФ в части мер антикризисного управления[299], которые включали в себя набор фискальных и нефискальных мер поддержки бизнеса и населения, удалось снизить негативные проявления кризиса, но эффективность таких решений зависит от финансового потенциала страны и возможностей увеличить бюджетные расходы на финансовую помощь, предоставление налоговых отсрочек, а также осуществить внешние государственные заимствования для покрытия бюджетного дефицита. Восстановление экономики зависит от того, как государственные финансы будут восстановлены до устойчивого состояния. Даже если это политически осуществимо, повышение налогов и сокращение расходов ведут к медленному восстановлению частного сектора, особенно если сокращение расходов приходится на государственные инвестиции и поддержание государственного капитала[300] – таким образом, более устойчивые страны продолжают сохранять свои национальные интересы при более жесткой государственной политике. Но для стран с ограниченными финансовыми возможностями внешняя финансовая помощь расширяет фискальное пространство, и поэтому выбор внутренней политики ограничен условиями предоставления дополнительного финансирования.

Для страны, которая предпринимает усилия по повышению своего благосостояния, всегда стоит дилемма следования национальным интересам в совокупности с необходимостью участвовать в мировой торговле, подчиняясь определенным установленным правилам, которые также могут стать определенных локальным шоком для страны, учитывая его внешнее происхождение. В качестве таких внешних шоков следует рассматривать так называемые «внешние институциональные шоки», которые

---

[299] IMF. Economic Policies for the COVID-19 War. URL: https://blogs.imf.org/2020/04/01/economic-policies-for-the-covid-19-war/.

[300] Adam C., Henstridge M., Lee S. After the lockdown: Using epidemiological and macroeconomic models to set out the adjustment to the aftermath of the Covid-19 pandemic in Sub-Saharan Africa // Oxford Policy Management, Working Paper, June 2020. URL: https://www.opml.co.uk/files/Publications/ahl2020-opm-working-paper-16-july-2020-final.pdf?noredirect=1.

спровоцированы изменением в институциональной среде, а именно правилах, нормах, законах, процедурах, - поэтому мы можем считать, что вступление страны в ВТО, торговые блоки, таможенные союзы, изменение правил по участию в этих объединениях может стать определенным сигналом для страны и компаний в части изменения своей политики и стратегий, включая даже отказ от участия в таких объединениях как мера по сохранению собственной устойчивости экономической системы.

Отдельной составляющей преследования национальных интересов в программах развития следует считать торговые эмбарго, санкции и антисанкции как элемент институциональных запретов. Всесторонне это следует рассматривать как в отношении конкретной страны, так и в отношении компаний определенных отраслей или собственности. В некоторых случаях сама государственная политика конкретной страны может быть неоднозначна для некоторых экономических субъектов: для реализации определенной государственной политики национальных экономических интересов могут быть предприняты механизмы подавления частных экономических интересов. Тогда для тех компаний, которые испытывают трудности в функционировании, являются слабыми игроками на конкурентных рынках, имеют проблемы в платежеспособности, жесткая налоговая политики будет достаточно разрушительна, равно как и высокие тарифы компаний, предоставляющих услуги естественных монополий, или высокие ставки по заемным ресурсам для финансирования деятельности.

Но другое обстоятельство – когда механизмы начинают действовать с другой стороны – от другой страны в виде определенных экономических ограничений (сейчас мы становимся свидетелями даже глобальных торговых ограничений в отношении ряда стран, включая и Россию), когда организованно сформирована система ограничений на ввоз и вывоз из страны определенной группы сырья, товаров, услуг или продукции определенных компаний. Достаточно много мнений относительно этической стороны подобных действий, и насколько они оправданны в

современном цивилизованном мире. Кроме того, не стоит исключать и негативного воздействия санкций на страну, которая их объявила в отношении другой страны (или стран) – ограничения могут быть существенны для предприятий и населения этой страны, которые сформировали для себя экономически обоснованные эффекты и лояльность, а также могут привести к существенному удорожанию товаров-заменителей или транзакционных издержек в отношении «разрешенных товаров». Есть также опасность и в намеренном, оппортунистическом поведении заинтересованных лиц, которые имеют влияние на государственные решения, - в этом случае для обоих экономик, которые задействованы в санкционном процессе, могут быть достаточно весомые неблагоприятные последствия развития ситуации. Мы согласны с мнением Р.О. Очкина[301], что санкции следует рассматривать как определенный политический инструмент, нежели экономический, и как средство внутриполитической или бюрократической борьбы.

Условно санкционные процессы способны создать определенные некорректные и необоснованные процессы, способные привести к недостижению запланированного результата, и даже наоборот, негативно сказаться на участниках этих процессов – как со стороны, объявившей санкции, так и со стороны, попавшей под санкции:

- невозможность следования принципам интеграции в условиях глобализации и достижения устойчивого роста, включая участие в межрегиональных блоках и союзах;

- разрывы торговых отношений, изменение экспортных и импортных пошлин, снижение или запрет прямых иностранных инвестиций, ограничения на заимствования на финансовых рынках для публичных компаний;

---

[301] Очкин Р.О. Теоретико-методологические аспекты исследования внешних шоков как детерминирующего фактора национально-государственных экономических интересов // Журнал «Теоретическая экономика», 2018, №2, с. 161-167.

- наличие транснациональных корпораций, которые вынуждены сворачивать или ограничивать свою деятельность под влиянием политических решений.

Решения относительно защиты национальных интересов при проектировании стратегий экономического развития, программ модернизации экономики и тем более при разработке и реализации мер антишокового регулирования должны опираться на строго экономические последствия таких решений, включая повышение темпов экономического роста и соответственно ВВП, включая увеличение темпов промышленного высокотехнологичного производства, повышение ВВП в расчете на душу населения, содействие внеднеэкономической деятельности и справедливости мировой торговли с учетом использования классических принципов сравнительных преимуществ экономики страны, возможностей развития собственной технологической базы за счет трансфера технологий и технологического обмена, академической мобильности, снижение неравенства.

В целом, стремление стран к достижению национальных интересов также продиктовано объективным стремлением к лидерству в мировой экономике – с учетом того, что экспертные прогнозы склоняются к корректировке позиций стран-лидеров мировой экономики уже к 2030 г. Помимо эволюционного движения по повышательной волне шестого кондратьевского цикла происходит и нарастание неустойчивости периферии в мировой экономической системе. Это требует от стран последовательных усилий в достижении поставленных экономических целей в совокупности с задачами повышения своего политического влияния в мире, что реализуется в разработке и реализации стратегии долгосрочного социально-экономического развития (включая программно-целевые и индикативные подходы). Однако эти стратегии должны также предусматривать механизмы реагирования на глобальные и внешние шоки, чтобы макроэкономическая система сохранила свою устойчивость и

целенаправленно развивалась по заданным параметрам с минимальными отклонениями. Эти задачи должны решаться не только исключительно государственными структурами в рамках государственной политики, но и при взаимодействии с бизнесом и общественными структурами, что обеспечит большую проработанность и учет частных и бизнес интересов экономических субъектов для достижения национальных интересов при адекватной оценке рисков современного этапа развития.

ГЛАВА 4. РАЗВИТИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ, КОМПЕНСИРУЮЩИХ ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ШОКОВ В УПРАВЛЕНИИ МОДЕРНИЗИРУЕМЫМИ ЭКОНОМИКАМИ (на примере Российской Федерации)

4.1. Развитие механизма стратегического управления в рамках сквозной государственной стратегии развития

Общеизвестно, что в системе макроэкономического планирования, прогнозирования и управления уже стало традиционных использование подтвердивших свою эффективность методологий:

- индикативное планирование и управление, которое основано на планово-регулирующей деятельности посредством установления, мониторинга и контроля значений индикаторов (как правило, макроэкономических показателей), которые для реализации механизма контроля имеют «граничные» или «пороговые» значения, за пределами которых возникает угроза наступления кризисных явлений. Существенным достоинством выступает возможность организовать слежение за разного типа индикаторами: а) опережающими (которые позволяют на основе опережения во времени распознать возникающие или увеличивающиеся риски изменения экономической конъюнктуры), б) совпадающими, которые позволяют отследить факт влияния рисков на изменения экономической конъюнктуры, в) запаздывающими, которые позволяют установить степень реального проникновения последствий ухудшения конъюнктуры экономической системы. Индикативное планирование и управление по индикаторам является отлично зарекомендовавшим себя инструментарием мониторинга и стресс-тестирования в период нарастания рисков неблагоприятных событий для экономики, поэтому с целью контроля за состоянием экономической системы при наступлении глобального шока и реализации антикризисных мероприятий целесообразен к применению;

- методология программно-целевого управления, особенностью которого является строго обоснованный отбор основных целей социального, экономического и научно-технического развития и единая принятая система разработки взаимоувязанных программ (т.е. совокупности мероприятий) по их достижению в намечаемые сроки при сбалансированном обеспечении ресурсами и эффективном развитии экономики. Этот метод позволяет выделить значимые проблемы, требующие комплексного подхода, целевого направления ресурсов. Эффективно показавшим себя инструментом строго целевого расходования средств при достижении запланированных показателей выполнения следует считать целевые комплексные программы. С одной стороны, это документ, утверждаемый на государственном уровне и в котором отражена цель и комплекс социально-экономических, производственных, научно-исследовательских и других заданий и мероприятий, направленных на реализацию наиболее эффективным путем имеющихся проблем разной направленности (социальных, экономических, экологических и т.п.), а, с другой стороны, как программа это определенность последовательность действий, которые должны быть заинтересованы ответственными лицами с привязкой к определенным срокам и обеспеченных необходимыми ресурсами;

- методология стратегического планирования и управления, ориентированная на четко обоснованную стратегию социально-экономического развития страны в форме плана с горизонтом планирования в 15-20 лет (который должен корректироваться примерно один раз в 3-5 лет при появлении неучтенных ранее факторов влияния или повышенном влиянии уже учтенного фактора), задача которого – привести выбранные приоритеты в единую систему и ранжировать их, а также сбалансировать долговременные цели с остальным полем социально-экономического развития, с ресурсами страны – трудовыми, природными, материальными, финансовыми. Стратегический план, как правило, является хорошим инструментом при поддержке сценарного подхода, т.е. когда

предусмотрены возможные альтернативные варианты-сценарии, например, в форме диапазонов основных индикаторов (нормативов, показателей, лимитов, нормативов) в зависимости от изменений внешних и внутренних условий развития страны. Стратегии разрабатываются на государственном уровне при экспертной поддержке и являются директивой для государственных органов власти и стратегическим ориентиром, формирующим ожидания и мотивацию в частном секторе и среди населения;

- методология проектного управления, включающая механизмы проектирования специальных программ на основе проектного подхода, который предусматривает единую сквозную систему разработки, мониторинга и контроля реализации проектов, имеющих важное значение для развития экономики страны и являющихся неотъемлемой составляющей достижения ее целей в национальном аспекте[302], решения внутренних проблем и обеспечения долгосрочной устойчивости экономики и развития общества, а также при упрочнении своих позиций на мировом рынке, включая рост ВВП и повышение темпов экономического роста. В России проектный подход имеет уже несколько эволюционных этапов, что подтверждает эффективность реализации проектов, направленных, прежде всего, на поддержание социально-экономического развития (этап 2006-2008 гг.), а в настоящее время (с 2016 г.) – на повышение глобальной конкурентоспособности за счет запланированных масштабные инвестиций, рассчитанных на достижение инновационных прорывов в социальной сфере и экономике, чему способствует реализация национальных приоритетных проектов:

- Здравоохранение,
- Образование,
- Ипотека и арендное жилье,

[302] Ковальчук Ю.А., Ломакин М.И., Степнов И.М. Национальные проектные офисы: конкуренция или координация? // Стандарты и качество, 2016, № 12, с. 62-66.

- Жилищно-коммунальное хозяйство и городская среда,
- Международная кооперация и экспорт,
- Производительность труда,
- Малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы,
- Реформа контрольной и надзорной деятельности,
- Безопасные и качественные дороги,
- Моногорода,
- Экология.

Целесообразность данных подходов подтверждена практикой из применения и достигнутыми результатами, которые мы можем констатировать историческими данными (с конца 20-х – середины 30-х гг. 20 в. директивным планированием в СССР, планов по борьбе с безработицей в Германии, развития национальной экономики в Мексике и Индии; в 30-х гг. построение системы национальных счетов СНС в Норвегии и политика государственного управления в период Депрессии 1933 гг. и управления последствиями глобального шока в экономике стран, начало 50-х гг. – обновление систем национального бюджетирования в ряде стран вследствие индустриализации экономики после Второй мировой войны, с середины 50-х гг. – программное управление в европейских странах, 10-12-летние, пятилетние и годовые планы в Китае, долгосрочные и пятилетние планы в Индии, с середины 70-х гг. - наднациональное прогнозирование и программирование в системе промышленного и научно-технического регулирования европейских стран, с конца 80-х гг. – разработка рамочных среднесрочных программ и специальных стратегических научно-технических программ в странах Восточной Азии, система направляющего планирования в Китае, система демократического планирования в Индии, с начала 2000-х гг. практически во всех странах реализуются стратегические программы развития с разным горизонтом планирования. Такая эволюция также объясняется и тем, что опыт

стратегического планирования и управления, включая управление в условиях кризисов и противодействия кризисам и последствиям шоков (спроса, предложения, пандемийного, техногенного и др.), интегрирует множество связей между практиками разных стран и теми целями, которые были поставлены и достигнуты и каким образом (какими инструментами), включая элементы денежно-кредитной, фискальной, промышленной, инновационной, социальной, внешнеэкономической и др. типами государственных политик. Несмотря на определенные имеющиеся несогласия во внешней политике стран и разные типы социально-экономического развития, очевидно, что разработка программ и стратегий не должна проводиться изолированно, так как могут возникнуть противоречия в управленческих решениях, принимаемых различными странами. Особенно это касается периодов до и после нарастания глобальных рисков, способных перейти к состоянию формирования глобального шока и в состоянии противодействия его последствиям.

В настоящее время, несмотря на постоянный жесткий контроль хода реализации национальных проектов, стратегий разного типа, принятых и обновленных в России, мы можем констатировать определенную озабоченность развитием и обновлением методологии стратегического управления, включая конкретные внешние вызовы (санкции), нестабильность на финансовых и товарных рынках, последствия глобальных шоков 2008-2009 гг. и 2020 г. и локального шока 2014 г. Эксперты отмечают[303], что, начиная с 2014 г. в России в системе стратегического планирования создано более 64 тыс. документов (включая стратегии, планы, программы, дорожные карты, элементы согласований, бюджеты и т.п.) и задействовано более 24 тыс. участников, что уже привело к нарастанию единовременных расходов на формирование всего массива

[303] Ответ на вызовы цифровизации: госуправление, основанное на данных, «штабная» модель управления и структурный маневр в численности госслужащих. Доклад НИУ ВШЭ / А. Б. Жулин (рук. авт. кол.), Я. И. Кузьминов (рук. авт. кол.) ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 47 с.

документов до 100 млрд. руб. и текущих расходов на функционирование самой системы до 5 млрд. руб. При таких объемах очевидно возникновение рисков несогласованности разработанных документов, использующих разных набор индикаторов или разные названия одного показателя. Кроме того, ситуация глобальной пандемии показала важность и оперативного управления и разработки оперативных антикризисных мер, для которых также важна, помимо необходимых финансовых ресурсов реализации, и согласованность действий и создание механизмов мониторинга реализации и контроля. Это также вскрыло имеющиеся проблемы с целесообразностью периодического уточнения целей развития экономических систем и действий по их достижения с учетом изменяющихся условий, и одновременно указало на возможности внедрения в практику государственного управления новых методов управления (как это ранее было с проектным управлением, который был взят на вооружение из бизнеса), включая цифровые технологии в процессах согласования, планирования, мониторинга, оценки исполнения программ и проектов, а также более активного подключения общества (граждан) и бизнеса как заинтересованных сторон и акторов негосударственных инициатив в достижении целей социально-экономического развития страны.

В связи с этим интересным для внедрения является методология Big Fast Results[304] (от англ. Большие Быстрые Результаты) и опыт ее применения государственными структурами в Малайзии и других странах[305]. Сама методология разработана созданным в 2009 г. при правительстве Малайзии институтом PEMANDU с целью управления эффективностью и реализации реформ в сфере государственных услуг в рамках стратегии развития «Видение – 2020» для достижения Малайзией статуса экономически

[304] PEMANDU Associates. Big Fast Results (BFR) Methodology – 8 Steps of Transformation©. URL: https://pemandu.org/8-steps-of-transformation/.

[305] Driving Performance from the Center: Malaysia's Experience with PEMANDU // World Bank Group, Knowledge & Research, 2017, April. URL: https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/26495/114270-WP-PUBLIC-13-4-2017-13-0-58-WorldBankReportPemanduFAFULLWeb.pdf?sequence=1.

развитой страны. Этоq стратегией предусматривалось повышение ежегодного дохода на душу населения в размере не менее 15 тыс. долларов США, ежегодный 6%-ный прирост ВВП и создание более 3 млн. рабочих мест. Эффективность была подтверждена в течение первых двух лет[306] ростом валового внутреннего дохода на душу населения (+45%), ВВП (+5,6%), инвестиций (+300%) – в итоге экономика Малайзии в 2015-2015 годах занимала 6-е место в Азии и 20-е в мире, опережая такие страны, как Австралия, Франция и Южная Корея. Сегодня институт PEMANDU помогает правительствам во всем мире достигать своих национальных целей с помощью высокоэффективной методологии сотрудничества и подхода, который начинается от стратегического согласования на самом верху до строгого выполнения ключевыми исполнителями.

С учетом стоящих перед Россией задач по достижению позиций мирового лидерства и общего повышения социально-экономического уровня развития, есть насущная необходимость не просто в обновлении стратегий и программ с учетом внешних вызовов (санкций), нестабильности на финансовых и товарных рынках, последствий глобальных и локальных шоков, но и увязать все функциональные и отраслевые (с учетом направленности на сбалансированность структурных сдвигов в экономике) ориентиры и направления в единую сквозную фронтальную стратегию социально-экономического развития России (как минимум на ближайшее десятилетие, до 2030 г.).

Фактически стратегия должна стать набором тщательно отобранных, согласованных во времени, по исполнителям, ресурсами и срокам проектов, которые будут способствовать переходу из текущего состояния в желаемое будущее, которое также должно быть согласовано как направление движения или вариативно с учетом применения сценарного подхода, но без значительного расхождения параметров (иначе теряется смысл разработки

[306] Тан Датук Кристофер и малазийский институт PEMANDU: «Не нужно пытаться решить 100% проблем в зале совещаний». URL: https://blog.pmpractice.ru/2017/04/20/pemandu/.

единой сквозной стратегии). При этом первоочередной задачей является обоснование и выбор прорывных инициатив, способных отразить четко и определенно приоритеты социально-экономического развития страны или приоритеты формирования и наращивания глобальной конкурентоспособности, причем эти приоритеты должны дополнять друг друга и быть направлены на формирование синергетического эффекта. Задачи следует распределить по трем блока в зависимости от горизонта планирования и периода достигаемых результатов:

- блок оперативных задач (горизонт планирования – год). В данный блок отбираются строго специализированные проекты с достаточно видимой определенностью (чтобы избежать парадокса быстрых результатов[307]), понятным и обоснованным объемом финансирования и ресурсов, и, как правило, проект направлен на решение конкретно поставленной задачи с единственным вариантом решения вследствие подтверждения низких оценок вероятностей возникновения рисков недостижения запланированного результата и при отсутствия влияния неучтенных факторов, не поддающихся оценке;

- блок среднесрочных проектов (горизонт планирования 3-5 лет). В данный блок отбираются проекты, отличающиеся межотраслевой направленностью, т.е. их реализация затрагивает развитие нескольких отраслей экономики – поэтому и требуется большая согласованность и подготовка к реализации, чтобы в совокупности усилий достичь запланированных результатов. Учитывая множественное число исполнителей и участников возможна вариативность при оценке принятия итого варианта, включая корректировку бюджетов и проработку ухода от рисков с высокой вероятностью проявления и учет рисков влияния внешнего воздействия, включая проявления шоков разного (экономического

[307] Van Buren M.E., Safferstone T. The Quick Wins Paradox // Harvard Business Review, 2009, January. URL: https://hbr.org/2009/01/the-quick-wins-paradox.

и неэкономического происхождения) и разрастания последствия этих шоков для их быстрого купирования;

- блок долгосрочных проектов (горизонт планирования – до 10 лет). В данный блок отбираются крупномасштабные, более капиталоемкие стратегически ориентированные проекты с системно важными результатами, которые способны создать и усилить потенциал устойчивости экономических систем в условиях действия разных рисков и вызовов и восстановления состояния систем до уровня докризисного как минимум, т.е. результаты должны носить пролонгированный характер. Такие проекты требуют не только проведения стратегического (SWOT, PESR, SPELT и др.) анализа, оценки рисков с учетом неопределенности и стресс-тестирования, но и детальной проработки и оценки множества вариантов решений, из которых должен быть обоснованно выбран тот, который и будет реализован и контролируем по всем установленным контрольным точкам мониторинга проекта и выявления соответствий запланированных промежуточным индикаторам. Очевидно, что данный блок также требует внесения изменения в систему управления путем формирования (разработки) соответствующих согласительных и контролирующих механизмов управления, учитывая возможности корректировки, внесения изменений вследствие волатильности экономической конъюнктуры и создания системы ответственности за достигаемые результаты.

Сам механизм стратегического управления по разработке и реализации сквозной государственной стратегии развития, по нашему мнению, может быть построен по следующей схеме (рис. 4.1).

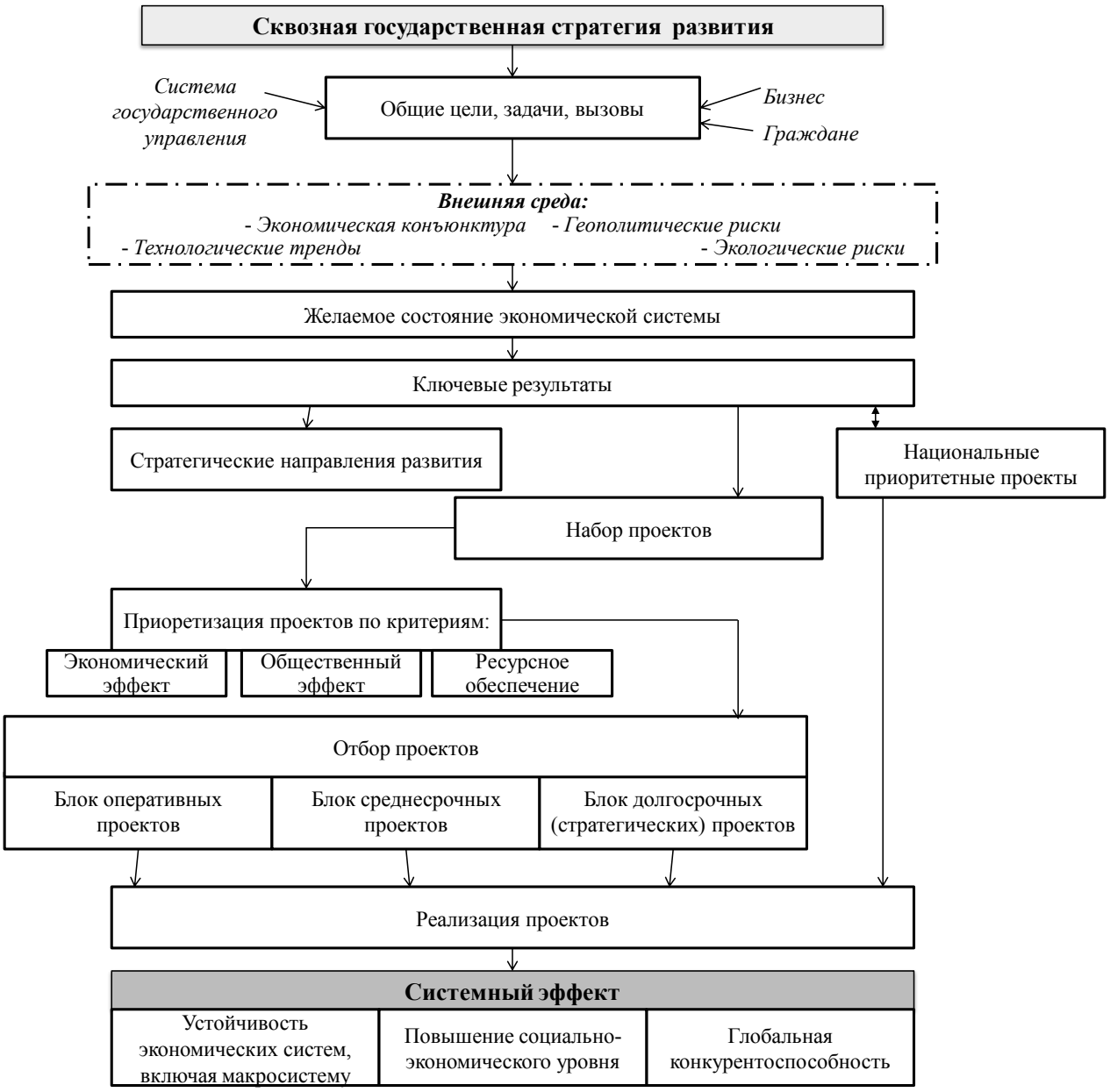

Рис. 4.1. Механизм стратегического управления по разработке и реализации сквозной государственной стратегии развития.

Источник: разработано автором.

Отличительной особенностью является учет возможностей обновления стратегии при продолжении реализации уже продолжающихся национальных приоритетных проектов. Выявление стратегических направлений развития позволит осуществить выбор среди следующих блоков решений:

- блок инноваций, предполагающий улучшение функционирования для бизнес-компаний, включая поддержку адаптации бизнес-моделей к современным цифровым решениям, включение в локальные цепочки поставок и стратегические альянсы для повышения эффективности функционирования, распространение сетевых эффектов в разных отраслях экономики;

- блок адаптационных стратегических изменений, предполагающий встраивание бизнеса и общества в современные тренды с учетом возможностей соответствующей реакции на вызовы со стороны внешней среды и стран-лидеров мировой экономики; как правило, целесообразна реализация с использованием проектного управления при внедрении новых технологий, процедур и продуктов, с учетом снижения возмущений и потерь от вынужденных структурных изменений в экономике;

- блок прорывных инициатив, предполагающий на основе процессного управления включение решений, способных стать драйверами роста и достижения целей стратегии с превосходящими ключевые результаты; требует тщательнейшей проработки, поскольку здесь сосредоточен большой объем ресурсов, требующий контроля, при высокой степени вариативности прогнозируемых результатов.

Сами же стратегические направления развития, по нашему мнению, обязательно должны отталкиваться от текущего состояния экономической системы, что позволит объективно оценить потенциал развития, а также выявить актуальные проблемы, требующие разрешения в современных условиях и реальные к появлению в ближайшем будущем, несмотря на его неопределенность. Кроме того, следует рассматривать варианты и создания «окна возможностей», с учетом качественной и количественной оценки потенциальных преимуществ для социально-экономического развития и повышения глобальной конкурентоспособности. Таким образом, можно спроектировать желаемое состояние экономической системы и соответствующие результаты, которые должны, в соответствии с методикой

SMART, быть конкретны (specific), измеримы (measurable), достижимы (achievable), значимы (relevant), согласованы во времени (time bound).

Несмотря на понимание того, что определенные методы в государственное управление были внедрены из практики бизнеса, следует подчеркнуть именно необходимость их адаптации под задачи, реализуемые правительствами и в системе государственного управления с учетом его большей направленности на решение общих внутренних проблем и поддержание стабильности в условиях глобальных вызовов. Так, очевидно, что подходы в антикризисном бизнес-управлении относительно быстрого принятия решений или чисто коммерческой расстановки приоритетов не будет воспринята в системе государственного управления. Даже при отборе стратегических приоритетов должна быть выполнена согласительная работа по поддержке общественных инициатив для того, чтобы принятые к реализации проекты достигли результатов, ценных не только для экономики страны, но и для модернизации общества.

Также следует обратить внимание на ряд принципов, использование которых повысит эффективность функционирования предложенного механизма стратегического управления по разработке и реализации сквозной государственной стратегии развития, включая следующие:

- системность, что означает применение любых технологий и процедур разработки стратегий в системе государственного управления только с учетом общей цели макроэкономической системы при согласованности целей ее подсистем с участием бизнеса и граждан, а также при исследовании количественных и качественных закономерностей в экономических системах, оценке возможных рисков как генераторов возмущений для этих систем;

- непрерывности, что означает постоянный контроль и мониторинг реализации стратегических и приоритетных проектов по контрольным точкам и при необходимости корректировку ключевых результатов как использование преимуществ гибкости в управления в соответствии с

динамикой изменения внешней среды и возрастанием неопределенности и выявлением ошибок на первоначальном этапе планирования, включая оценку опережающих индикаторов системных рисков и рисков возникновения локальных и глобальных угроз;

- единства экономики и политики, что означает признание влияния геополитических (субъективных и объективных) факторов на процессы модернизации экономик и определение ими стратегических приоритетов не только с учетом потенциала развития, но и возможностей позиционирования в глобальной экономике при сохранении общегосударственных национальных интересов;

- сбалансированности и пропорциональности, что означает согласование и увязку результатов с возможностями (ресурсами), учет комплексности и связи подсистем и элементов макроэкономической системы между собой, включая межотраслевые пропорции (соотношение между различными отраслями экономики), внутриотраслевые пропорции (соотношение между отдельными видами сопряженных производств), территориальные пропорции (соотношение между регионами и размещение производства по территории страны), внешнеэкономические пропорции (соотношение между производством продукции внутри страны и объемами экспорта и импорта товаров), для поддержки определенных стратегически выверенных имеющих перспективы повышения эффективности функционирования и устойчивости структурных изменений в экономической системе;

- вариативности (альтернативности), что означает проработку сценариев развития, включая наихудший и самый благоприятный вариант для понимания реальности отбираемых проектов для реализации с учетом выявленных стратегических направлений развития и установки адекватных ограничений по значениям индикаторов контроля реализации проектов;

- социальной приоритетности, что означает первостепенную важность именно задач по повышению благосостояния населения и повышение социально-экономического уровня;

- сочетание процессного и проектного подходов (деятельности), что позволяет в структуре реализации инициативных проектов ориентироваться на эффекты для общества, т.е. социально-экономического развития страны, а при ориентации на достижение согласованной цели сквозной стратегии – на процессный подход, включая возможности тиражирования лучших, показавших свою эффективность решений, включая устранение или минимизацию ущерба от последствий влияния глобальных шоков на экономику страны.

4.2. Угрозы и возможности стратегии следования глобальным технологическим трендам

Не подлежит сомнению, что реализация страной инновационного пути развития и достаточно высокие объемы корпоративных инвестиций в НИОКР являются неотъемлемой составляющей положительных внешних эффектов для экономики и общества в целом, как с точки зрения технологических возможностей, которые принесут пользу широкому кругу пользователей, так и экономической отдачи. Такой вполне обоснованный аргумент “провалов рынка” оправдывает государственную поддержку НИОКР бизнеса (включая налоговые преференции), а государственное финансирование НИОКР (т.е. субсидии) является одним из ключевых вариантов государственной научно-технической политики. Связь между инновациями и конкурентоспособностью является общепризнанным фактом в экономической литературе и было рассмотрено в главе 1 диссертации, а повышение производительности за счет инноваций в целях повышения конкурентоспособности является общепризнанной общей стратегией для компаний.

Глобальные шоки последнего двадцатилетия еще раз подтвердили важность технологического усовершенствования в восстановлении экономики, ведь зачастую с последствиями удавалось справиться благодаря новаторским решениям и большей осознанности в необходимости реализации изменений на благо будущего. Самым показательным в период глобального шока пандемии 2020 г. стал практически мгновенный переход к дистанционному обучению в школах и университетах на основе до того времени не часто используемых технологий удаленного обучения, который стал правильным и обоснованным решением в сложившейся ситуации. Однако эффективным такой переход и сам процесс обучения оказался в тех странах, которые были обеспечены стабильно работающей интернет-инфраструктурой и скоростями передачи информации, а граждане – соответствующими техническими средствами и доступом к интернету. При понимании технического способа решения данной проблемы, тем не менее, для развивающихся стран встал вопрос об обострении цифрового неравенства – неравномерность подключения/доступа к интернет и отсутствие техники у наименее обеспеченных семей. Такие проблемы коснулись и компаний, которые не сумели перестроится на новый цифровой формат бизнес-моделей и были вынуждены закрыться. В условиях нарастания последствий шоков стратегически востребованными становится поиск внутренних резервов для их преодоления, что наравне со структурными изменениями (отмеченными в п. 3.2 диссертации) и программами по преодолению технологического отставания и государственной поддержке инновационного бизнеса. Причем данные структурные изменения, равно как и приоритеты технологических трендов, должны быть управляемы со стороны правительств, чтобы не допустить структурной отраслевой разбалансировки экономики и направлять усилия действительно в те сектора, где есть потенциал или возможности существенного технологического прорыва.

Понимая определенные траектории зависимого и догоняющего развития, которые предпринимают страны с модернизируемой экономикой, мы признаем целесообразность таких траекторий как наименее затратные и наименее рисковые. Однако такое использование технологий становится пропуском на новый уровень социально-экономического развития страны, но, к сожалению, не дает никаких перспектив к лидирующим позициям в мировой экономике.

Поддержка фундаментальной науки традиционно относится к государственному участию, бизнес предпочитает вкладываться в инновации на стадии коммерциализации – это более обоснованно и коммерчески эффективно с точки зрения управления инвестициями. Тем не менее, большинство стран активно через государственные программы содействия стараются организовать совместную работу для целей технологического развития и большей инновационной активности. Безусловно, у такого подхода есть определенные сомнения в силу того, что государственная поддержка может создать механизм вытеснения участников в силу неправильного выбора приоритетов технологического развития и соответствующего избыточного финансирования компаний, которые не способны создать необходимые инновационные продукты или технологий, или в силу оппортунистического поведения заинтересованных компаний, имеющих возможности лоббирования своих интересов.

Правильность выбора технологических приоритетов уже долгое время в мире поддерживается технологиями форсайта и экспертными исследованиями авторитетных ученых и специалистов (поскольку не только научная ценность имеет место при выборе, но также и практическая значимость научных достижений и их коммерциализуемость, которые станут базой для отдачи от инвестиций в будущем и заделом, в том числе и финансовым, для нового цикла исследований и разработок). Форсайт-методология обоснована своей комплексностью и возможностью использовать разные технологии в условиях очевидной неопределенности

будущего – экстраполяция, стратегирование, футурология, оценка перспектив и др. Самым главным достоинством форсайт-методологии является вариативность результатов прогнозирования, когда можно спроектировать несколько сценариев и при необходимости выбрать те, которые напрямую позволят реализовать прилагаемые усилия с учетом доступных ресурсов и имеющегося потенциала.

Подобная работа осуществляется с применением механизма многокритериального отбора перспективных результатов научно-технической деятельности, основными элементами которого являются наличие:

− множества альтернатив;

− множества критериев и частных показателей для характеристики альтернатив;

− нормированной шкалы для формализации критериев и частных показателей;

− группы экспертов для выявления коэффициентов относительной важности критериев и частных показателей;

− согласованная оценка критериев и частных показателей;

− выбор правил для многокритериальной оценки и ранжирования альтернатив.

Готовые к внедрению результаты научных исследований, имеющих прикладную ценность, реализуются на открытом рынке с использованием рыночных инструментов.

Так, актуализированный в 2018 году прогноз научно-технологического развития России до 2030 года, подготовленный Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ под эгидой Минобрнауки с участием более 2000 ведущих российских и зарубежных экспертов, включает два сценария:

1) базовый (консервативный) сценарий, предполагающий вариант технологической адаптации и продолжения следования по пути развития

национальной инновационной системы, включая продолжение исследований и разработок с учетом мировых достижений, но не предполагающих существенных новаторских результатов. Проектирование такого сценария вызвано необходимость решения текущих проблем функционирования научной сферы и фактически сохранение ее жизнеспособности при улучшении показателей работы, но не соотносящихся с качественно новым уровнем;

2) целевой сценарий, предполагающий значительный технологический прорыв и ориентированный на почти 3-кратный рост показателей научных индикаторов. Реализация этого сценария позволит обеспечить траекторию движения к мировому лидерству и фактически создание новых рынков, что позволит не только создать потенциал для повышения ВВП и доходов, но существенно улучшить экономику через структурные трансформации и создать резервы для устойчивого роста, даже в условиях действия глобальных шоков.

Существенным вкладом для реализации стратегии научно-технологического развития от 2016 г. стали большие вызовы, которые можно считать рисками локальных и даже глобальных шоков, и приоритеты (рис. 4.2), обозначенные в новой государственной программе «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» от 2019 г. и Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021-2030 гг.), принятая в конце 2020 г. и определившая их план. В качестве индикаторов и показателей госпрограммы включены индикаторы, характеризующие в том числе место России в международном рейтинге конкурентоспособности талантов, места российских университетов в топ-500 глобальных рейтингов университетов, место по удельному весу в общем числе статей в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития, внутренние затраты на научные исследования и разработки за счёт всех источников, количество крупных международных проектов класса «мегасайенс», реализуемых в

России, количество функционирующих научных и научно-образовательных центров мирового уровня[308]. Неотъемлемыми элементами системы государственной поддержки развития науки и технологий также являются система государственных фондов (прежде всего, Российский научный фонд и Российский фонд фундаментальных исследований, Фонд содействия инновациям, Российская венчурная компания, которые в настоящее время проходят процедуры реформирования для включения в институциональную среду на базе ВЭБ), что прямым образом подтверждает заинтересованность и включенность государства с технологическое совершенствование экономики и общества с целью повышения устойчивости.

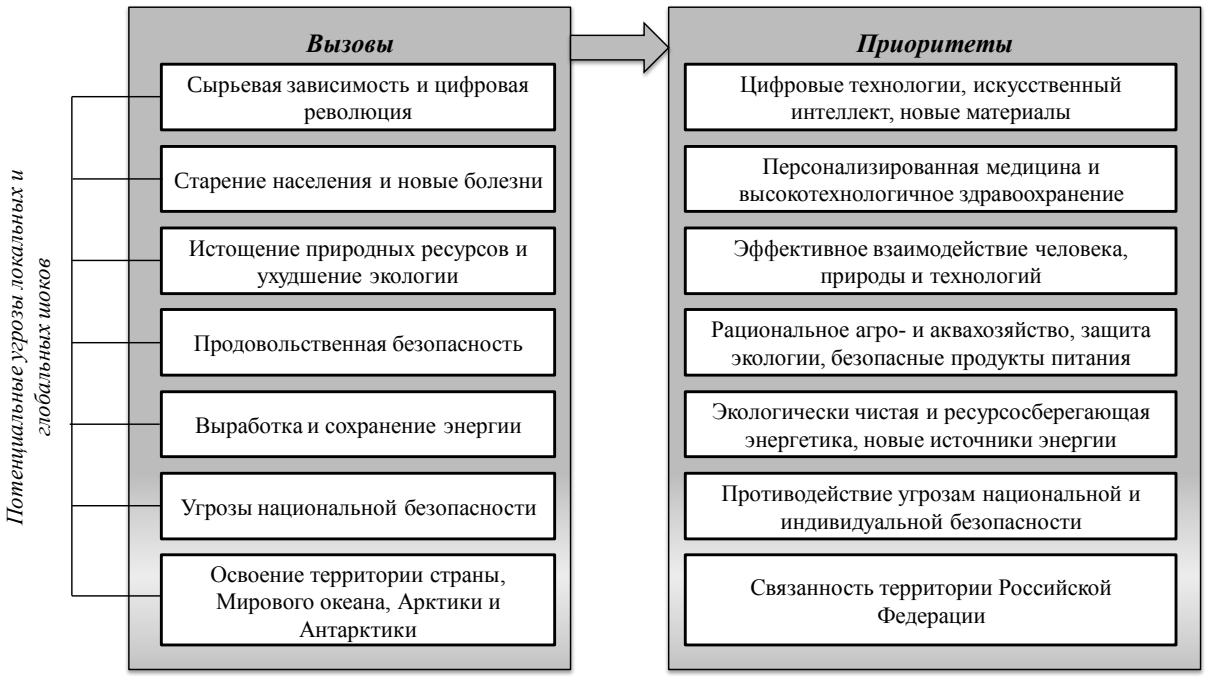

Рис. 4.2. Элементы стратегии научно-технологического развития Российской Федерации.

Источник: составлено автором на основе: О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642; Научно-технологическое развитие России. Инструменты, потенциал, перспективы / Т.Л. Броницкий, И.Е. Ильина, И.А.Тихомиров, С.Л. Парфенова, Д.В. Золотарев, Е.Н. Жарова, В.Н. Долгова, Е.Г. Гришакина, К.А. Калюжный, Т.В. Чеченкина. М.: Буки Веди, 2019. с. 10.

[308] Правительство Российской Федерации: официальный сайт. Утверждена государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации». URL: http://government.ru/docs/36310/.

Опыт по государственному регулированию финансовой поддержке развитии науки и сектора технологий показывает, что политические меры могут влиять на инвестиционные решения компаний. Например, структурная и регулятивная политика, а также институты влияют на инновации и производительность, решения о местоположении и резиденстве компаний, выбор инвестиций в нематериальные активы. Это обосновывает более широкое использование научно обоснованной политики, поскольку отсутствие соответствующих данных для разработки и реализации национальной политики научных исследований и инноваций, способных стать основой для существенного прорыва в промышленности и необходимых структурных изменений, может привести к неправильному их использованию. Также следует помнить, что компании, получившие финансирование, могут быть неспособны достичь запланированных результатов, и это еще раз подтверждает рискованность инвестиций в исследования и разработки и необходимость выбора правильных приоритетов, что способно регулировать именно государство как важный актор в вопросах установления правил, нормативов и преференций.

При этом чрезвычайно существенным является то, что государственное финансирование не вытесняют частные инвестиции в НИОКР, они способствуют созданию новых рабочих мест, включая высокотехнологичные, повышение уровня и качества жизни людей, занимающихся наукой и техническим творчеством, повышению производительности и объемов продаж. Следует отметить, что отдельные исследователи[309] сходятся во мнении, что государственное финансирование НИОКР показывает свою эффективность даже в тех регионах и странах, которые имеют более слабые государственные институты, включая права собственности.

[309] Bianchini S., Llerena P., Martino R. The impact of R&D subsidies under different institutional frameworks // Structural Change and Economic Dynamics, 2019, vol. 50(C), pp. 65-78.

В целом, конечно государственное финансирование науки и технологий содержит не только ориентиры, документы и соответствующее финансирование – это определенный политический и стратегический инструмент, включающий также и регулирование рынков труда и товарных рынков, однако оно должно быть настолько обоснованным и не нарушающим принципы справедливой конкуренции, так как чрезмерное регулирование может препятствовать частным инвестициям и тем самым нанести ущерб экономике. Механизмы государственной политики должны учитывать специфику целевых притоков инвестиций, чтобы лучше адаптировать возможные стратегические вмешательства.

Поддержка технологического развития также может осуществляться через конкурсные программы финансирования модернизации предприятий и компаний (как это, к примеру, реализовано в России через Фонд развития промышленности, цель которого состоит в эффективном использовании механизма возвратного финансирования по сниженным ставкам при реализации инвестиционных проектов, а также обеспечение политики перехода на принципы наилучших доступных технологий и импортозамещения).

Помимо необходимости стратегирования в научно-технологической сфере, имеет место несовершенство и необработанность механизмов внедрения результатов научных исследований в экономике, что обусловлено их проработкой в двух аспектах: теоретическом и прикладном.

В связи с этим следует, по нашему мнению, выделить три блока в содержательном аспекте механизма внедрения результатов научных исследований (рис. 4.3), с учетом большей ориентации на коммерциализацию и, соответственно, реализацию прикладных целей, а также при неразрывной циклической взаимосвязи всех блоков:

Рис. 4.3. Механизм внедрения результатов исследований для прикладных целей.

Источник: разработано автором совместно с Кумеховым К.К. и Черных А.В. и опубликовано в: Саркисян Ж.М., Кумехов К.К., Черных А.В. Правовые аспекты механизма внедрения результатов научных исследований в экономике // Актуальные проблемы социально-экономического развития России, 2018, № 2, с. 45-55.

1) блок формализованных идей, как результата исследования в виде моделей, экономических законов, методов и т.д.;

2) блок как собственно механизм внедрения, включающий экономические и правовые инструменты;

3) блок, содержащий отсылку к ожидаемым результатам, удовлетворяющим ожидаемые потребности заказчиков.

Все блоки содержательно взаимообуславливаемы и достаточно транспаранты, а основными принципами функционирования предложенного механизма являются:

- непрерывность, т.к. с учетом исторического ракурса на каждом последующем этапе внедрения новых знаний учитывается предыдущий опыт;

- однонаправленность, которая обусловлена использованием динамического модуса времени, присущего для всех динамических процессов, исключающего обратимость времени;

- цикличность, которая означает, что каждый раз, получив и внедрив новые знания, исследователь должен исходить из того, что под

воздействием многих факторов они подвержены «моральному износу» и поэтому нуждаются в постоянной актуализации. Данный принцип соответствует философскому представлению познания, как непрерывного процесса.

Циклическую связь элементов механизма внедрения новых знаний можно объяснить присущей для общественных наук, необходимостью создания все более совершенствующегося, на основе получения и внедрения новых знаний, прообраза объекта исследований. Состояние этих объектов зависит от естественных процессов, которые формируют механизмы саморегуляции, которые не подвластны человеку. В связи с этим, исследователь в режиме свободного поиска расширяет знания об объекте, тогда как в общественных науках необходимо воссоздавать прообраз объекта исследования.

В рамках отдельного государства, внедрение результатов прикладных исследований в экономике возможно лишь при наличии и эффективном взаимодействии взаимосвязанных структурных подсистем, обеспечивающих функционирование правового механизма. К ним относят:

1. Нормативно-правовую подсистему (совокупность нормативно-правовых актов, регулирующих отношения, связанные с обеспечением экономической безопасности на всех уровнях управления национальной экономикой).

2. Организационно-управленческую подсистему (законодательные, исполнительные и судебные органы государственной власти).

3. Финансово-экономическую подсистему (налогово-бюджетное планирование, кредитование и финансирование приоритетных направлений развития региональной экономики и национальной в целом).

4. Подсистему научных и научно-технических институтов (отраслевые научно-исследовательские центры, национальные исследовательские университеты, конструкторские бюро, университеты, научно-образовательные центры (НОЦ) и т.д.).

5. Кадровую подсистему (внедрение научно обоснованных методов отбора, расстановки, обучения, воспитания, стимулирования и правовая защита кадров).

6. Информационно-аналитическую подсистему (обеспечивает полную и объективную информацию об экономическом положении страны, уровне реализации приоритетных национальных интересов в экономической сфере, состоянии науки и ее влиянии на процессы).

В эпоху глобализации, правовой механизм чрезвычайно важен, поскольку он обеспечивает связь разных национальных подходов единым юридическим единством, и также он во многом зависит от состояния и мероприятий по гармонизации национальных законодательств. Они должны быть направлены на преодоление барьеров и ограничений функционирования единого рынка результатов научных исследований.

Внедрение результатов прикладных исследований, в отсутствие отраслевых институтов, специализированных научно-исследовательских центров осуществляется через открытый рынок и целевых заказчиков. На этом уровне важно взаимодействие заказчиков и исполнителей научных проектов, с одной стороны, а также, с другой стороны, - наращивание научных знаний в конкретных областях, что предопределяет повышение научно-технического и инновационного потенциала научной отрасли и конкурентных преимуществ в мировом аспекте. В целом, новые знания определяют стратегии развития в области развития науки и инноваций, которые реализуются путем:

- осуществления эффективной государственной поддержки фундаментальной науки и обеспечение ее опережающего развития;
- обеспечения непрерывности финансирования бизнес-проектов на всех стадиях инновационного цикла;
- перераспределение государственного финансирования на программы поддержки инновационных проектов, находящихся на начальной посевной стадии;

- развития механизмов государственно-частного партнерства в реализации крупных перспективных направлений инновационного развития.

Механизм внедрения результатов теоретических исследований отличается от механизма внедрения результатов исследований для прикладных целей (рис. 4.3) тем, что новые знания здесь статичны и являются результатом систематизации большого объема информации, на основании которой новые знания признаются объективными (рис. 4.4).

Рис. 4.4. Схема внедрения результатов теоретических исследований

Источник: разработано автором совместно с Кумеховым К.К. и Черных А.В. и опубликовано в: Саркисян Ж.М., Кумехов К.К., Черных А.В. Правовые аспекты механизма внедрения результатов научных исследований в экономике // Актуальные проблемы социально-экономического развития России, 2018, № 2, с. 45-55.

Кроме этого, основным заказчиком таких исследований является государство, которое использует при этом три основных инструмента, это:

- государственный контракт (применяется, если приобретение государством результатов НИР приносит непосредственную выгоду или пользу государству);

- грант (направлен на поддержку или стимулирование государством научных исследований и разработок);

- соглашение о кооперации (используется для организации кооперативных процессов между частным и государственным секторами,

для определения вариантов совместного инвестирования и раздела прав на полученный результат).

Общепризнано, что качественные характеристики законодательной основы инновационной деятельности являются значимым показателем развития инновационной активности страны. Поэтому неадекватность юридических основ поддержки научной деятельности существенно ограничивает возможности более широкого использования результатов исследований, выполненных при финансовой поддержке государства. Зачастую это приводит к разрыву между накапливаемым массивом интегрированной научно-технической информации и неспособностью российской экономики воспринять эти результаты. Среди основных причины можно выделить необходимость модернизации и большей актуализации правового механизма передачи результатов научных исследований и инновационных проектов, а также проработку повышения мотивации и стимулирования на творческую научную деятельность молодежи и научных работников.

Учитывая наличие федерального и регионального законодательства по данным вопросам, включая и налоговые преференции, имеются существенные ограничения, обусловленные их несоответствием. Так, на региональном уровне оно регулирует достаточно узкий круг вопросов, таких как «понятийный аппарат, детерминирующие цели, стратегии государственной политики в области инноваций», который, кстати, принят еще в 2001 г. распоряжением Правительства РФ от 30.11.2001г. №1607-р «Основные направления реализации государственной политики по вовлечению в хозяйственный оборот результатов научно-технической деятельности». Разное понимание и актуальность для регионов и центра новых знаний в таких условиях очевидна, поэтому, по нашему мнению, есть необходимость введения такого понятия как «порог актуальности» для новых формализованных знаний. По содержанию это количественная мера, определяющая уровень полезности нового знания для общества,

которая обуславливает обязательность его применения. Это в одинаковой степени касается новых теоретических и прикладных знаний.

Внедрение новых знаний должно проводится, в первую очередь, с применением правового механизма, который придает им форму закона. К примеру, многими ведущие экономисты указывают на неадекватность действующей либеральной экономической системы, ориентированной на сырьевые отрасли, которые, по словам адептов такой системы, обеспечивают основную долю поступлений бюджет. Кроме этого, они призывают к интеграции в мировое хозяйство, и через это добиваться улучшения макроэкономических показателей и т.д. Научных обоснований такой политики, кроме ссылок на некий позитивный опыт других стран, у них нет, и не может быть по определению.

Следует не только актуализировать законодательство в инновационной сфере на основе происходящих изменений, включая неопределенность развития технологий (особенно искусственного интеллекта, внедрения цифровых валют и использования/ограничений криптовалют, защиты персональных данных и регистрации на цифровых платформах и т.п.), но и учесть следующие классические изменения:

- внесение изменений в налоговое законодательство с целью создания равных возможностей для субъектов и справедливого налогообложения физических лиц;

- пересмотр политики Центрального Банка (поступательное движение согласно действующей экономической ситуации ключевой ставки, модернизация процедур и условий кредитования физических и юридических лиц, пересмотр эмиссионной политики и политики в области валютного регулирования);

- пересмотр внешнеторговой политики (протекционизм при разработке и реализации таможенно-тарифной политики);

- изменения в идеологии ценовой политики (внедрение сбалансированных цен на сырье на низших стадиях передела, особенности

трансфертного ценообразования, тарифное регулирование) и т.д.

Такие изменения способны внести вклад в упрочнение систем «технологической самодостаточности».

По нашему мнению, государство сейчас предпринимает максимум усилий по вовлечению школьников и студентов в научную деятельность, а также повышение мотивации научных работников на основе реализации приоритетных проектов «Наука» и «Образование». Достижение запланированных значений по таким индикаторам, как рост числа научных работников и увеличение доли расходов на НИОКР в ВВП страны, являются важными показателями вклада в национальную конкурентоспособность на глобальном уровне, что буде способствовать повышению лидерских позиций не только в секторе развития науки и технологий мирового значения, но и общественному вкладу и повышение уровня жизни населения и его защищенности, учитывая потенциал преодоления последствий и даже противодействия глобальным шокам неэкономического (природного или техногенного) происхождения.

4.3. Функциональные аспекты оптимизации системы государственного управления в условиях модернизации

4.3.1. Баланс ключевых показателей и целей национальной стратегии в управлении государственными корпорациями

Страны с модернизируемой экономикой неотъемлемо рассматривают в своих преобразованиях возможности оптимизации самой системы и структур государственного управления, включая элементы участия в организации унитарных предприятий и государственные корпорации.

Экономическая глобализация, начиная с 1980-х гг., привела к решительным изменениям в роли и управлении государственными компаниями во всем мире. Либерализация национальных рынков и

корпоратизация являются важными факторами, влияющими на трансформацию государственных компаний, некоторые из которых превратились из национальных монополистов в глобальных игроков. За этот одни страны в рамках своей модернизации сосредоточились на процессах приватизации, часть государственный компаний акционировалась, другие же последовательно сохраняли траекторию участия в деятельности компаний, которые значимы для национальной экономики, являются стержнями структурных изменений благодаря своему влиянию на внутреннем рынке, локомотивами инновационного развития в отрасли и трансляторами основных задач государственной политики, включая промышленную и инновационную политики, которые были особенно актуализированы в течение последних 30 лет вследствие существенного развития технологий и нарастания проявлений четвертой промышленной революции.

Несмотря на текущую очевидность и преимущества акционирования (приватизации) государственных компаний во всем мире, тем не менее, актуален и вопрос об эволюции их роли в государственной политике и трансляции государственных целей, и насколько могут быть пересмотрены отношения между государствами и государственными компаниями после интернационализации их деятельности с учетом конъюнктуры глобального рынка.

Современный рынок характеризуется многообразием форм ведения предпринимательской деятельности, начиная от малого бизнеса и до транснациональных компаний (которые были рассмотрены в п. 1.4 диссертации). Однако государственные компании, как правило, сосредоточены в стратегически важных для развития и/или безопасности страны секторах, имея меньшую степень управленческой автономии и высокий уровень координации с государственной политикой (более высокого на ранних стадиях, более низкого на поздних стадиях) с учетом принятого в стране уровня вмешательства государства в экономические

процессы. Очевидно, что именно как форма предпринимательства государственные компании сейчас существенно трансформировались по сравнению с предыдущими формами, не только с точки зрения структуры собственности (миноритарной или мажоритарной), но и с точки зрения целей политики, диапазона действий и степени координации с государственной политикой, включая их потенциал и ресурсы для: 1) производство в национальной экономике или поставки для других стран стратегических ресурсов (полезные ископаемые, сырье, инфраструктуру, технологии), что способствует функционированию нескольких отраслей или появлению новых отраслей; 2) модернизации промышленных и инфраструктурных систем на основе внедрения новых технологий, ведущих к развитию новых парадигм производства, включая интеллектуальные, цифровые и, соответственно, более устойчивые системы; 3) стимулирования справедливого перераспределения путем перераспределения монополистической ренты между различными сегментами экономики и общества, например, путем поощрения продуктивных инвестиций в неблагополучные районы и повышения качества услуг для граждан. Если провести анализ этих целей государственных компаний, то можно увидеть, что современность, включая обострение конкурентной борьбы на рынках и геополитические процессы в виде санкции и торговых эмбарго изменяют формы и бизнес-модели, принятые современными государственными компаниями для их достижения.

В экономиках, которые проходят путь от сырье-экспорто-зависимой экономики к инновационной, традиционно государственные компании являются поставщиками стратегических ресурсов (природные ресурсы, инфраструктура, технологии) – отказ от этой миссии чрезвычайно сложен, поскольку это может существенно повлиять на объемы ВВП страны. Поэтому самый оптимальный путь мягкого внедрения структурных изменений – это путь развития государственной корпорации как

производственно-технологической компании по всей цепочке создания стоимости: сотрудничество и конкуренция с частными акционерными компаниями, малыми и средними предприятиями, стартапами, предприятиями общественного сектора.

Также государственные компании играют значимую роль в реализации механизмов национальной безопасности, включая национальную оборону, продовольственную, энергетическую, медицинскую, экологическую, кибербезопасность. В этой связи важно продолжение деятельности, но при полном следовании технологически трендам, позволяющим оптимизировать деятельность в части затрат и эффективности.

С 2012 года в России началась работа по внедрению системы ключевых показателей KPI (от англ. Key Performance Indicators – ключевые показатели деятельности) в систему государственного управления: сначала были введены «политические» индикаторы для оценки эффективности внутриполитического блока страны и региональных органов власти, с 2016 г. – для руководителей федеральных органов власти. Все KPI должны были соответствовать параметрам целевого сценария социально-экономического развития России на 2017 г. и плановый период 2018-2019 годов.

С 2021 г., согласно Постановлению Правительства РФ от 31.12.2020 г. №2447 и распоряжению от 31.12.2020 г. №3710-р, государственные компании будут публиковать информацию о достижении ключевых показателей эффективности, отражающих результативность их работы. При этом KPI разделены:

- по категориям государственных компаний:

1) действующие на конкурентном рынке,

2) естественные монополии и инфраструктурные компании,

3) финансовые организации,

4) институты развития,

- по группам показателей:

1) финансовые показатели, характеризующие прибыль и устойчивость организаций (коэффициенты рентабельности инвестированного или собственного капитала, динамика выручки, показатель долговой нагрузки, дивидендная доходность);

2) отраслевые показатели, направленные на достижение национальных целей (количество созданных рабочих мест, объем привлеченных инвестиций, бюджетная эффективность, вклад в несырьевой неэнергетический экспорт;

3) специализированные показатели (по отдельным группам компаний).

Все показатели строго увязаны с экономической эффективностью и национальными целями развития. Общее количество показателей ограничивается десятью, а удельный вес каждого должен составлять не менее 5% (10 показателей – 100%). Пример системы ключевых показателей для организаций, действующих на конкурентном рынке, представлен на рис. 4.5.

В число этих компаний, к примеру, вошли Акционерное общество "ГЛОНАСС", Акционерное общество "Гознак", Акционерное общество "Зарубежнефть", Акционерное общество "Кизлярский коньячный завод", Акционерное общество "Объединенная судостроительная корпорация", Акционерное общество "Росгеология", Акционерное общество "Росзарубежнефть", Акционерное общество "Российские ипподромы", Акционерное общество "Росспиртпром", и др.

С позиции анализа пороговых значений, по нашему мнению, важно установление минимума не менее 50% от прибыли направлять на дивиденды, что ставит компании перед целью показывать результаты как коммерчески успешные организации. А также включение показателя налоговых отчислений как оценки общественной эффективности деятельности государственной корпорации.

Рис. 4.5. Система ключевых показателей эффективности организаций, действующих на конкурентном рынке.

Источник: разработано автором на основе: Методические рекомендации по формированию и применению ключевых показателей эффективности деятельности акционерных обществ, акции которых находятся в собственности Российской Федерации, и отдельных некоммерческих организаций в целях определения размера вознаграждения их руководящего состава, утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.12.2020 г. № 3579-р.

С позиции цели настоящего исследования чрезвычайно показательным является решение о реформе институтов развития в виде оптимизации их организационной структуры с целью повышения их эффективности, исключения дублирования их функций с государственными органами и коммерческими организациями и большей ориентированности на стратегические цели в увязке с национальными проектами развития. Таким образом, под управление государственной корпорации ВЭБ.РФ как координатора переданы восемь институтов

развития: Корпорация МСП, Российский экспортный центр, ЭКСАР, Фонд развития промышленности, Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (Фонд содействия инновациям), фонд «Сколково», а также «Роснано» и Фонд инфраструктурных и образовательных программ. Также было принято решение о ликвидации восьми институтов (Фонд развития моногородов, АО «Особые экономические зоны», Российский фонд развития информационных технологий (РФРИТ), Росинфокоминвест и Агентство по технологическому развитию, Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке и в Арктике, Фонд развития Дальнего Востока и Арктики и Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта)[310]. Следует отметить, что ранее с момента начала формирования институтов развития в России в 1992-1994 гг. они больше воспринимались как специально созданные банки с государственным финансированием, однако второй этап с 2006 г. стал более успешным – были созданы институты развития, специализированные по отраслям экономики, что позволило им выполнить функции компенсации «провалов рынка» и обеспечения притока инвестиционных ресурсов в секторы, в которые затруднен приток частного коммерческого капитала.

Система ключевых показателей также разработана и для институтов развития – это является важным решением, которое позволит фиксировать результаты функционирования этих институтов не как итоговые, а как мониторинговые в рамках реализации национальных целей развития. Отраслевые показатели имеют 65%-ную долю в итоговом показателе, а финансовые – 35%.

Важным в структуре показателей, например, для ВЭБ.РФ следует отметить:

[310] РБК, 30.11.2020 г. После реформы у институтов развития появится система KPI. URL: https://www.rbc.ru/business/30/11/2020/5fc48cc09a7947e6b21936e7.

- финансовый показатель Cost to Assets – это операционные расходы к активам под управлением, которые определяются на основе отношения операционных расходов за отчетный год к среднегодовой стоимости активов – для ВЭБ.РФ они установлены не выше 1% при фактической оценке в 4%;

- отраслевой показатель объема несырьевого неэнергетического экспорта (имеет 10%-ный вес в итоговом показателе);

- отраслевой показатель привлечения соинвестиций как отношение общей стоимости проекта к объему участия организации в проекте в соответствующей отрасли. У ВЭБ.РФ есть дополнительное условие для привлечения в новые проекты коммерческих банков, на которое приходится 10% от KPI: общая стоимость проектов должна втрое превышать объем участия ВЭБ.РФ[311].

Очевидно, что такой институт развития как ВЭБ.РФ не ориентирован на достижение операционной доходности и более ориентирован на докапитализацию со стороны государства. Поэтому установление системы ключевых показателей позволит улучшить работу этого института развития, включая функционал по координации реорганизованных фондов, что будет способствовать концентрации и сбалансированности используемых ресурсов и будет направлено на сокращение сроков достижения запланированных задач по национальному развитию.

4.3.2. Экономические последствия политики ограничений и запретов на уровне национальных и глобальных решений

В последние годы экономические санкции все чаще становятся «инструментом выбора» в ответ на международные политические вызовы, связанные с геополитическими конфликтами. И поэтому вполне

[311] РБК, 22.01.2021 г. ВЭБ получил новые цели на фоне реформы институтов развития. По каким KPI правительство будет оценивать работу госкорпорации. URL: https://www.rbc.ru/finances/22/01/2021/5fbbea319a7947ac324a6e1d?from=from_main_1.

закономерен вопрос об их успешности в достижении своих предполагаемых целей, ведь примеры импортозамещения и экономического прироста, как это показано в России, не являются исключением, равно как и ответные меры, которые страны предпринимают, делая попытки снизить экономические издержки санкций.

И самым важным обстоятельством следует считать, что санкции представляют собой эффективный внешнеполитический инструмент ответа на кризисы, в которых национальные интересы находятся под угрозой, или направленный на изменение поведения правительств или политических субъектов в странах-мишенях, которые нарушают международные нормы и договоры или угрожают интересам стран, вводящих санкции. Фактически они обеспечивают реальную, но потенциально менее дорогостоящую альтернативу военному вмешательству и бездействию.

Мировая практика накопила достаточный опыт применения, включая и их различные формы осуществления (понятно, что часть из них используется достаточно широко, чем другие, но общая цель каждой из них – заставить оппонента изменить свое поведение):

- введение (повышение) тарифов как обязательного платежа (налога), взимаемого с товаров, ввозимых из другой страны;

- введение (снижение) квот как лимитов на объемы ввоза товаров из другой страны, или лимитов на объемы вывоза в страну-оппонента;

- торговые эмбарго как ограничение, которое не позволяет одной стране торговать с другой, и, как правило, реализуется в запрете гражданам или предприятиям предоставлять товары или услуги другой стране;

- нетарифные барьеры как нетарифные ограничения на импортные товары, которые могут включать в себя лицензионные и упаковочные требования, стандарты продукции и другие требования, которые конкретно не являются налогом;

- замораживание или арест активов как предотвращение продажи или

перемещения активов, принадлежащих стране или отдельному лицу.

В настоящее время имеется пополняемая в реальном режиме времени портал Глобальная база данных о санкциях (GSDB)[312], которая классифицирует санкции по следующим трем широким измерениям:

1) тип санкций: торговые санкции, финансовые санкции, ограничения на поездки, санкции на поставки оружия, военная помощь, другие виды санкций;

2) цели санкций: изменение политики, дестабилизация режима, территориальный конфликт, предотвращение войны, терроризм, прекращение войны, права человека, демократия, другие цели;

3) санкционный успех: частичный успех/достижение, полный успех/достижение, урегулирование путем переговоров, усиление/неудача, продолжение.

Именно благодаря информации с этой базы можно отследить определенную успешность (эффективность) вводимых санкций, начиная с 1950 г. так, исследователи выявили некоторые интересные закономерности[313]:

- до середины 1960-х гг. почти 50% всех санкций классифицировались как несостоявшиеся, около 25% санкций следует воспринимать как полностью успешные.;

- с середины 1960-х до 1995 г. уровень успеха санкций неуклонно рос;

- после 1995 г. наблюдается резкое снижение показателя успеха;

- за последние 6 лет ни один санкционный режим не оценивается как неудачный.

Такие оценки требуют продолжения исследования, учитывая, что санкционные меры становятся все более жестче в последние 3 года и

---

[312] The Global Sanctions Data Base (GSDB). URL: https://www.globalsanctionsdatabase.com.
[313] Felbermayr G., Kirilakha A., Syropoulos C., Yalcin E., Yotov Y. The Global Sanctions Data Base // Voxeu.org, 04 August 2020. URL: https://voxeu.org/article/global-sanctions-data-base.

связаны с обострившимся противостоянием за мировое лидерство, а не с развивающимися странами (как это было в прошлом веке). В тоже время увеличивается число "односторонних" санкций (в основном от США), что означает, что санкцию вводит одна страна, в то время как "многосторонняя" санкция означает, что группа или блок стран поддерживают ее применение. Поскольку многосторонние санкции вводятся группами стран, их можно считать менее рискованными, поскольку ни одна страна не находится на линии действия санкций. Односторонние санкции более рискованны, но могут быть очень эффективными, если их введет экономически мощная страна.

В отношении торговых санкций в силу наличия как экспортных санкций (которые блокируют поступление товаров в страну), так и импортных санкций (которые блокируют вывоз товаров из страны), следует выделить различные их экономические последствия. Блокирование товаров и услуг от ввоза в страну (экспортная санкция) обычно имеет более легкие последствия, чем блокирование товаров или услуг из этой страны (импортная санкция). Экспортные санкции могут создать стимул для замены заблокированных товаров чем-то другим. Одним из случаев, когда экспортная санкция может сработать, является блокирование проникновения чувствительных технологических ноу-хау в страну-мишень. Блокирование экспорта страны с помощью импортных санкций увеличивает вероятность того, что целевая страна будет испытывать значительное экономическое бремя. Например, в 2013 г. США приняли законопроект H.R. 850, который фактически запретил Ирану продавать любую нефть за границу из-за его ядерной программы. Этот законопроект последовал за годом, когда экспорт иранской нефти уже был сокращен наполовину из-за международных санкций. Если страны не импортируют продукцию целевой страны, то экономика целевой страны может столкнуться с промышленным коллапсом и безработицей, что может оказать значительное политическое

давление на правительство.

Последние годы более распространены целевые санкции, которые нацелены на страну в целом (эмбарго на экспорт страны), на конкретные отрасли промышленности (эмбарго на продажу оружия и нефти), на отдельных лиц (политические деятели или бизнес-лидеры). Интересно, что еще в 1949 г. для контроля над экспортом в СССР и другие социалистические страны была специально создана международная организация – Координационный комитет по экспортному контролю (от англ. Coordinating Committee for Multilateral Export Controls, CoCom), которая вела базы данных о товарах и технологиях, которые были стратегически важны для непоставки в эти страны и перечень товаров и технологий, разрешенных для экспорта.

Для России сейчас большую озабоченность вызывают секторальные санкции (в США это список SSI – Sectoral Sanctions Identifications), которые связаны с ограничением финансирования и распространяются на банки, предприятия нефтяной и оборонной промышленности. Действие секторальных санкций распространяется на конкретных лиц, ведущих деятельность в определенных секторах экономики, а также на компании, находящихся в собственности или под контролем таких лиц. По состоянию на 02.03.2021 г. под санкциями находятся 536 российских организаций, в том числе по отраслям: компании топливно-энергетического комплекса (134), коммерческие банки (117), компании оборонно-промышленного комплекса (63), транспортные компании (38), строительные компании (32), общественные организации (29), инвестиционные и страховые компании (12), государственные органы власти (6)[314].

В условиях санкционного давления российские компании могут столкнуться с наибольшими рисками, если расчеты производятся безналично в долларах. Американские банки проверяют, состоят ли

[314] РБК, 02.03.2021 г. Семь лет санкций против России. Главное. URL: https://www.rbc.ru/politics/02/03/2021/5bffb0f09a79470ff5378627.

отправитель и получатель платежа в санкционных списках. Если одна из сторон транзакции под санкциями или действует в интересах такой компании, ее счета могут заблокировать или саму включить в санкционный список.

Важным решением о противодействии санкциям 2014 г. стала российская политика импортозамещения, которая показала высокую эффективность для экономики страны и тем самым сделала данные санкции неуспешными. В теории, если страна реализует курс на импортозамещение, то возможны риски оказаться в закрытой экономике, при полном отсутствии импорта как такового, что может сказаться на отсутствии выбора для потребителей и/или предложении им обладающего недостаточным качеством товара по завышенным ценам и даже созданием дефицита. Импортозамещение, как правило, не дает возможности создания конкурентоспособного товара, однако способно с меньшими усилиями осуществить структурные трансформации в экономике и сделать страну менее зависимой от импорта, тем более когда то происходит под давлением.

Импортозамещение стало эффективным ответом на санкции благодаря тому, что был разработан и реализован стимулирующий механизм государственной политики, когда запускается драйвер защиты национальных интересов (что было рассмотрено как решение по восстановлению экономики в п. 3.4 диссертации) и поддержки национальных производителей на основе функционирования специально созданной институциональной среды содействии росту, финансирования, развития инфраструктуры. Важным фактором успешности политики импортозамещения стало фактически наличие в России всех необходимых ресурсов и потенциала для организации замещения импорта.

Мы вынуждены признать, что, несмотря на успешность политики импортозамещения, следует понимать, что это реализация модели догоняющего развития, и она вполне обоснована только в среднесрочном

периоде для накопления ресурсов более мощного прорыва для повышения глобальной конкурентоспособности страны. Поэтому, когда в ответ на санкции и вполне реальные риски отключения от финансовых платежных систем в России была запущена собственная платежная система – это стало существенным вкладом в усиление позиции страны на мировом рынке, повышении ее независимости от решений отдельных стран и своеобразным технологическим прорывом, так как была создана инклюзивная цифровая инфраструктура.

При этом продолжает сохраняться угроза отключения российского банковского сектора от SWIFT. Поэтому в рамках реформирования банковский системы и снижения ее зависимости в начале 2019 г. была запущена в России «Система быстрых платежей» (СБП), с использованием которой осуществляется уже 15% транзакций между физическими лицами, клиентами разных банков, и установлена цель довести это значение до 25% всех межбанковских переводов граждан страны, а также подключить предприятия малого и среднего бизнеса. В целом, задача исключения влияния этого риска приводит к сотрудничеству и интеграции с китайским проектом China International Payment System (CIPS), что способно существенно повысить эффективность данного решения в ответ на имеющиеся риски.

Нарастание санкций или возможные риски ухудшения торговых отношений (без привязки к экономическим или около-экономическим и геополитическим обоснованиям таких решений) приводит к возможности определения ответных санкционных решений со стороны России:

- если будет введен запрет на продажу титана для авиакомпаний ЕС и США, то это будет означать остановку производство самолетной техники и ее своевременного ремонта;

- если кратно увеличить стоимость аэронавигационного обслуживания при пролете над Россией, учитывая протяженность ее территории и количество осуществляемых международных ресурсов, то

это приведет к удорожанию стоимости билетов международных авиакомпаний и увеличению их текущих расходов;

- если ввести запрет на экспорт редкоземельных металлов, по которым Россия занимает не менее 67% мирового рынка, то это также способно парализовать высокотехнологичное производство;

- если ввести запрет на использование ядерных технологий атомной промышленности, то это остановит уже продолжающие многолетние проекты и способно принести существенные риски в глобальном аспекте;

- если будет введен запрет на туризм в страны-санкционеры, поставки из них критически важных продуктов и товаров, то это способно существенно повлиять на объемы доходов не только самих стран, но и предпринимателей этих стран, что чревато банкротствами.

Подобные прогнозные решения ориентированы на то, чтобы обезопасить себя от влияния санкций и объективно ответить на давление, дав понять, что санкции неэффективны для развития стран и всей мировой экономики. В условиях нарастания глобальных рисков, а также рисков глобальных шоков следует искать возможности для сотрудничества во благо развития мировой экономики и в согласии с национальными приоритетами.

4.3.3. Компенсирующий механизм налоговой политики

Справедливый и эффективный налоговый режим, который перераспределяет доходы между обществом, поддерживает социальное развитие, такое как образование и здравоохранение, и устанавливает четкую и стабильную налоговую политику, применимую ко всем предприятиям – это идеал фискальной политики. Но при условной стабильности налогового законодательства сама налоговая система находится под давлением реальных обстоятельств, связанных с формирование бездефицитного бюджета, фактического сбора налоговых

доходов, которые являются источников расходов государства на выполнение комплекса задач, ориентированного на поддержание устойчивости и развитие социально-экономической системы.

Сама возможность сбора налоговых поступлений зависит от состояния экономики в стране, включая реализуемую денежно-кредитную политику. Эксперты отмечают, что страны с развивающейся и модернизируемой экономикой давно страдают от проциклической макроэкономической политики[315], и поэтому их основной шанс сегодня – это переход к антициклической денежно-кредитной политике.

Особенно в период глобального финансового шока 2008-2009 гг. было показательно, как этот кризис затронул все экономики стран мира, и это еще раз убедительно показало о необходимости ухода от проциклической политики, когда экономический спад сопровождается существенным оттоком капитала, обесцениванием национальной валюты и ускорением инфляции, бюджетному дефициту, что приводит к торможению инвестиционных процессов и отбрасыванию экономики на периоды назад. Очевидным решением стало тогда повышение процентных ставок в развивающихся странах для защиты национальной валюты. Более сильные страны с модернизируемой экономикой, как и развитые страны, сумели не просто придти к восстановлению экономики, но и сориентировать свою денежно-кредитную политику на антициклический характер, снижать процентные ставки и таргетировать инфляцию, контролировать ценовые параметры, сделать механизм функционирования центрального банка более прозрачным и независимым, что и определило незначительность проблем финансового характера в период актуального глобального шока пандемии 2020 г. Следует заметить, что страны, придерживавшиеся таргетирования инфляции как инструментария Центрального банка, к которым относится и Россия, сумели более мягко

[315] Gelos G., Rawat U., Ye H. COVID-19 in emerging markets: Escaping the monetary policy procyclicality trap // Voxeu.org, 20 August 2020. URL: https://voxeu.org/article/covid-19-emerging-markets-escaping-monetary-policy-procyclicality-trap.

пройти этот кризис.

Однако в связи с тем, что странами независимости от их социально-экономического развития, были предприняты масштабные действия по поддержке населения и бизнеса в рамках антикризисных мер, сейчас встает вопрос о том как компенсировать эти бюджетные расходы, учитывая текущие потребности экономики, необходимость продолжения векторов развития и поддержания стабильности в будущем при наличии глобальных рисков. Само понимание того, что локальные и глобальные шоки иногда непредсказуемы, носят вероятностный характер из-за источников их происхождения (особенно в части источников неэкономического происхождения), способны причинить существенный ущерб экономике и обществу, делает необходимым создание некоторого резерва для управления последствиями таких шоков.

Одни страны рассматривают перспективы повышения налоговых ставок на доходы физических лиц и на доходы корпораций – это создает дополнительный источник пополнения бюджета, но увеличивает нагрузку на граждан и бизнес, что, безусловно, создаст элемент возмущения и недоверия с их стороны какими бы положительными не были бы мотивы таких решений.

В качестве одного из актуальных, соответствующих духу времени решений в трансформации налоговой системы многих стран рассматривают введение цифрового налога. Только в России, по оценкам, его введение способно принести от 50 до 60 млрд. руб. налоговых доходов[316]. Появляется множество убедительных мнений о том, что цифровая экономика относительно не облагается налогами по сравнению с традиционным бизнесом. Определенные неотъемлемые характеристики, такие как зависимость от трансграничного предоставления услуг без физического присутствия, легкость передачи нематериальных активов и

[316] Гринкевич Д. Виртуальная фискальность: цифровой налог даст бюджету до 60 млрд // Известия, 04.03.2021 г. URL: https://iz.ru/1132444/dmitrii-grinkevich/virtualnaia-fiskalnost-tcifrovoi-nalog-dast-biudzhetu-do-60-mlrd.

новые способы создания стоимости позволяют компаниям с особой легкостью ограничивать свои налоговые обязательства и использовать это для уклонения от уплаты налогов при фактическом получении доходов в разных странах. Для решения этой проблемы национальные государства, региональные блоки и международные организации рекомендовали реформировать систему налогообложения корпораций и положений по налогу на добавленную стоимость, чтобы привести ее в соответствие с транзакциями, приносящими доход в цифровой экономике. Так, было обновлено налоговое законодательство – например, Франция установила односторонний цифровой налог на три источника доходов (доходы от рекламы; комиссионный доход, получаемый онлайн-торговыми площадками при транзакциях между пользователями; доход от перепродажи пользовательских данных в рекламных целях), в России с 2017 г. введен 20%-ный налог на добавленную стоимость с продажи цифровых услуг. Но также и констатируется получение доходов цифровыми корпорациями, которые пока еще не облагаются доходами в каждой стране реализации, несмотря на попытки учесть изменения, вызванные цифровизацией, с переходом, в частности, к системе, основанной на местах назначения – когда страна, из которой получают доход после цифровой рекламы, является надлежащим государством для налогообложения.

Здесь есть определенные уточняющие моменты при наличии двусторонних соглашений об избежании двойного налогообложения, со странами, чьи компании имеют цифровое присутствие на национальном рынке. Некоторые цифровые компании, например, оказывающие услуги такси через цифровые платформы, финансовые транзакции или денежных переводов без физического присутствия, с одной стороны, могут иметь постоянное представительство для инициирования налогообложения, но, с другой стороны, - они создают несоответствие между налоговыми правилами и цифровизацией, что приводит к потере доходов в стране, где

эти услуги оказываются. Очевидно, что имеет место быть определенные политические разногласия по вопросу о том, какое государство должно облагать налогом доход, полученный в цифровой экономике. Это означает, что существует пробел в общих политических рекомендациях по налогообложению цифровой экономики и опять же наличие национальных интересов каждой конкретной страны.

Также Типовая налоговая конвенция ОЭСР предлагает определенный подход к идентификации доходов экономического субъекта: а) если налогоплательщиком выступает транснациональная группа компаний, то прибыль делится между составляющими ее компаниями в соответствии с вкладом этих компаний в получение прибыли; б) если компания имеет постоянное физическое присутствие в стране, т.е. постоянное представительство, то права налогообложения прибыли компании принадлежит стране присутствия; в) если деятельность осуществляется в нескольких юрисдикциях, то правила распределения прибыли включают распределение прибыли между этими странами на основе относительной стоимости деятельности, которую она осуществляет в каждой юрисдикции. Но при этом почти вся коммерческая деятельность в цепочке поставок может осуществляться практически без значительного физического присутствия в одной или любой юрисдикции, хотя компания может по-прежнему иметь физические магазины, фабрики или склады. Сама природа цифровой экономики означает, что постоянное место фактической деятельности в пределах определенной национальной границы больше не требуется для получения дохода, особенно для новых бизнес-моделей, основанных на подписке, доступе или рекламе, и новых технологиях, таких как 3D-печать. Тем не менее, мировая налоговая политика все еще отстает от этого нововведения. Несмотря на очевидное понимание невозможности и несправедливости двойного налогообложения, а также ошибочности налогообложения доходов, полученных компаний от созданных продуктов и технологий в другой

стране, тем не менее, мы признаем существенность такой проблемы в настоящее время и необходимость ее решения во взаимодействии между странами, чтобы определить согласованный механизм налогообложения.

С одной стороны, следует рассмотреть дополнения в налогообложение корпораций в части доходов (прибыли) с учетом того, что фактическими плательщиками могут стать сами пользователи услуг цифровых компаний в формате косвенного налога (что нежелательно и несправедливо), а также возможно введение введения нового налога на цифровое присутствие. Этот налог должен облагаться двусторонними и многосторонними соглашениями между государством, в котором иностранная компания имеет цифровое присутствие, и государством, в котором иностранная компания зарегистрирована и является налогоплательщиком. Эти соглашения должны предусматривать автоматический обмен налоговой информацией. С другой стороны, важно, что цифровая экономика обладает потенциалом для взаимодействия с неформальной экономикой и служит инструментом для формализации определенных видов деятельности, тем самым создавая новые источники налоговых поступлений. Возможные налоговые преференции могли бы стать источником финансирования инноваций в цифровой сфере.

Следовательно, налоговая политика как неотъемлемая составляющая механизма государственной политики, включая антикризисное регулирование, становится важным элементом, с одной стороны, компенсирования расходов на сглаживание последствий, поддержание устойчивости экономики и ее восстановление после шока, но, с другой стороны, также важно, чтобы несогласованность в вопросах налогообложения компаний в цифровой экономике между странами и сложности в геоополитических отношениях не стали очередным торговым эмбарго или даже глобальным шоком.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Модернизация национальных систем является доказанным процессом развития, подтверждающим движение макросистемы к новым целевым значениям экономического роста. Современный этап модернизации экономики связан с оценкой последствий глобализации, основан на использования прогрессивных технологий и формировании высокотехнологичных производств, реализации современных систем управления на основе цифровых решений в экономике, обществе, государственном управлении. При этом для компаний, функционирующих как на национальном рынке, так и на отраслевых и мировых рынках, эти изменения отражаются существенным образом, влияя как на внутреннюю структуру и параметры деятельности, так и на систему управления, включая механизмы риск-менежмента. Последствия современного этапа социально-экономического развития в рамках нового технологического этапа носят прогнозные оценки, но уже в текущий момент существует необходимость в развитии стратегического управления экономическими системами разного уровня, с учетом наличия рисков глобализации и будущего развития, и влияния непрогнозируемых глобальных кризисов как последствий шоков.

Проведенное исследование позволило выявить основные положения теорий модернизации и развития национальных экономик, что послужило фундаментом для формирования соответствующих механизмов стратегического управления в развивающихся экономиках: теория модернизации Ш. Эйзенштадта (на основе сохранения традиций и использования их для развития), теории модернизации на основе специфики цивилизации Е.Г. Ясина (на основе модернизации, соответствующей конкретному типу с приоритетом европейской модели развития), теории культурной модернизации С. Хантингтона (на основе поддержания культурной идентичности и развития традиций, но одновременно с их демократизацией), теории постмодернизации Р. Инглхарта и Дж.

Александера (на основе развития образования и обеспечения приоритетов социальных вопросов над экономическими и интересов личности над интересами государства), теории конвергенции (сближения) развивающихся стран А. Гершенкрона, М. Абрамовица, Р. Солоу, Р. Лукаса и Д. Сакса (на основе притока капитала из развитых стран, заимствования технологий и их адаптации к производству в развивающейся стране). Важным выводом следует отметить то, что только теория конвергенции сопоставляла развитые и развивающиеся страны и предполагала, что развивающиеся страны могут демонстрировать больший экономический рост, чем развитые страны, в силу меньшей убывающей доходности факторов производства.

Анализ теорий национальных моделей развития К. Гирц (на основе модернизации с учетом национальных традиций), концепции зависимого развития Р. Пребиша, Х. Зингера, С. Фуртадо (на основе политики протекционизма и импортозамещения), неомарксистской концепции зависимого развития П. Баран (на основе социальной революции и последующей перестройки социально-экономических институтов общества), идеологии «кемализма» М. Кемаль Ататюрк (на основе создания сильного национального государства, индустриализации, упразднения феодальных пережитков, усиления роли государства в экономике), мир-системной модели И. Валлерстайна (на основе отсутствия общих механизмов мирового развития), теории дependетизма Т. Дус-Сантус и Р.М. Марини (на основе преодоления зависимости, разрыва с развитыми странами), теории капитализма субразвития А. Агиляря (на основе модификации законов капитализма для развивающихся стран), концепции постмодернизма Ж.Ф. Лиотара и Ж. Бодрийяра (на основе «трансформация человека») позволил выявить противоречия и проблемы сбалансированности национальных интересов и глобальных политик.

Главным выводом из анализа теоретических положений о сущности и факторах модернизации стало то, что модернизация призвана сгладить различия в развитии разных странах мира. При этом главную роль в

модернизации должен играть технологический прогресс и генерация новых знаний, что подтверждается моделью экономического роста П. Ромера, который сгладил отсутствие сравнимости экономик разного социально-экономического уровня в модели Р. Солоу.

Одной из самых существенных проблем, которые возникают в результате глобализации, является повышенный риск для национальных экономик от потрясений, которые они практически не контролируют. Один из рисков заключается в том, что шок, возникший в одной части мира, в одной отрасли или на одном рынке, может быстро распространиться по стране, региону или всей мировой экономике, оставив после себя потрясения, в том числе экономические. В диссертации проведен анализ сущности и представлений о шоках в соответствии с теориями Р. Солоу, Р. Фриша, Е. Слуцкого, Р. Лукаса, Ф. Кюдланда, Э. Прескотта, Т. Кехо, Т. Свана, П. Ромера, Х. Мински, В.А. Мау, А.А. Аузана, что показало идентификацию глобальных шоков как внешних, экзогенных, отличающихся от других видов экономических кризисов, с разными последствиями для экономики и общества, включая характер их проявления. Глобальные экономические шоки, как правило, представляют собой непредсказуемые события, которые оказывают широкое воздействие на экономику и вызваны вещами, выходящими за рамки экономических моделей.

Систематизация типов глобальных шоков, предложенная в работе, дала возможность подтвердить существующую связь между действием глобального шока и его влиянием на деловой цикл в конкретной стране с учетом возникновения кризиса. Сама природа механизма распространения кризиса определяет, как должно реагировать государство и какой инструментарий антикризисного регулирования и экономической политики следует применять. Причем это не относится к краткосрочным решениям, а должно быть выстроено в систему стратегического управления, которая позволит сформировать фундамент устойчивости экономической системы в

периоды воздействия факторов, способных стать источников для возникновения локальных или глобальных шоков. В целом, этот инструментарий стратегического управления должен быть ориентирован на компенсирование колебаний делового цикла, вызванных этими шоками.

В диссертации в зависимости от степени влияния, глубины проникновения и распространения и локализации шока, предложено выделить возможные пять траекторий реагирования на проникновение глобального шока в экономические процессы – благоприятная, негативная, нейтральная, реактивная, проактивная траектории. Данная типология траекторий проникновения глобального шока и влияния на процессы в экономических системах позволила идентифицировать возможности использования этих траекторий реагирования для разного типа экономических систем – для страны и для корпорации. Также, с учетом разнонаправленного характера процессов восстановления устойчивости экономических систем, разработаны типы динамики преодоления последствия глобальных шоков в совокупности с выбором разработанных выше траекторий реагирования на их проникновение. Это позволило обосновать взаимосвязь между государственным и корпоративным управлением в период противостояния последствиям глобальных шоков.

Одним из самых существенных выводов, полученных в диссертации, следует считать то, что управление последствиями глобальных шоков представляется как совокупность интегрированных механизмов государственного и корпоративного управления с учетом возможных принимаемых траекторий реагирования, причем эта система управления также должна предусматривать и мониторинговую оценку рисков, которые сопровождают зарождение глобального шока и на которые следует обращать пристальное внимание с целью недопущения разрастания кризиса, спровоцированного шоком. В диссертации обоснована оценка следующих рисков экономических и неэкономических шоков на экономику и корпорации в развивающихся странах: риски глобальной нестабильности,

риски приоритета национальных интересов, риски неравномерности экономического развития, риски торговли и конкуренции, экологические риски, демографические риски, социальные риски, технологические риски, риски цифровизации, риски цифровых финансов. Если провести сравнение последствий двух глобальных шоков, но имеющих разное происхождение, то имеет место наличие некоторых расхождений именно в проявлении последствий шока – мы констатируем определенные различия вызванные, прежде всего, изменившейся ситуацией после финансового кризиса и так и не состоявшимся полным восстановлением экономики, а также более активным проникновением цифровых технологий, которые кардинально обновили их значение для экономики и общества.

Для стран, выбравших путь догоняющего развития в условиях глобализации и использующих технологический трансфер и импорт оборудования, а также ориентацию на экспорт сырьевых ресурсов, есть свои премущества и ограничения. Каждая страна в результате модернизации экономики должна выбрать свой набор прогрессивных технологий, которые будут обеспечивать конкурентные преимущества на мировом рынке, но этот выбор должен быть обоснован имеющимся инновационным потенциалом, доступом к инвестициям, перспективам деятельности национальных компаний.

Двойственная природа кризисного менеджмента позволяет, не только реализовывать процедуры вывода из кризиса предприятий, попавших в негативную зону, но и акцентировать внимание на превентивной составляющей. Поэтому целесообразно использование инструментов текущего управления («менеджмент для будущего»), что приведет к снижению вероятности банкротства в ситуации проявлений глобального шока. Предложенная в диссертации матрица мер кризисного риск-менеджмента, включая набор сценариев, исходя из возможны траекторий реагирования на проникновение глобального шока для компаний представляет собой инструментарий выбора управленческих воздействий,

направленных на снижение влияния последствий глобального шока и/или иных существенных проблем, нарушающих устойчивость или функционирование компании как экономической системы

В условиях глобальной конкуренции и развертывания технологий четвертой промышленной революции в мире не существует единого универсального способа достижения конкурентоспособности для стран. Но не вызывает сомнения утверждение о том, что источником долгосрочного экономического роста страны являются инновации и, соответственно, повышение производительности в совокупности с внедрением прогрессивных технологий. Эти задачи решаются не только бизнесом, они важны и для государственного управления. Поэтому взаимодействие государства и бизнеса способно создать эффективные механизмы поддержки технологическому развитию разных отраслей промышленности и сферы услуг, этому существуют позитивные практики разных стран, включая развивающиеся страны. Однако следует помнить о рисках такого взаимодействия, связанным с формированием систем повышенного государственного регулирования или бюрократии, высокой стоимостью финансовых ресурсов или невозможностью доступа к государственному или банковскому финансированию.

Таким образом, сегодня в центре внимания теории стратегического управления развитием находятся следующие вопросы:

- для развитых стран: поиск новых векторов развития, создание производств на основе технологических инноваций, возрождение промышленного производства в обновленном формате, охрана окружающей среды, развитие альтернативных видов энергетики;

- для быстроразвивающихся стран (БРИКС, Восточная Европа, Мексика и т.д.): развитие внутреннего рынка, переход от экспортной модели к инновационной, решение социальных проблем, препятствующих дальнейшему развитию экономики, модернизация промышленности, развитие институциональной инфраструктуры;

- для отсталых стран: преодоление зависимого экономического положения, решение социальных проблем, развитие институциональной инфраструктуры, привлечение инвестиций, развитие образования и науки.

Воздействие современного глобального шока еще раз доказало необходимость и обоснованность развития стратегических подходов к оптимизации государственного управления на основе формирования механизмов антишокового регулирования и превентивных механизмов противодействия кризисным ситуациям, с учетом оценки рисков их проявлений и возможных принимаемых траекторий реагирования на их распространение, что позволит реализовать процессы восстановления, опирающиеся на экономическое сотрудничество и создающие потенциал устойчивости к глобальным шокам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Научная литература на русском языке

1. Акаев А.А., Коротаев А.В. О начале фазы подъема шестой кондратьевской волны и проблемах глобального устойчивого роста // Век глобализации, 2019, №1, с. 3-17.
2. Акаев А. А. Большие циклы конъюнктуры и инновационно-циклическая теория экономического развития Шумпетера-Кондратьева // Экономическая наука современной России, 2013, № 2, с. 7-29.
3. Акерлоф Дж.А., Крэнтон Р.Е. Экономика идентичности. Как наши идеалы и социальные нормы определяют, кем мы работаем, сколько зарабатываем и насколько несчастны. М: Карьера Пресс, 2010. 471 с.
4. Анализ системных рисков в рамках макропруденциального стресс-тестирования. Аналитическая записка. М.: Банк России, 2020.
5. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. Неравномерность развития стран мира // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики, 2018, №30.
6. Арсаханова З.А., Хажмурадов З.Д., Хажмурадова С.Д. Декаплинг в экономике – сущность, определение и виды // Общество, экономика и управление, 2019, том 4, №. 4, с.. 13-18.
7. Бакаев С.Д. Мир-системный анализ Иммануила Валлерстайна // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, 2008, №1, с. 168-174.
8. Балезина Е.А. Современный взгляд на теории модернизации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология, 2013, № 1(13), с. 156-161.
9. Беликов А.Ю., Кузьмина З.С., Беликов И.А. К вопросу о прогнозировании наступления экономических кризисов // Управление финансовыми рисками, 2019, № 4, с. 274-288.

10. Белл. Д. Грядущее постиндустриального общества. М.: Академия, 1999.
11. Бланшар О.Ж. Макроэкономика. М.: Изд. дом «Высшая школа экономики, 2015. 671 с.
12. Блауг М. Фриш Рагнар. 100 великих экономистов после Кейнса = Great Economists since Keynes: An introduction to the lives & works of one hundred great economists of the past. СПб.: Экономикус, 2009. 384 с. – с. 322-324.
13. Блауг М. Хотеллинг Харольд // 100 великих экономистов после Кейнса. Библиотека «Экономической школы», вып. 42. СПб.: Экономикус, 2009. 384 с. – с. 354-356.
14. Бобылева А.З., Аньшин В.М., Птицын А.В. Новые вызовы: сравнительный анализ международных реактивных антикризисных мер в связи с пандемией COVID-19 // Государственное управление. Электронный вестник, 2020, выпуск № 81, с. 25-49.
15. Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. М., 2003.
16. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Весь Мир, 2008.
17. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего, 2006.
18. Валлерстайн И. Мир-система Модерна = The Modern world-systhem. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2015.
19. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М.: URSS: ЛЕНАНД, 2018.
20. Вебер М. Протестанская этика и дух капитализма. М.: АСТ, 2020.
21. Виноградов В.А., Гинзбург Е.Л. Система, ее актуализация и описание // Системные исследования: Ежегодник. М., 1972. С. 98.
22. Гасанов М.А. Структурные сдвиги и формирование технологического базиса инновационной экономики. Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2011. 167 с.

23. Гасанов М.А., Жаворонок А.В., Климович (Черемнова) М.А. Инновационный потенциал структурной конвергенции российской экономики // Вестник университета, 2019, № 4, с. 23-29.

24. Гегель Г.В.Ф. Наука логика: в 3-х т. Т.1. М.: Книга по Требованию, 2004.

25. Гильманова Д.Р. Феномен «азиатских тигров»: анализ современных тенденций экономического развития // Экономика и парадигма нового времени, 2019, №4, с. 10-17.

26. Глазьев С.Ю., Львов Д.С., Фетисов Г.Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. М.: Наука, 1992.

27. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: Владар, 1993.

28. Глинкина С.П. Модернизация в странах российского пояса соседства: структурный и технологический аспекты. М., СПб.: Нестор-История, 2012.

29. Глинкина С.П., Куликова Н.В. О модели капитализма в Центрально-Восточной Европе // Вестник Института экономики Российской академии наук, 2018, № 3, с. 9-24.

30. Глобализация и деглобализация: роль стран с формирующимися рынками и выводы для России. М.: Банк России, 2019.

31. Глущенко К.П. Мифы о бета-конвергенции // Журнал Новой экономической ассоциации, 2012, том 4, №16, с. 26-44.

32. Головин А.О., Толкаченко Г.Л. Риск-менеджмент в глобальных цепочках стоимости // Финансы и кредит, 2018, т. 24, № 2, с. 111-126.

33. Гринберг Р.С. Контуры новой экономической политики в условиях глобальных трансформаций // Научные труды ВЭО России: Пленарное заседание МАЭФ-2019, с. 133-139.

34. Замулин О.А., Сонин К.И. Экономический рост: Нобелевская премия 2018 года и уроки для России // Вопросы экономики, 2019, №1, с. 11-36.

35. Затуливетер Ю.С. Новая синергия длинных волн Н.Д. Кондратьева / Возможные сценарии будущего России и мира: междисциплинарный дискурс: сборник научных трудов участников XI Международной Кондратьевской конференции. Под ред. В.М. Бондаренко. М.: Международный фонд Н. Кондратьева, 2020. – с. 169-183.

36. Иванов А.В. "Множественные современности": диалектика единства и разнообразия в эпоху глобализации // Фундаментальные исследования, 2014, №6-3, с. 654-659.

37. Иванов О.Б. Глобальные риски современного мира. Кризис глобализации // Вопросы геополитики, 2018, с. 7-29. DOI: 10.24411/2071-6435-2018-10001.

38. Иванов О.Б. Глобальные риски и новые вызовы человеческой цивилизации // Журнал «ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика», 2020, №2, с. 7-20. DOI: 10.24411/2071-6435-2020-10009.

39. Измайлов А.А. Финн Кидланд и его вклад в теорию рациональных ожиданий // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал, 2017, том 9, выпуск 1, с. 139-157.

40. Инглхарт Р. Модернизация и постмодернизация. В кн.: Новая индустриальная волна на Западе / Под ред. В. Иноземцева. М.: Наука, 1999.

41. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011.

42. Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. М.: Экономика, 2000.

43. Йоханссон О., Гийемет И., Тернер Д., Николетти Д., де ла Мезонев К., Буске Г., Спинелли Ф. Сценарий долгосрочного глобального

роста до 2060 г. // Вестник международных организаций, 2013, т. 8, № 4, с. 7-39.

44. Кириллов В.Н., Смирнов Е.Н. Траектория устойчивого роста или очередная разбалансировка механизмов мировой экономики // Вестник МГИМО-Университета, 2019, №12(5), с. 64-90.
45. Ковальчук Ю.А., Ломакин М.И., Степнов И.М. Национальные проектные офисы: конкуренция или координация? // Стандарты и качество, 2016, № 12, с. 62-66.
46. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: Экономика, 2002.
47. Красильников О.Ю. Взаимосвязь структурных сдвигов и экономического развития России // Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право, 2017, № 2, с. 127-133.
48. Лапкин В.В. В преддверии сингулярности: перспективы трансформации мирового порядка // История и современность. 2017, №1, с. 52-78.
49. Лекторский В.А., Садовский В.Н. О принципах исследования систем // Вопросы философии, 1960, № 8, с. 67-79.
50. Лернер Д. Преобразование традиционного общества. М.: Проект, 2006.
51. Локтионов М.В. А.А. Богданов как основоположник общей теории систем // Философия науки и техники, 2016, том 21, № 2, с. 80-96.
52. Лукас Р.Э. Лекции по экономическому росту. М.: Издательство Института Гайдара, 2013. 281 с. - с. 51.
53. Лукьянов С., Драпкин И. Глобальные цепочки создания стоимости: эффекты для интегрирующейся экономики // Мировая экономика и международные отношения, 2017, № 4, с. 16-25.
54. Львова Н.А., Семенович Н.С. Феномен кризиса в представлениях экономической науки: ожидаемая закономерность или

непредсказуемый шок? // Финансы и кредит, 2015, № 21(645), с. 27-36.

55. Любушин Н.П., Бабичева Н.Э., Лылов А.И., Гуртовая И.Н. Генезис закона циклического развития // Финансы и кредит, 2016, №48, с. 28-45.
56. Малова Т.А. О чем сигнализируют парадоксы глобальной экономики // Вестник МГИМО-Университета, 2020, том 13, №3, с. 225-242.
57. Малюк А.Н. Концепт глобализации в мир-системном анализе // Социологический альманах, 2017, №8, с. 90-100.
58. Методические рекомендации по формированию и применению ключевых показателей эффективности деятельности акционерных обществ, акции которых находятся в собственности Российской Федерации, и отдельных некоммерческих организаций в целях определения размера вознаграждения их руководящего состава, утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.12.2020 г. № 3579-р.
59. Мински Х. Стабилизируя нестабильную экономику. М., СПб: Изд-во Института Гайдара, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2017. 624 с.
60. Миркин Я.И. Новые реальности глобальной экономики и их влияние на Россию // Научные труды ВЭО России, 2020, том 223, с. 106-110.
61. Модернизация экономики и общественное развитие. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.
62. Натхов Т., Борануков М. Институты и экономическое развитие: теория и эмпирика (обзор современных исследований) // Экономическая политика, 2010, № 5, с. 129-142.
63. Научно-технологическое развитие России. Инструменты, потенциал, перспективы / Т.Л. Броницкий, И.Е. Ильина, И.А.Тихомиров, С.Л. Парфенова, Д.В. Золотарев, Е.Н. Жарова, В.Н. Долгова, Е.Г. Гришакина, К.А. Калюжный, Т.В. Чеченкина. М.: Буки Веди, 2019.

64. Нуреев Р. М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М.: норма, 2008.

65. Обзор финансовой стабильности. Информационно-аналитический материал. II – III кварталы 2020 года. М.: Банк России, 2020.

66. Огурцов А.П. Тектология А.А. Богданова и идея коэволюции // Вопросы философии, 1995, № 8, с. 31-37.

67. Олейников Ю.В. Мегатренды постиндустриальной модернизации // История и современность, 2016, № 1, с. 133-153.

68. Ответ на вызовы цифровизации: госуправление, основанное на данных, «штабная» модель управления и структурный маневр в численности госслужащих. Доклад НИУ ВШЭ / А. Б. Жулин (рук. авт. кол.), Я. И. Кузьминов (рук. авт. кол.) ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 47 с.

69. Очкин Р.О. Теоретико-методологические аспекты исследования внешних шоков как детерминирующего фактора национально-государственных экономических интересов // Теоретическая экономика (научный электронный экономический журнал), 2018, №2 (44), с. 161-167.

70. Очкин Р.О. Внешние шоки как детерминирующий фактор национально-государственных экономических интересов страны // Теоретическая экономика (научный электронный экономический журнал), 2018, №4, с. 144-150.

71. Пантин В. И., Айвазов А. Э. Циклы Кондратьева и эволюционные циклы мировой системы: обоснование и прогностический потенциал // Кондратьевские волны, 2012, № 1, с. 136-155.

72. Парсонс Т. Социальная система. М.: Академический проект, 2018.

73. Пепеляева А.В, Васильева Е.Е, Крутова А.В. Эволюция изучения цикличности экономического развития: экологические вызовы //

Региональные проблемы преобразования экономики, 2019, №8 (106), с. 7-17.

74. Пилипенко О.И. Экономические шоки и циклическое развитие национальных финансовых систем // Вестник РУДН. Серия: Экономика, 2015, №1, с. 103-111.

75. Пилипенко З.А. Глобальные финансовые шоки как реализация кумулятивного эффекта синхронизации многоуровневых дисбалансов в мировой экономике // Экономические науки, 2014, №11, с. 75-79.

76. Пилипенко З.А. Шоки и разрыв причинно-следственных связей в экономических системах // Экономические науки, 2010, №12 (73), с. 35-40.

77. Пилипенко З.А. Шоки и механизмы их распространения в экономических системах // Вопросы экономики и права, 2010, № 11, с. 76-81.

78. Поппер К. Открытое общество и его враги (в 2-х томах). М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

79. Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М.: ИЛА, 1992

80. Пшеничных Ю.А. Методические основы исследования конвергенции // Вестник Таганрогского института управления и экономики, 2015, №2(22), с. 114-118.

81. Рахманов А.Б. Концепция зависимости А.Г. Франка // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, 2013, №2, с. 52-67.

82. Савченко И.А. Зависимое развитие: печальная правда современности // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2008, №3(27), с. 99-103.

83. Сакс Д. Макроэкономика. Глобальный подход. М.: Дело, 1996.

84. Саломатин А.Ю., Сиушкин А.Е. Постмодернизация государства: общие закономерности и особенности осуществления в странах Евросоюза // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки, 2011, №2(18), с. 18-26.

85. Самуэльсон П., Нордхаус В. Экономика. М.: Вильямс, 2014. 1360 с.

86. Саркисян Ж.М. Торговые и экологические риски современных модернизируемых экономик: взаимосвязь и диспропорции // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право, 2021, № 1, с. 5-18. DOI: 10.26653/2076-4650-2021-1-01.

87. Саркисян Ж.М. Исследование фундаментальных представлений о развитии национальных экономик на основе модернизации // Научное обозрение: теория и практика, 2021, № 2, с. 107-117.

88. Саркисян Ж.М. Шоки в экономике: сущность, происхождение и глобальная динамика // Страховое право, 2021, № 1, с. 5-15.

89. Саркисян Ж.М. Приоритетность национальных интересов стран с модернизируемой экономикой в условиях межстрановой экономической дифференциации // Управление риском, 2021, № 1, с. 5-15.

90. Саркисян Ж.М. Тренды модернизации национальных экономик в условиях технологического прогресса // Финансовый бизнес, 2021, № 3, с. 5-15.

91. Саркисян Ж.М. Экономический взгляд на противоречия национальных интересов и глобального развития: сглаживание различий и опасность кризисов // Финансовая экономика, 2021, № 3, с. 5-15.

92. Саркисян Ж.М., Тихонова М.А. Антикризисные сценарные технологии управления малым бизнесом в период пандемии // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право, 2020, № 5, с. 42-51. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-5-04.

93. Саркисян Ж.М., Тихонова М.А. Влияние факторов экономической неопределенности на функционирование малого бизнеса // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право, 2020, № 6, с. 5-21. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-6-01. (1 / 0,5 п.л.);

94. Саркисян Ж.М. Типологизация глобальных шоков в экономике: происхождение, последствия и влияние на деловой цикл // Сегодня и завтра российской экономики, 2020, №101-102, с. 5-15. DOI: 10.26653/1993-4947-2020-101-102-01.

95. Саркисян Ж.М. Международные корпорации и модернизация национальных экономик: от противодействия неэквивалентному обмену к гибким стратегиям // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право, 2020, № 5, с. 107-117. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-5-09.

96. Саркисян Ж.М. Влияние глобальных процессов на измерение рисков модернизации экономик // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право, 2020, № 6, с. 30-40. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-6-03.

97. Саркисян Ж.М., Крутякова Ю.А. Динамика потребления свободного времени как блага в современной России // Актуальные проблемы социально-экономического развития России, 2019, № 4, с. 58-61.

98. Саркисян Ж.М., Степанов А.А., Савина М.В. Коррупция как фактор демотивации инновационной деятельности // Управление экономическими системами: электронный научный журнал, 2018, № 6, с. 29.

99. Саркисян Ж.М., Кумехов К.К., Черных А.В. Правовые аспекты механизма внедрения результатов научных исследований в экономике // Актуальные проблемы социально-экономического развития России, 2018, № 2, с. 45-55.

100. Саркисян Ж.М., Кумехов К.К. Нормативно-правовое регулирование и отражение в учете цифровых технологий как объектов нематериальных активов // Самоуправление, 2018, № S1, с. 93-96.

101. Саркисян Ж.М. Финансовый контроль в зарубежных странах и в РФ // Финансы, 2002, № 5, с. 66-69.

102. Семенов Ю. И. Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). – М.: «Современные тетради», 2003.

103. Симонова М.Д. Риски развития глобальных цепочек создания добавленной стоимости: анализ отраслевого аспекта // Управление риском, 2017, № 3(83), с. 28-35.

104. Симонова М.Д. Анализ развития информационной базы экономической глобализации на современном этапе // Вестник МГИМО Университета, 2011, № 2(17), с. 182-187.

105. Слесаренко Е.В., Таран Е.А., Жиронкин С.А. К теоретической концепции экономической политики структурного сдвига // Путеводитель предпринимателя, 2019, № 41, с. 199-210.

106. Смородинская Н.В., Катуков Д.Д. Глобальные стоимостные цепочки: как поднять резильентность перед внезапными шоками? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 2020, т. 13, № 6, с. 30-50. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-6-2.

107. Социально-философский анализ модернизации: теории, модели, опыт / В.Г. Федотова и др.; Российская акад. наук, Ин-т философии. М.: Ин-т философии РАН, 2013.

108. Степнов И., Ковальчук Ю. Развитие индустриальной системы высокотехнологичного общества на основе модернизации // Проблемы теории и практики управления, 2013, № 4, с. 8-17.

109. Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / Под ред. А..А. Дынкина. М., Магистр, 2011. 480 с.

110. Таран Е.А. Формирование конвергентной типологии структурных сдвигов в экономике // Экономические науки, 2019, № 7, с. 17-24.

111. Тихвинский С. Л. Завещание китайского революционера: Сунь Ятсен: жизнь, борьба и эволюция политических взглядов. М.: Политиздат, 1986.

112. Тихонова Н.Е., Аникин В.А., Горюнова С.В., Лежнина Ю.П. Эволюция концепции модернизации во второй половине XX века // Социология, 2007, №25, с. 22-47.

113. Российская экономика в условиях пандемии и возмущений на рынках углеводородов. М.: ВЭБ, Институт исследования и экспертизы, июль 2020. 44 с.

114. Руденко Д.Ю., Зинковская К.Ю. Процессы конвергенции в глобальной экономике // Век глобализации, 2015, № 1, с. 114-124.

115. Узденова Ф.М. Мировые тренды экономической нестабильности и вызовы глобального регулирования // Московский экономический журнал, 2020, №11, с. 180-187.

116. Ушаков А.Г. Феномен Ататюрка: Турецкий правитель, творец и диктатор. М.: Центрполиграф, 2002.

117. Хикс Дж.Р. Стоимость и капитал. М.: «Прогресс», Фирма «Универс», 1993. 497 с.

118. Царев Р.Ю. Концепции глобальной истории Ф. Броделя и И. Валлерстайна: сравнительный анализ // Вестник Курганского государственного университетаХантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

119. Цветков В.А., Степнов И.М., Ковальчук Ю.А., Зоидов К.Х. Динамика развития экономических систем (монография). М.: Институт проблем рынка РАН, 2016. 380 с.

120. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996. 416 с.

121. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. – М.: Аспект Пресс, 1999.

122. Яковец Ю.В. Циклы Кондратьева: теория и история, настоящее и будущее // Кондратьевские волны, 2013, № 2, с. 23-30.

123. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994.

Научная литература на иностранном языке

124. Abramovitz M. Catching Up, Forging Ahead and Falling Behind // Journal of Economic History, 1986, vol. 46, no. 2, pp. 385-406.

125. Acemoglu D., Autor D., Dorn D., Hanson G.H., Price B. Return of the Solow Paradox? IT, Productivity, and Em-ployment in US Manufacturing // American Economic Review: Papers & Proceedings, 2014, vol. 104, no. 5, pp. 394-399.

126. Acemoglu D., Restrepo P. The race between machine and man: Implications of technology for growth, factor shares and employment // NBER Working Paper, 2016, no. w22252, pp. 1-16.

127. Aguilar Monteverde A. Globalización y capitalismo. Universidad Nacional Autónoma de México, Instituto de Investigaciones Económicas, Plaza & Janes, Editores, México, 2002.

128. Ajdalot P. Dinamique opatiale et development inegal. Paris: Economica, 1976. 352 p.

129. Alexander J.C. Real Civil Societies: Dilemmas of Institutionalization. SAGE Publications Ltd, 1998.

130. Amin S. L'échange inégal et la loi de la valeur. La fin d'un débat., 1973. Pp. 66-67.

131. Armitage S., Hou W., Sarkar S., Talaulicar T. Corporate governance challenges in emerging economies // Corporate Gonernance: An International Review, 2017, vol. 25, pp. 148-154. DOI: 10.1111/corg.12209.

132. Arntz M., Gregory T., Zierahn U. The risk of automation for jobs in OECD countries: A comparative analysis. OECD Social, Employment, and Migration Working Papers, 2016, № 189.

133. Auty R.M. Resource Abundance and Economic Development. Oxford: U Press, 2002.

134. Badeeb R.A., Lean H.H., Clark J. The evolution of the natural resource curse thesis: A critical literature survey // Resources Policy, 2017, vol. 51, pp. 123-134.

135. Baker S.R., Bloom N., Davis S.J., Terry S.J. COVID-induced Economic Uncertainty // NBER Working Papers, 2020, no. 26983. DOI: 10.3386/w26983.

136. Bamiatzi V., Bozos K., Cavusgil S.T., Hult G.T.M. Revisiting the firm, industry, and country effects on profitability under recessionary and expansion periods: A multilevel analysis // Strategic Management Journal, no. 37, pp. 1448-1471. DOI: 10.1002/smj.2422.

137. Baran P.A. The Political Economy Of Growth. New York, Monthly Review Press, 1957.

138. Baran P.A. The Political Economy of Neo-Colonialism. L.: Heinemann, 1975.

139. Barrero J.M., Bloom N., Davis S.J. COVID-19 Is Also a Reallocation Shock // BFI Working Paper, 2020, no. 2020-59, pp. 1-4.

140. Barro R.J., Sala-i-Martin X. Economic Growth and Convergence across the United States // NBER Working paper, 1990, №3419. Pp. 2-69.

141. Beck U. From Industrual Society to the Risk Society // Theory, Culture and Society, 1992, February, vol.9, no.1, pp. 97-123.

142. Bianchini S., Llerena P., Martino R. The impact of R&D subsidies under different institutional frameworks // Structural Change and Economic Dynamics, 2019, vol. 50(C), pp. 65-78.

143. Black F., Scholes M. The Pricing of Options and Corporate Liabilities // Journal of Political Economy, 1973, vol. 81, no. 3, pp. 637-654. DOI: 10.1086/260062.

144. Booth S.A. Crisis Management Strategy: Competition and Change in Modern Enterprises. Routledge, 2015.

145. Brynjolfsson E. The productivity paradox of information technology // Communications of the ACM, 1993, vol. 36, no. 12, pp. 66-77.

146. Chesbrough H.W. Open innovation: The new imperative for creating and profiting from technology // Harvard Business Press, 2013.

147. Coad A., Grassano N., Hall B.H., Moncada-Paternò-Castello P., Vezzani A. Innovation and industrial dynamics // Structural Change and Economic Dynamics, 2019, vol. 50, pp. 126-131. DOI: 10.1016/j.strueco.2019.06.008.

148. Coombs T.W. The Protective Powers of Crisis Response Strategies: Managing Reputational Assets During a Crisis // Journal of Promotion Management, 2006, vol. 12, issue 3-4, pp. 241-260. DOI: 10.1300/J057v12n03_13.

149. Cours de philosophie positive / par Auguste Comte ; augmentée d'une préface par É. Littré. - 2-me éd., augm. d'une préf. par É. Littré et d'une table alphabétique des matières. Paris : J. B. Baillière, 1864.

150. Crouch C. Inequality in post-industrial societies // Structural Change and Economic Dynamics, 2019, vol. 51, pp. 11-23. DOI: 10.1016/j.strueco.2019.07.011.

151. Donadelli M., Ferranna L., Gufler I., Paradiso A. Using past epidemics to estimate the macroeconomic implications of COVID-19: A bad idea! // Structural Change and Economic Dynamics, 2021. DOI: 10.1016/j.strueco.2021.03.002.

152. Dos Santos T. El nuevo caracter de la dependencia. Santiago-de-Chile, 1968.

153. Dos Santos T. La dependencia económica y las alternativas de cambio en América Latina / Ponencia al IX Congreso Latinoamericano de Sociología, México, Noviembre, 1969.

154. Drahokoupil J. Globalization and the State in Central and Eastern Europe. The Politics of Foreign Direct Investment. Routledge, 2009.

155. Eisenstadt S. European Civilization in a Comparative Perspective: a Study in the Relations between Culture and Social Structure. Oslo, 1987.

156. Eisenstadt S.N. The basic characteristics of modernization / Modernization, protest and change. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1966.

157. Eisenstadt S.N. Fossati F. Samuel Huntington, The Clash of Civilization and the Remaking of World Order // Italian Political Science Review/Rivista Italiana Di Scienza Politica, 1996, no. 28(2), pp. 402-404.

158. Eisenstadt S.N. Modernization : Protest and Change. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966.

159. Emmanuel A. Unequal Exchange: A Study Of The Imperialism Of Trade. New York, Monthly Review Press, 1972. 422 p.

160. Estevão M., Severo T. Financial Shocks and TFP Growth. Introduction // IMF Working Paper, 2010, WP10/23, pp. 3-5.

161. Fantom N., Serajuddin U. Classifying countries by income: A new working paper. World Bank. URL: https://blogs.worldbank.org/opendata/classifying-countries-income-new-working-paper.

162. Forrester J.W. Counter Intuitive Behavior of Social Systems, Technology. Alumni Association of the Massachusetts Institute of Technology, January, 1971. 126 p.

163. Fox J. Paradigm Lost: Huntington's Unfulfilled Clash of Civilizations Prediction into the 21st Century // International Politics, 2005, no. 42, pp. 428-457.

164. Frank, A.G. Capitalism and Underdevelopment in Latin America. N. Y.: Monthly Rewier Press, 1969.

165. Friedman M. The Optimum Quantity of Money. Routledge, 2017. 308 p.

166. Furtado C. Development and underdevelopment. Berkeley; Los Angeles: Univ. of Calif. press, 1967.

167. Furtado C. Accumulation and Development: The Logic of Industrial Civilization // Wendell Gordon. Journal of Economic Issues, 1985, vol. 19, issue 1, 237-238.

168. Gavin W.T., Keen B.D., Kydland F.E. Monetary policy, the tax code, and the real effects of energy shocks // Review of Economic Dynamics, 2015, vol. 18, iss. 3, July, pp. 1-26.

169. Geertz C. Religion as a Cultural System (1966). In: H. Wienold Schlüsselwerke der Religionssoziologie. Project: Glauben-Machen. Soziologische Beiträge zur religiösen Praxis, Kultur und ideologie, 2019. Pp. 237-245.

170. Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective // The Journal of Economic History, 1963, vol. 23, is. 3, pp. 360-362.

171. Giddens A. Modernity and self-idenlity, Stanford (Cal.) Stanford univ. press, 1991.

172. Godzimirski J.M. Russian Energy in a Changing World: What is the Outlook for the Hydrocarbons Superpower? Routledge, 2016.

173. Govindarajan V., Ramamurti R. Reverse Innovation in Emerging Markets / In: Haar, J., Ernst, R. (eds.), Innovation in Emerging Markets. Springer, 2017. pp.140-157. DOI: 10.1057/9781137480293_8.

174. Grove H., Patelli L., Victoravich L.M., Xu P. Corporate Governance and Performance in the Wake of the Financial Crisis: Evidence from US Commercial Banks // Corporate Governance: An International Review, 2011, no. 19, pp. 418-436. DOI: 10.1111/j.1467-8683.2011.00882.x.

175. Hall P., Soskice D. Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage. Oxford, Oxford University Press, 2001.

176. Hancké B., Rhodes M., Thatcher M. Beyond Varieties of Capitalism: Conflict, Contradictions, and Complementarities in the European Economy. Oxford, Oxford University Press, 2007.

177. Hannerz U. Transnational Connections: Culture, People, Places // AMERICAN ANTHROPOLOGIST, 2001, vol. 103, no. 2, pp. 531-535.

178. Hart S.L., Milstein M. Creating Sustainable Value // Academy of Management Executive, 2003, vol. 17, no. 2, pp. 56-69. DOI: 10.5465/AME.2003.10025194.

179. Hermann C.F. Some consequences of crisis which limit the viability of organizations // Administrative Science, 1963, no. 8, pp. 61-82.

180. Hunicke R., LeBlanc M., Zubek R. MDA: A Formal Approach to Game Design and Research / Proceedings of the Nineteenth National Conference on Artificial Intelligence, 2004.

181. Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Orde. Simon & Schuster, 2011.

182. Inozemtsev V. Catching Up: The Limits Of Rapid Economic Development. Routledge, 2002.

183. Inozemtsev V.L. The Constitution of the Post-Economic State. Post-Industrial Theories and Post-Economic Trends in the Contemporary World. New York, Ashgate Publishing, 1998.

184. Ireland P.N. Technology shocks in the new keynesian model // The Review of Economics and Statistics, 2004, vol. 86, no. 4, pp. 923-936.

185. Kahn H., Brown W., Martel L. The next 200 years : A scenario for America and the world. New York, Morrow, 1976.

186. Kehoe T.J., Prescott E.C. Using the general equilibrium growth model to study great depressions: a reply to Temin // Staff Report 418, Federal Reserve Bank of Minneapolis, 2008.

187. Knall B. Die Rolle und Bedeutung der Berufserziehung im der Entwicklungsplanung // Wirtschaftsdienst, Verlag Weltarchiv, Hamburg, 1963, vol. 43, iss. 12, pp. 520-524.

188. Kydland F., Prescott E. Time to Build and Aggregate Fluctuations // Econometrica, 1982, vol. 50, no. 6, pp. 1345-1370.

189. Kuznets S. Economic Growth of Nations: Total Output and Production Structure. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1971. 363 p.

190. Lachlana K.A., Spence P.R., Lin X., Najarian K., Del Greco V. Social media and crisis management: CERC, search strategies, and Twitter content // Computers in Human Behavior, 2016, vol. 54, pp. 647-652. DOI: 10.1016/j.chb.2015.05.027.

191. Landesmann M.A., Stöllinger R. Structural change, trade and global production networks: An 'appropriate industrial policy' for peripheral and catching-up economies // Structural Change and Economic Dynamics, 2019, vol. 48, pp. 7-23.

192. Leibenstein H. Economic Backwardness and Economic Growth. Studies in the Theory of Economic Development. One of a series of books from the research program of the Institute of Industrial Relations, University of California. Science editions. New York, London, J. Wiley & Sons, Inc., 1963.

193. Li C., Solis B. The Seven Success Factors of Social Business Strategy. Jossey-Bass, 2013.

194. Lyotard J.-F. The Postmodern Condition. Manchester University Press, 1984.

195. Lucas R. Why Doesn't Capital Flow from Rich to Poor Countries? // The American Economic Review, 1990, vol. 80, no. 2, Papers and Proceedings of the Hundred and Second Annual Meeting of the American Economic Association, pp. 92-96.

196. Mankiw N.G., Romer D., Weil D.N. A Contribution to the Empirics of Economics Growth // The Quarterly Journal of Economics, 1992, vol. 107, no. 2, pp. 407-437.

197. Manzano O., Gutiérrez J.D. The subnational resource curse: Theory and evidence // The Extractive Industries and Society, 2019, vol. 6, no. 2, pp. 261-266.

198. Marini R.M. América Latina, dependência e integração. São Paulo, SP : Editora Brasil Urgente, 1992.

199. McMillan M., Rodrik D., Verduzco-Gallo I. Globalization, Structural Change, and Productivity Growth, with an Update on Africa // World Development, 2014, no. 63, pp. 11-32.

200. Michalet C.-A. Le capitalisme mondiale. Paris: PUF, 1976. 84 p.

201. Miles D., Scott A. Macroeconomics and the global business environment. John Wiley & Sons, 2004. 346 p.

202. Nordhaus W.D. Climate change: The ultimate challenge for Economics // American Economic Review, 2019, vol. 109, no. 6, pp. 1991-2014.

203. Nordhaus W.D., Houthakker H., Solow R. The allocation of energy resources // Brookings papers on economic activity, 1973, no. 3, pp. 529-576.

204. Nordhaus W.D. Economic growth and climate: the carbon dioxide problem // The American Economic Review, 1977, pp. 341-346.

205. Nurkse R. Problems of Capital Formation in Underdeveloped Countries, Oxford University Press, 1953.

206. Parsons T., Shils E., Naegele K.D., Pitts J.R. Theories of society; foundations of modern sociological theory. New York: Free Press of Glencoe, 1961.

207. Pauli G. Blue Economy-10 Years, 100 Innovations, 100 Million Jobs. Paradigm Pubns, 2010.

208. Pnevmatikoudi, K., Stavrinoudis, T. (2016), "Classification of hotel performance measurement indicators presented in international scientific research", European Journal of Tourism Research, No. 12, pp. 82-98.

209. Popov V., Jomo K.S. Are developing countries catching up? // Cambridge Journal of Economics, 2018, vol. 42, Issue 1, pp. 33-46.

210. Prebisch R. Theoretical and Practical Problems of Economic Growt. New York: Economic Commission for Latin America, 1950.

211. Prescott E. Theory ahead of business cycle measurement // Federal Reserve Bank of Minneapolis Quarterly Review, 1986, no. 10, pp. 9-22.

212. Rifkin J. The Third Industrial Revolution. How Lateral Power Is Transforming Energy, the Economy, and the World. St. Martin's Publishing Group, 2011.

213. Robertson R., Knondker H. Discourses of globalization: Preliminary considerations. International sociology, 1999, Vol. 13, no. 1, pp. 25-40.

214. Rodrik D. The Past, Present, and Future of Economic Growth // Challenge, 2014, vol. 57, no. 3, pp. 5-39.

215. Romer P.M. Increasing Returns and Long-Run Growth // The Journal of Political Economy, 1986, vol. 94, no. 5, pp. 1002-1037.

216. Ryakhovskaya A.N., Kovan S.E. Crisis management: modern concept and basic tools // Management science, 2015, no. 3, pp. 45-55.

217. Sachs J.D., Warner A.M. Natural Resource Abundance and Economic Growth. Harvard Institute for International Development, 1995.

218. Sarkisyan Zh. Risks of Modernizing National Economies in the Conditions of the Technological Leap (Chapter 14). In: Technology and Business Strategy: Digital Uncertainty and Digital Solutions. Palgrave Macmillan, 2021. Pp. 195-210. DOI: 10.1007/978-3-030-63974-7_14.

219. Sarkisyan Zh., Tikhonova M. Managing for the Future: Crisis Management under Post-Industrial Modernization (Chapter 3). In: Post-Industrial Society: The Choice between Innovation and Tradition. Palgrave Macmillan, 2021. Pp. 31-42. DOI: 10.1007/978-3-030-59739-9_3.

220. Sarkisyan Zh., Tikhonova M. Individualization of Approaches in Scenarios of Survival and Development for Companies in the Digital Environment (Chapter 8). In: Technology and Business Strategy: Digital Uncertainty and Digital Solutions. Palgrave Macmillan, 2021. Pp. 113-126. DOI: 10.1007/978-3-030-63973-0_8.

221. Sassen S. Globalization and its Discontents. New York: The New Press, 1998.

222. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Crown Business, New York, 2017.

223. Simanis E., Milstein M. Back to Business Fundamentals: Making "Bottom of the Pyramid // Relevant to Core Business, Field Actions Science Report, 2012, special issue 4, pp. 82-88.

224. Singer H. Beyond terms of trade - convergence and divergence // Journal of International Development, 1999, vol. 11, no. 6.

225. Slutzky E. The Summation of Random Causes as the Source of Cyclic Processes // Econometrica, 1937, vol. 5, no. 2, pp. 105-146.

226. Solow R.W. A Contribution to the Theory of Economic Growth" // The Quarterly Journal of Economics, 1956, vol. 70, no. 1, pp. 65-94.

227. Solow R.M. Technical Change and the Aggregate Production Function // Review of Economics and Statistics, 1957, vol. 39, no. 3, pp. 312-320.

228. Sorkin A.R. Too Big to Fail: The Inside Story of How Wall Street and Washington Fought to Save the Financial System and Themselves. Penguin Books, 2010. 640 p.

229. Sukharev O. Economic crisis as a consequence COVID-19 virus attack: risk and damage assessment // Quantitative Finance and Economics, vol. 4, issue 2, pp. 274-293. DOI: 10.3934/QFE.2020013.

230. Swan T.W. Economic Growth and Capital Accumulation // Economic Record, 1956, no. 32, November, pp. 334-361.

231. The World Bank Group. Global Economic Prospects. June, 2020. DOI: 10.1596/978-1-4648-1553-9.

232. Toffler A. The third wave. New York, Morrow, 1990.

233. Toye J., Toye R. The Origins and Interpretation of the Prebisch-Singer Thesis // History of Political Economy, 2003, vol. 35, no. 3, pp. 437-467.

234. Qijun J., Cong Z. An Empirical Study on the Crisis Management about Food Enterprises Based on Corporate Social Responsibility / Proceedings of International Conference on Management and Service Science, IEEE, 2010, Wuhan, China. DOI: 10.1109/ICMSS.2010.5576484.

235. van Essen M., Engelen P.- J., Carney M. Does “Good” Corporate Governance Help in a Crisis? // Corporate Governance: An International Review, 2013, no. 21, pp. 201-224. DOI: 10.1111/corg.12010.

236. Vermaak H., De Caluwe L. The Colors of Change Revisited: Situating and Describing the Theory and its Practical Applications // Research in Organizational Change and Development, 2018, vol. 26, pp. 167-216. DOI: 10.1108/S0897-301620180000026005.

237. von Weizsäcker E.U. Decoupling: Technological Opportunities and Policy Options: Executive Summary. In: von Weizsäcker E. (eds) Ernst Ulrich von Weizsäcker // SpringerBriefs on Pioneers in Science and Practice, 2014, vol 28. Springer, Cham.

Электронные ресурсы

238. Аксельрод А. Как государственные цифровые валюты изменят нашу жизнь. URL: https://vc.ru/finance/128259-kak-gosudarstvennye-cifrovye-valyuty-izmenyat-nashu-zhizn.

239. Банк России. Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций. URL: https://www.cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble/.

240. Баран П. Глава вторая. Понятие об экономическом излишке. В кн.: Политическая экономия роста. URL: https://scepsis.net/library/id_3897.html.

241. Барьеры в развитии цифровой экономики в субъектах Российской Федерации. Аналитический доклад, ноябрь 2019. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/25838.pdf.

242. Белкина А. Как развиваются инновации в России. И где крупнейший бизнес ищет новые технологии. Ведомости, 2019, 09 октября. URL: https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2019/10/09/813027-razvivayutsya-innovatsii.

243. Всемирная организации интеллектуально собственности. Глобальный инновационный индекс 2019. К здоровому образу жизни: будущее медицинских инноваций. Главные выводы. Cornell, SC Johnson Colledge of Business. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_gii_2019_keyfindings.pdf.

244. Всемирный банк. DOING BUSINESS. Оценка. Бизнес. Регулирования. URL: https://russian.doingbusiness.org/ru/doingbusiness.

245. Всемирный банк. Нигерия. Благоприятность условий ведения бизнеса. URL: https://russian.doingbusiness.org/ru/data/exploreeconomies/nigeria#DB_tab.

246. PWC. Nigeria: Looking beyond Oil report. URL: https://www.pwc.com/ng/en/publications/nigeria-looking-beyond-oil-report.html.

247. Ермаханова С.А. Теория модернизации: история и современность. URL: http://forum.polismi.ru/index.php?/topic/1499-теория-модернизации-история-и-современность/.

248. Глазьев С.Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики. URL: https://glazev.ru/images/books/Современная теория длинных волн в развитии экономики.pdf.

249. Гринкевич Д. Виртуальная фискальность: цифровой налог даст бюджету до 60 млрд // Известия, 04.03.2021 г. URL: https://iz.ru/1132444/dmitrii-grinkevich/virtualnaia-fiskalnost-tcifrovoi-nalog-dast-biudzhetu-do-60-mlrd.

250. Зотин А. Тупиковая ветвь развития. Как технический прогресс остановил рост экономики в бедных странах // Коммерсантъ, 2018, 17 февраля. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3533278.

251. Какой вклад вносит промышленность в экономику отдельных стран мира. 24.09.2019. URL: https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/kakoi-vklad-vnosit-promyshlennost-v-ekonomiku-otdel-nykh-stran-mira.

252. Кидланд Ф. Я не знаю, зачем обращать внимание на кризис. Газета.ru, 04.05.2011. URL: https://www.gazeta.ru/business/2011/05/04/3602925.shtml.

253. Ланьков А. Модернизация в Восточной Азии, 1945 – 2010. Публичные лекции в Политехническом музее, 4 февраля 2010 г. URL: https://polit.ru/article/2010/03/11/lankov/.

254. Лекция декана ЭФ МГУ, профессора А.А. Аузана «Экономика во время пандемии и после нее». URL: https://www.econ.msu.ru/COVID-19/Auzan/.

255. Мау В.А. На государство возлагаются главные надежды // Коммерсант, №61/П, 06.04.2020. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4314982/

256. Мау В.А. Двойной шок: экономический кризис из-за пандемии может пойти не по тому сценарию, к которому готовятся страны. URL: https://www.forbes.ru/biznes/399381-dvoynoy-shok-ekonomicheskiy-krizis-iz-za-pandemii-mozhet-poyti-ne-po-tomu-scenariyu-k.

257. Медведев Ю. И все пойдет лесом. Чем грозит России новый углеродный налог ЕС на импортную продукцию. Российская газета, 26.01.2021. URL: https://rg.ru/2021/01/26/chem-grozit-rossii-novyj-uglerodnyj-nalog-es-na-importnuiu-produkciiu.html.

258. Национальная идентичность и будущее России. Доклад НИУ ВШЭ. Москва, 02.02.2014. URL: http://vid1.rian.ru/ig/valdai/doklad_identichnost_RUS_ISBN.pdf.

259. От максимума до обвала: динамика цен на нефть с 2000 года. ТАСС, 08.12.2015. URL: https://tass.ru/ekonomika/2509009.

260. Пенькова Д. Гиперинфляция: понятие, риски и последствия. О разрушительном воздействии на экономику. URL: https://journal.open-broker.ru/economy/giperinflyaciya-ponyatie-riski-i-posledstviya/.

261. Покровский Н.Е. Теория конвергенции: классические основы и современные проблемы (20 тезисов). Лекция в Вандербилтском университете (Нэшвилл, штат Теннесси, США), 1994 г. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/106/202/1217/006_Pokrovskij-brauning.pdf.

262. Правительство Российской Федерации: официальный сайт. Утверждена государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации». URL: http://government.ru/docs/36310/.

263. Развивающиеся страны. URL: https://megabook.ru/article/Развивающиеся+страны.

264. РБК, 30.11.2020 г. После реформы у институтов развития появится система KPI. URL: https://www.rbc.ru/business/30/11/2020/5fc48cc09a7947e6b21936e7.

265. РБК, 22.01.2021 г. ВЭБ получил новые цели на фоне реформы институтов развития. По каким KPI правительство будет оценивать работу госкорпорации. URL: https://www.rbc.ru/finances/22/01/2021/5fbbea319a7947ac324a6e1d?from=from_main_1.

266. РБК, 02.03.2021 г. Семь лет санкций против России. Главное. URL: https://www.rbc.ru/politics/02/03/2021/5bffb0f09a79470ff5378627.

267. Сидорович В. BP Energy Outlook 2020. Сравниваем с прошлогодними прогнозами. URL: https://renen.ru/bp-energy-outlook-2020-sravnivaem-s-proshlogodnimi-prognozami/.

268. Список развивающихся стран мира. URL: https://visasam.ru/emigration/vybor/razvivayushchiesya-strany.html.

269. Тан Датук Кристофер и малазийский институт PEMANDU: «Не нужно пытаться решить 100% проблем в зале совещаний». URL: https://blog.pmpractice.ru/2017/04/20/pemandu/.

270. ТАСС. Смертность из-за коронавируса в мире достигла максимума за пандемию. URL: https://tass.ru/obschestvo/10505233.

271. Центр макроэкономического анализа и долгосрочного прогнозирования. Мировая экономическая ситуация и перспективы 2021. Восстановление, устойчивое к шокам. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/DBelousov/WESP_2021_full.pdf.

272. Что показывают опережающие индикаторы системных финансовых и макроэкономических рисков? (по данным статистики на 01.01.2021). Центр макроэкономического анализа и долгосрочного прогнозирования. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analitics/SOI/SOI_february_2021.pdf.

273. Экология и экономика: тенденция к декарбонизации. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики октябрь 2020, №66. Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/BRE/_октябрь_web.pdf.

274. Adam C., Henstridge M., Lee S. After the lockdown: Using epidemiological and macroeconomic models to set out the adjustment to the aftermath of the Covid-19 pandemic in Sub-Saharan Africa // Oxford Policy Management, Working Paper, June 2020. URL: https://www.opml.co.uk/files/Publications/ahl2020-opm-working-paper-16-july-2020-final.pdf?noredirect=1.

275. Baker S.R., Bloom N., Davis S.J., Kost K., Sammon M., Viratyosin T. The Unprecedented Stock Market Reaction to COVID-19. URL: https://policyuncertainty.com/media/StockMarkets_COVID.pdf.

276. Bhatt G. The Haves and Have-nots Of the Digital Age. URL: https://blogs.imf.org/2021/03/01/the-haves-and-have-nots-of-the-digital-age/.

277. Bloomberg. Where to Do Business in 2019. And Where to Avoid. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-10-31/where-to-do-business-in-2019-and-where-to-avoid.

278. BP. Statistical Review of World Energy 2020. 69th edition. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf.

279. Brinca P., Duarte J.B., Faria e Castro M. Decomposing demand and supply shocks during COVID-19 // Voxeu.org, 17 June 2020. URL: https://voxeu.org/article/decomposing-demand-and-supply-shocks-during-covid-19.

280. Carlsson-Szlezak P., Reeves M., Swartz P. What Coronavirus Could Mean for the Global Economy // Harvard Business Review, 03 March, 2020. URL: https://hbr.org/2020/03/what-coronavirus-could-mean-for-the-global-economy.

281. Chen Y., Ioannides Y. International tourism and short-run growth: Reviewing the trade-off in the age of COVID-19 // Voxeu.org, 15 September 2020. URL: https://voxeu.org/article/international-tourism-and-short-run-growth.

282. Chudik A., Mohaddes K., Pesaran H.M., Raissi M., Rebucci A. Economic consequences of Covid-19: A counterfactual multi-country analysis // VoxEU.org, 19.10.2020. URL: https://voxeu.org/article/economic-consequences-covid-19-multi-country-analysis.

283. Cugat G., Narita F. How COVID-19 Will Increase Inequality in Emerging Markets and Developing Economies. URL: https://blogs.imf.org/2020/10/29/how-covid-19-will-increase-inequality-in-emerging-markets-and-developing-economies/.

284. De Grauwe P., Ji Y. A tale of three depressions // Voxeu.org, 24.09.2020. URL: https://voxeu.org/article/tale-three-depressions.

285. de Haan A. International support needed to respond to COVID-19 in low-income countries. URL: https://www.idrc.ca/en/perspectives/international-support-needed-respond-covid-19-low-income-countries.

286. Driving Performance from the Center: Malaysia's Experience with PEMANDU // World Bank Group, Knowledge & Research, 2017, April. URL: https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/26495/114270-WP-PUBLIC-13-4-2017-13-0-58-WorldBankReportPemanduFAFULLWeb.pdf?sequence=1.

287. Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // Daedalus (The MIT Press), 2000, vol. 129, no. 1, pp. 1-29. URL: http://www.jstor.org/stable/20027613.

288. Forbes. Best Countries for Business. URL: https://www.forbes.com/best-countries-for-business/list/#tab:overall.

289. Felbermayr G., Kirilakha A., Syropoulos C., Yalcin E., Yotov Y. The Global Sanctions Data Base // Voxeu.org, 04 August 2020. URL: https://voxeu.org/article/global-sanctions-data-base.

290. Funk C., Kennedy B. How Americans see climate change and the environment in 7 charts. URL: https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/04/21/how-americans-see-climate-change-and-the-environment-in-7-charts/.

291. Gelos G., Rawat U., Ye H. COVID-19 in emerging markets: Escaping the monetary policy procyclicality trap // Voxeu.org, 20 August 2020. URL: https://voxeu.org/article/covid-19-emerging-markets-escaping-monetary-policy-procyclicality-trap.

292. Global Economic Effects of COVID-19. Congressional Research Service. R46270, version 64, 2021. URL: https://fas.org/sgp/crs/row/R46270.pdf

293. Hoeser S. Technology shocks are felt around the world. URL: https://thespacereview.com/article/3083/1.

294. How does the WEO categorize advanced versus emerging market and developing economies? URL: https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/faq.htm#q4b.

295. Jacobson A. Real Business Cycle Theory. URL: https://www.ajjacobson.us/capital-stock/real-business-cycle-theory.html.

296. Jamrisko M., Miller L.J., Lu W. These Are the World's Most Innovative Countries, 2019. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-01-22/germany-nearly-catches-korea-as-innovation-champ-u-s-rebounds?fbclid=IwAR35I5FBXBWIZB5lIwO7E9qWNJ--oUDw09bO1pZaXw4gOu9CD3R_NPca6w0.

297. Jamrisko M., Lu W. Bloomberg Innovation Index. Germany Breaks Korea's Six-Year Streak as Most Innovative Nation, Bloomberg, 2020, 18 January. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-01-18/germany-breaks-korea-s-six-year-streak-as-most-innovative-nation.

298. Jamrisko M., Flint S. China Lags as Thailand, Russia Rank Top Emerging Market Picks. Bloomberg, 17.12.2020. URL: https://www.bloomberg.com/graphics/2020-emerging-markets-recovery-ranking/.

299. IMF. Economic Policies for the COVID-19 War. URL: https://blogs.imf.org/2020/04/01/economic-policies-for-the-covid-19-war/.

300. JP Morgan: Commodity Super Cycle Has Begun (Bloomberg). URL: https://hotcopper.com.au/threads/jp-morgan-commodity-super-cycle-has-begun-bloomberg.5914158/.

301. IMF. Unemployment rate (Percent). URL: https://www.imf.org/external/datamapper/LUR@WEO/ADVEC.

302. Koop A. Mapping Global Income Support During COVID-19. URL: https://www.visualcapitalist.com/mapping-global-income-support-during-covid-19/.

303. Li Y.Y., Burton M. Copper Tops $8,000 as Goldman Points to Commodities Super-Cycle. Bloomberg. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-12-18/copper-marches-toward-8-000-as-goldman-sees-super-cycle-echoes.

304. Mahtani S. Carrie Lam's Problem and Ours: China's State-Backed Digital Currency // American Affairs, 2021, Spring / vol. V, no. 1. URL: https://americanaffairsjournal.org/2021/02/carrie-lams-problem-and-ours-chinas-state-backed-digital-currency/.

305. Meijerink G., Hendriks B., van Bergeijk P.A.G. Covid-19 and world merchandise trade: Unexpected resilience // Voxeu.org, 02.10.2020. URL: https://voxeu.org/article/covid-19-and-world-merchandise-trade.

306. Lysenko T., Oliveros-Rosen E. Emerging Markets: A Tenuous And Varied Recovery Path. S&P Global, 29.09.2020. URL: https://www.spglobal.com/ratings/en/research/articles/200929-emerging-markets-a-tenuous-and-varied-recovery-path-11671390.

307. Nestle и Mars обвинили в использовании труда африканских детей. Какие компании получали похожие иски. Moscow Daily News, 13.02.2021. URL: https://www.mn.ru/articles/nestle-i-mars-obvinili-v-ispolzovanii-truda-afrikanskih-detej-kakie-kompanii-poluchali-pohozhie-iski.

308. OECD. Main Science and Technology Indicators // OECD Publishing, 2018, vol. 1. URL: https://doi.org/10.1787/msti-v2018-1-en.

309. Orlik T., Van Roye B. An Economist's Guide to the World in 2050. Bloomberg. URL: https://www.bloomberg.com/graphics/2020-global-economic-forecast-2050/.

310. Owyang J. Framework: The Social Media ROI Pyramid // Web Strategist, 13 Desember 2010. URL: https://web-strategist.com/blog/2010/12/13/framework-the-social-media-roi-pyramid/.

311. PEMANDU Associates. Big Fast Results (BFR) Methodology – 8 Steps of Transformation©. URL: https://pemandu.org/8-steps-of-transformation/.

312. Perez M.G. Mars, Nestle Among Companies Named in Cocoa Labor Abuse Suit. Bloomberg, 12.02.2021. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-02-12/mars-nestle-among-companies-named-in-cocoa-labor-abuse-suit.

313. PWC. The World in 2050 – Summary report. The Long View: How will the global economic order change by 2050? URL: https://www.pwc.com/gx/en/research-insights/economy/the-world-in-2050.html.

314. Ragnar Frisch. The Nobel Prize in Economic Sciences 1969. URL: https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/1969/frisch/facts/.

315. Rothkopf D. Is a Green World a Safer World? A guide to the coming green geopolitical crises. URL: https://foreignpolicy.com/2009/08/22/is-a-green-world-a-safer-world/.Should we still group countries by income? URL: https://www.weforum.org/agenda/2016/01/should-we-still-group-countries-by-income.

316. The Economist Intelligence Unit. Long-term macroeconomic forecasts Key trends to 2050.A special report. URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=Forecasting To2050.

317. The Group of Thirty. DIGITAL CURRENCIES AND STABLECOINS. Risks, Opportunities, and Challenges Ahead. Washington, D.C. July 2020. URL: http://bmcenter.ru/users/3078/photos/editor/doc/G30_Digital_Currencies.pdf.

318. The World Bank's 2020 country classifications explained. URL: https://www.weforum.org/agenda/2020/08/world-bank-2020-classifications-low-high-income-countries/.

319. UNICEF, 2020. How many children and young people have internet access at home? URL: https://data.unicef.org/resources/children-and-young-people-internet-access-at-home-during-covid19/Visualizing The Largest Economies in The World Over the Last 40 Years. URL: https://howmuch.net/articles/worlds-biggest-economies-over-time.

320. United Nations Conference on Trade and Development. State of Commodity Dependence 2019. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditccom2019d1_en.pdf.

321. Van Buren M.E., Safferstone T. The Quick Wins Paradox // Harvard Business Review, 2009, January. URL: https://hbr.org/2009/01/the-quick-wins-paradox.

322. The Global Sanctions Data Base (GSDB). URL: https://www.globalsanctionsdatabase.com.

323. World Bank. High-technology exports (% of manufactured exports), 2019. URL: https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.CD?most_recent_value_desc=true.

324. World Bank Group. Committee on Payments and Market Infrastructures. Payment aspects of financial inclusion in the fintech era. April 2020. URL: https://www.finextra.com/finextra-downloads/newsdocs/d191.pdf.

325. World Economic Forum. Global Competitiveness Report Special Edition 2020: How Countries are Performing on the Road to Recovery. URL: https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2020.

326. World Economic Situation and Prospects — 2013. Statistical Annex. Development Policy and Analysis Division of the United Nations. URL: https://www.un.org/en/development/desa/policy/wesp/wesp_current/2013country_class.pdf.

327. World Economic Forum. The Global Risks Report 2020. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risk_Report_2020.pdf.

328. World Economic and Financial Surveys. Database – WEO Groups and Aggregates Information. URL: https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/01/weodata/groups.htm.

329. World Development Indicators. High-technology exports (current US). URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#/.

330. World Energy Outlook 2020. Part of World Energy Outlook. Flagship report – October 2020. URL: https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2020.